

DOI: 10.15507/2413-1407

ISSN 2413-1407
eISSN 2587-8549

Регионология

2025 Том 33 № 3
Vol. 33 No. 3

Russian Journal
of Regional Studies

Регионология

Том 33, № 3. 2025 (июль – сентябрь)

Сквозной номер выпуска – 132

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 33, no. 3. 2025 (July – September)

Continuous issue 132

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshhevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

Электронная редакция: <https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Регионология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Science Citation Index*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)

Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)

International Relations (Political Sciences)

Economic Sociology (Social Sciences)

Demography (Social Sciences)

Demography (Economic Sciences)

Political Sociology (Social Sciences)

Political Sociology (Political Sciences)

Sociology of Culture (Social Sciences)

Sociology of Management (Social Sciences)

Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Regional and Branch Economics (Economic Sciences)

World Economy (Economic Sciences)

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь, кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножко Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталья Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Швайба Дмитрий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и логистики Белорусского национального технического университета, заместитель генерального директора ЗАО «Белнефтехстрах», ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Минск, Республика Беларусь)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya V. Shumkova – Executive Editor, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolubova – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Dzmitry N. Shvaiba – Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Economics and Logistics, Belarusian National Technical University, Deputy General Director of ZASO Belneftesttrakh, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Minsk, Republic of Belarus)

Serghei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Региональная и отраслевая экономика

Ваган Ш. М., Сидра С. Влияние цифровых технологий на производительность и модернизацию сектора услуг 386

Липатова Л. Н. Ранжированная оценка продовольственной безопасности регионов Приволжского федерального округа 406

Кулибанова В. В., Тэор Т. Р., Ильина И. А. Факторы привлекательности бренда территории для резидентов 424

Политические институты, процессы, технологии

Бахлова О. В., Бахлов И. В. Состояние и перспективы политики патриотического воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России 443

Райнхардт Р. О., Немудров К. А. Развитие научных диаспор как инструмент научной дипломатии: опыт Италии 468

Дудайти А. К. Грузия и США: региональные последствия партнерства для Южного Кавказа 483

Лисенкова А. Д. Электоральный успех в Восточной Германии (2024 г.) и последующий спад «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» 500

Гриняев С. Н. Перевооружение Европы к 2030 году: вызовы и перспективы 518

Социальная структура, социальные институты и процессы

Маркова Ю. С., Гордеева С. С. Модели взаимодействия социальных субъектов и акторов в обеспечении социокультурной безопасности муниципалитетов 531

Авдеев Е. А., Бредихин С. Н., Воробьев С. М. Социально-политический образ современной России в представлениях студенческой молодежи Северного Кавказа .. 549

Информация для авторов и читателей 566

CONTENTS

Regional and Branch Economics

Wagan S. M., Sidra S. Digital Technology's Impact on Service Sector Productivity and Modernization	386
Lipatova L. N. Ranked Assessment of Food Security in the Volga Federal District Regions	406
Kulibanova V. V., Teor T. R., Ilyina I. A. Factors of Attractiveness of a Territory Brand for Residents	424

Political Institutions, Processes, Technologies

Bakhlova O. V., Bakhlov I. V. The State and Prospects of Patriotic Education Policy within the Union State of Belarus and Russia	443
Reinhardt R. O., Nemudrov K. A. Development of Scientific Diasporas as a Tool of Science Diplomacy: Italian Case	468
Dudaiti A. K. Georgia and the USA: Regional Implications of Partnership for the South Caucasus	483
Lisenkova A. D. Electoral Success in East Germany (2024) and Subsequent Decline of the Sahra Wagenknecht Alliance – Reason and Justice	500
Grinyaev S. N. Rearming Europe by 2030: Challenges and Prospects	518

Social Structure, Social Institutions and Processes

Markova Yu. S., Gordeeva S. S. Models of Interaction of Social Subjects and Actors in Ensuring Socio-Cultural Security of Municipalities	531
Avdeev E. A., Bredikhin S. N., Vorobiev S. M. The Socio-Political Image of Modern Russia in the Perceptions of Student Youth in the North Caucasus	549
Information for Authors and Readers of the Journal	566

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.386-405><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/fmshtz>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 004.9:658.64

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Digital Technology's Impact
on Service Sector Productivity and Modernization****S. M. Wagan** ✉**S. Sidra***Sichuan University
(Chengdu, China)*✉ shah.mehmood04@outlook.com*Abstract*

Introduction. The effect of digital technology on productivity of service industry is imperative regarding economic growth of the world economy especially where service industries dominate GDP in developed economies. The paper looks at the aspect of digital transformation in relation to its impact on service productivity in 176 economies between 2009 and 2023 in terms of disparities in income levels, economies of scale perspectives, and structural modernization.

Materials and Methods. In the investigation of the association between service labor productivity and digital technology (as evaluated using the ICT Development Index), we used a cross-nation panel data and fixed-effects regression generalization. Testing of the mechanism involved economies of scale analyses of mediation as well as structural modernization. UNCTAD and the World Bank were used as sources of data regarding 176 economies, and the period was 15 years.

Results. Each unit increase in the ICT Development Index stimulated a 0.43 percent growth in the service labor productivity ($p < 0.01$). The 8.8 percentage productivity growth was attributed to high-income countries than the middle and low incomes nations. The improvement of productivity through economies of scale and structural modernization led to digitalization; however, it had minimal impact in the developing regions because of the mismatched infrastructure and missing integration in the developing areas.

Discussion and Conclusion. In high-income economies, digital technology has a very strong environment in increasing service productivity but in the lower-income contexts, it has less significant effects. The policy implications are that there should be specific investments in digital infrastructure, institutional preparation, and human capital provision to achieve growth on an inclusive basis. There are data availability and heterogeneity of regions. Digital inclusion strategies and the firm-level dynamics should be investigated in the future. This paper contributes to the quantitative data on unevenness in digital transformation around the globe and it guides on how policy makers can utilize it to achieve a sustainable economic growth.

© Wagan S. M., Sidra S., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Keywords: digital technology, service industry productivity, cross-national panel data, economies of scale, structural modernization, income-level heterogeneity, digital divide, policy implications

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Wagan S.M., Sidra S. Digital Technology's Impact on Service Sector Productivity and Modernization. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(3):386–405. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.386-405>

Влияние цифровых технологий на производительность и модернизацию сектора услуг

Ш. М. Ваган ✉ С. Сидра

Сычуаньский университет
(г. Чэнду, Китай)

✉ shah.mehmood04@outlook.com

Аннотация

Введение. Влияние цифровых технологий на производительность в сфере услуг имеет решающее значение для роста мировой экономики, особенно в развитых странах, где сфера услуг доминирует в валовом внутреннем продукте (ВВП). Цель статьи – проанализировать влияние цифровой трансформации на производительность в сфере услуг в 176 странах в период с 2009 по 2023 год с точки зрения различий в уровнях доходов, перспектив экономии от масштаба и структурной модернизации.

Материалы и методы. При исследовании связи между производительностью труда в сфере услуг и цифровыми технологиями, которые оценивались с помощью Индекса развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), использовались международные панельные данные и обобщение регрессии с фиксированными эффектами. Тестирование механизма включало в себя анализ экономии от масштаба в посредничестве, а также структурной модернизации. Источниками данных послужили материалы Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Всемирного банка.

Результаты исследования. Каждое увеличение индекса развития ИКТ стимулировало рост производительности труда в сфере услуг на 0,43 % ($p < 0,01$). При этом в странах с высоким уровнем дохода отмечено увеличение показателя на 8,8 %; повышение производительности за счет экономии и структурной модернизации привело к цифровизации. Однако в развивающихся регионах это оказало минимальное влияние из-за несоответствия инфраструктуры и отсутствия процессов интеграции.

Обсуждение и заключение. В странах с высоким уровнем дохода цифровые технологии создают благоприятную среду для повышения производительности в сфере услуг, но в странах с низким уровнем дохода их влияние менее значимо. Для достижения инклюзивного роста нужно целенаправленно инвестировать в цифровую инфраструктуру, институциональную подготовку и обеспечение человеческого капитала, учитывая региональную специфику. В перспективе необходимо изучить стратегии цифровой инклюзии и динамику в разрезе компаний. Настоящее исследование предоставляет количественные данные о неравномерности цифровой трансформации во всем мире, а также рекомендации по их использованию политиками для достижения устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: цифровые технологии, производительность в сфере услуг, межнациональные панельные данные, экономия за счет масштаба, структурная модернизация, неоднородность по уровню доходов, цифровой разрыв, последствия для политики

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ваган Ш.М., Сидра С. Влияние цифровых технологий на производительность и модернизацию сектора услуг. *Регионоведение*. 2025;33(3):386–405. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.386-405>

Introduction. As noted by the World Bank (2023), service sector often means bigger share in present GDP in developed economies. This change in structure underlines the increased relevance of studying the dynamics of productivity in service industry in context of the intensive digital transformation. However, economic growth has continued to slow

down, leading to low productivity issues. The 'middle-income trap' dilemma persists as a contemporary challenge for nations based on Brazil's current situation. Brazil made initial digital transformation moves in 2015 but has experienced inconsistent progress due to the need for continuous policy backing and infrastructure expansion. We conduct this extended research to study digital technology's effects on service productivity for varying economic levels.

Personalization makes it difficult for the service industry to follow the manufacturing industry in standardized production, which can lead to high-cost expansion and impact on economic growth. The improvement of service industry productivity is not only related to the rise and fall of the industry but also to the success or failure of structural transformation and the sustainability of economic growth. Research F. Nucci et al. has pointed out that Brazil's service industry productivity has long been lower than that of the industrial industry, and the productivity gap has not been narrowed [1]. The modernization of the service industry has been relatively slow, and premature deindustrialization is closely related to the lag in productivity in the service sector.

Studies by P. Gandhi¹ and J. Hua et al. [2] have shown that digital technology influences the service business via theoretical mechanisms, fast division of labor, and innovation. Digital technology boosts service industry productivity via structural impact, enabling effect, and economies of scale, shifting it from a "stagnant sector". However, non-standard delivery offers sellers a monopolistic advantage, reducing their motivation to improve efficiency. Standardized production in service industry is difficult to accomplish due to inherent characteristics such as intangibility, non-storability, and heterogeneity, as noted by S. V. Doroshenko and R. I. Vasilyeva². Using economies of scale to boost production efficiency reduces the service industry's technical innovation investment incentives, making it hard for productivity to expand as rapidly as manufacturing.

The National Policy emphasizes R&D investment and human capital optimization in the service sector, which is growing rapidly. The Brazilian Institute of Geography and Statistics (IBGE) addresses this topic. Digital technology boosts service sector productivity by making high-skilled workers more flexible and marketable. Yet, the literature lacks mechanism testing, empirical research on economies of scale, cross-national data, and middle- and low-income economy disparities. The study also lacks a realistic backdrop of great power rivalry in the digital technology revolution and does not analyze how digital technology affects service sector productivity in various countries.

To address these gaps, this research employs cross-nation panel statistics from 2009 to 2023 to check out how digital technology has changed the service industry's productivity, with an emphasis on economy of scale and structural modernization, while situating the findings within the broader context of global digital competition and uneven development trajectories.

Grishina et al. examined annual changes in employment share and relative labor productivity of service industry in typical countries, revealing distinct patterns of sectoral development [3]. Note: 1) Based on data from ten industry sectors from the Groningen

¹ Gandhi P. Digital Technology and CRM Implementation in the Hospital of Delhi and NCR. In: Singh S.N., Mahanta S., Singh Y.J. (eds.) Proceedings of the NIELIT's International Conference on Communication, Electronics and Digital Technology. Singapore; 2023. Pp. 629–640. https://doi.org/10.1007/978-981-99-1699-3_44

² Doroshenko S.V., Vasilyeva R.I. Spatial Estimation of Regional Economic Growth Heterogeneity During 2014–2021. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):484–503. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503>

Growth and Development Centre (GGDC); 2) The values next to the lines in the figure, such as “1950”, represent the years.

Literature Review. *Characteristics of the traditional service industry and constraints on improving its production.* According to M. S. Abdurashidova and M. E. Balbaa³, features of the conventional service business and its inability to boost production efficiency. N. B. Baker et al. [4] emphasized that in study shows that the conventional service business cannot be preserved and produces non-physical forms. Concurrent consumption and production are common. Customers choose whether the services offered are either diverse or non-standardized. Production and distribution focusing on 14–24-year-old needs. Moreover, L. S. Bjerke-Busch and S. Thorp [5] point out that these qualities, which are mentioned below, make service-sector productivity hard to be increased: First, gradual and labor-saving technical innovation increases productivity; second, the service industry's tradability is decreased and its value is added due to the non-storability feature. As S. C. Chiemek and O. M. Imafidor [6] argue, trade and specialization bring scale economies. Besides: Material knowledge economy is the main concept of the new service industry along with high-tech and human resources. Additionally, V. Dear et al. [7] suggest that modern, capital-intensive, high-value technology and idea are combined with the business strategy which makes the direction clearer. Productive and life service industries are specializing and developing. X. Fu et al. [8] further note that service sector variety and quality are improving.

Digital technology, reshaping of economies of scale and productivity in the service industry. Increased returns are needed to boost service sector productivity. According to C. Jin et al. [9], scale economies boost returns. Redesigning the service form to be tradable and standard service sector productivity is now driven by economies of scale. Encoding knowledge with digital technology changes services..As emphasized by J. Vazquez et al. [10], digital technology has made service exports more competitive. Though products and transaction qualities restrict its tradability, digital technology may alter that. K. Kosior [11] highlights that non-storability, physical formlessness, and synchronization of conventional services. Thus, conventional services become non-tradable. Servicing knowledge encodes digital technology's basic mechanism.

However, in the opinion of V. Krasnomovets et al.⁴, traditional services like music, education, and entertainment have their unique essence. The transfer of knowledge remains restricted because services cannot be stored and require shipping methods which reduce distant trade possibilities. Digital technology binds knowledge into special network platforms and storage media systems that make these services not exchangeable between consumers. As noted by T. Kulinich et al. [12], digital technology also lowers service trade costs. L. Laszig et al.⁵ adds that countries' geographical distance affects trade transaction costs. International commerce transportation and communication expenses,

³ Abdurashidova M.S., Balbaa M.E. Digital Transformation of the Industrial Sector: The Case of Uzbekistan Economy [Электронный ресурс]. In: ICFNDS'22: Proceedings of the 6th International Conference on Future Networks and Distributed Systems. Pp. 130–136. <https://doi.org/10.1145/3584202.3584222>

⁴ Krasnomovets V., Mazniev I., Sarana O., Shulha O., Khomiuk N., Artemchuk L. Operational Management of Service Field Enterprises under the Conditions of Digitalization in the System of Sustainable Development. *Ad Alta-Journal of Interdisciplinary Research*. 2024;14(1):235–239.

⁵ Laszig L., Bahr M., Gad G.M., Lomiento G. Effect of Innovation on Productivity in the Construction Industry: A Literature Review. In: Construction Research Congress 2020: Computer Applications. 2020. <https://doi.org/10.1061/9780784482865.058>

information collecting and transaction monitoring costs, customer assessment and pre-and after-sales service costs, etc. Digital technology reduces service trade expenses, but it also drives conventional service industry firms. L. Laszig et al. argues that digitization is lowering trade thresholds, export transaction settlement and logistics coordination can be automated, and more SME are entering international trade. Endless connection and massive data aggregation and processing optimize.

Traditional service variation occurs because individuals provide directly to consumers, which is determined by scene, environment, and people [13]. A. More et al.⁶ note that wide range makes standard services challenging. Standardization through compliance collection, storage, and analysis of big data, models, and algorithms to extract and use standardized indicators and weights to embed service decisions in implementation, and standardized processes to reduce service variance⁷. As suggested by F. Nucci et al. [1], improving digital technology's knowledge encoding facilitates transformation of conventional service products by decreasing reliance on direct human interaction.

Digital Technology, Structural Modernization and Service Industry Productivity. Modernizing the service sector will boost productivity. This procedure changes structural proportions from traditional to contemporary. Modern service business is growing while conventional service industry is shrinking M. V. Tereshina et al. [14]. Productive services are rising while life services are falling. The percentage of services falls. It is the digital technology that is transforming the service business and self-betterment is the main drive for that.

In this context, C. C. Osorio-Gomez et al. [15] argue that traditional service sectors including retail, wholesale, catering, commerce, banking, and planning are not productive. The new technology-fueled service sectors, for example, computer communication, are much more efficient. According to M. Sarabdeen and H. Alofaysan⁸, service sector productivity increases. Digital technology modernizes and transforms service businesses. Transformation, for example, the cultural business is an inefficient service industry, but digital technology supports cultural aspects, making cultural goods more diverse and expressive. It boosted cultural industry efficiency. Digital technology boosts service business efficiency without extending its size.

Technological R&D and labor quality supplanted contemporary physical capital in influences on commercial services, digitalization, and intelligence. Improved industrialization and input factor efficiency. For service industry spatial arrangement, industrial clusters no longer use conventional centralized control of the decentralized layout at the macro level has decreased the favorable impact of industrial agglomeration, and the micro level agglomeration model will become the major focus. A decentralized flow model makes more favorable conditions for balanced regional service industry growth, while digital technology has simultaneously enabled creation of new modern services as noted by E. G. Leonidova [16].

⁶ More A., Aslekar A. Role of ICT and Fintech in Indian Agriculture. 2022. In: International Conference on Decision Aid Sciences and Applications (DASA). Chiangrai, Thailand; 2022. Pp. 900–904. <https://doi.org/10.1109/DASA54658.2022.9765170>

⁷ Lorincz J. Searching Toolboxes for the Right Solution. Manufacturing Engineering. 2014. Available at: https://jglobal.jst.go.jp/copylink?JGLOBAL_ID=201402206275083541 (accessed 10.02.2025).

⁸ Sarabdeen M., Alofaysan H. Investigating the Impact of Digital Transformation on the Labor Market in the Era of Changing Digital Transformation Dynamics in Saudi Arabia. *Economies*. 2023;11(1):12.

Increasing returns from economies of scale and scope, convenience, and algorithm and network cluster benefits to develop rules encourage the traditional service contemporary transformation of the business. Study analysis indicates digital technology improves service industry performance by establishing two fundamental pathways that involve economies of scale and structural modernization. The mechanisms emerged from combining conceptual models with empirical research studies across high-income and developing countries.

The hypotheses were solidified through an analysis framework from R. M. Baron and D. A. Kenny⁹ (1986) which checked for indirect transmission of digital technology effects on service productivity through these two channels. Specifically.

H2: Digital technology can reshape the economies of scale in service industry, thereby improving service industry productivity.

H3: Digital technology promotes the modernization and transformation of the service industry structure, thereby improving productivity of service industry.

The conceptual model in Fig. 1 presents the way digital technology directly affects service productivity but does so through the two mediators. Mechanism Test Results conducts empirical tests based on panel regression models containing interaction terms alongside estimations of mediation effects to confirm the analysis.

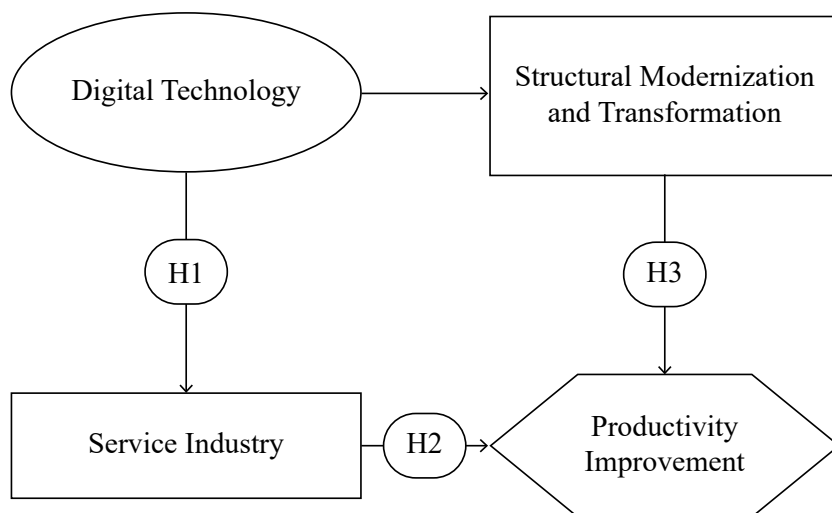

Fig. 1. Hypothesis Framework Diagram¹⁰

Materials and Methods. *Econometric model setting. Baseline Model Setting.* To check digital technology impact on the productivity of the service industry. In terms of quantitative empirical research, we use cross-national panel data to analyze its continuous data characteristics and consider the possible differences between different countries. Some unobservable individual characteristics may lead to the omission of certain variables.

⁹ Baron R.M., Kenny D.A. The Moderator–Mediator Variable Distinction in Social Psychological Research: Conceptual, Strategic, and Statistical Considerations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;51(6):1173–1182.

¹⁰ Source: Developed by Author.

The endogeneity problem caused by the introduction of the individual effect model is based on this. Hausman test was performed to determine the estimation efficiency of the random effect model and fixed effect model. The test results significantly rejected the null hypothesis, indicating that individual effects are related to explanatory variables, and fixed effects models.

The standard panel data econometric frameworks that can be used to trace cross-country productivity are utilized in our baseline model (e.g. [9; 10]). It is stated as follows (Equation 1):

$$\text{Ser_LP}_{it} = \beta_0 + \beta_1 \text{Digital}_{it} + \gamma Z_{it} + \mu_i + \eta_t + \epsilon_{it}, \quad (1)$$

where Ser_LP_{it} – signifies labor productivity of service sector in economy i in year t . It is calculated as the logarithm of real value added per worker in service industry; β_0 – is intercept or constant term; β_1 – is the coefficient of primary interest; Digital_{it} – digital technology development level in economy i in year t , measured by the ICT Development Index from UNCTAD; γ – is a vector of coefficients corresponding to the control variables; Z_{it} – is a vector of control variables together with population aging, human capital, infrastructure, natural resources, energy use, population size, GDP per capita, and urbanization rate; μ_i – captures unobserved time-invariant country-specific effects; η_t – controls for common time trends; ϵ_{it} – is the idiosyncratic error term.

This model is estimated using fixed effects to account for potential heterogeneity across countries.

Mechanism Testing Model Setting. Study utilized a mediation analysis framework to test mutual mediation of the economies of scale and structural modernization by estimating equations using fixed-effects regression models. Interaction effects are also seized to gauge conditional effects. There was no generalized method of moments (GMM) applied given that the time horizon ($T = 15$) is relatively short and that there are no major endogeneity concerns which cannot be overcome by introduction of lagged variables.

No. i economies t years of digital technology; is intercept – baseline level of service labor productivity; χ_1 is total effect of digital technology (Digital_{it}) on service productivity (Ser_LP_{it}), before controlling for the mediator; χ_j is coefficients for control variables (Z); Z is control variables set; μ_i is the individual fixed effect; η_t is the year fixed; δ_0 is intercept in mediation model; δ_1 is direct effect in mediation model; δ_2 is mediator effect coefficient; δ_j is control variable coefficients in mediation model; ϵ_{it} is a random disturbance term. Due to data availability, the percentage of medium and high-tech service exports is used. The proportion of total service exports indicates the degree of structural modernization of the service industry in:

$$\text{Ser_LP}_{it} = \chi_0 + \chi_1 \text{Digital}_{it} + \chi_j Z + \mu_i + \eta_t + \epsilon_{it}, \quad (2)$$

$$M_{it}^k = \beta_0 + \beta_1 \text{Digital}_{it} + \beta_j Z + \mu_i + \eta_t + \epsilon_{it}, \quad (3)$$

$$\text{Ser_LP}_{it} = \delta_0 + \delta_1 \text{Digital}_{it} + \delta_2 M_{it}^k + \delta_j Z + \mu_i + \eta_t + \epsilon_{it}. \quad (4)$$

In formulas (2) to (4): M_{it}^k represents the mediating variable, $k = 1, 2$; M_{it}^1 represents economies of scale; represents structural modernization (Str_Up_{it}).

Variable Description. Explanatory variables. The Digital technology development level uses ICT Development Index (IDI) of (UNCTAD) as its measurement tool. The IDI serves as a standardization method which combines various measures regarding ICT infrastructure usage and skills in different countries. This measurement produces standardized values between 0 and 100 which demonstrate digitalization intensity. Research based on various countries utilizes this index because of its proven reliability together with its comprehensive nature.

Explained variables. Service industry productivity (Ser_LP): According to general practice, it is expressed using labor productivity of service industry. Ratio of employment in service industry to the number of employees is expressed in logarithm. All amounts are in 2015 constant US dollars, aligned with the World Bank's latest GDP rebasing. A fixed base year enables comparability across time and across nations. The choice of 2015 reflects data availability rather than obsolescence.

Mechanism variables. Economies of scale: expressed as the proportion of service trade to GDP. The above analysis points out that the mechanisms of economies of scale include: The level of trade and standardization has increased, but standardization of the service industry is difficult to achieve as in equation 5.

Exports of medium and high-tech services =

Exports of ICT services + Exports of financial and insurance services. (5)

Control variables. Population aging (Aging): signified by population aged 65 and above; human capital (HC), infrastructure (Infstr), natural resources (Natural), energy level (Energy): represented by the human capital index, infrastructure index, natural resources index, and energy index provided by the NCTAD database respectively; population size (pop): represented by the logarithm of the population size; GDP per capita (per GDP): 2015 constant US dollars directly provided by the World Bank; urbanization rate (urban): signified by urban population.

Data Description. A cross-national panel dataset used for research extends from 2009 to 2023 and includes 176 economies. Applications of this method result in 2,640 possible observations when multiplying 176 countries with 15 years span. Different variable indicators result in varying actual observation numbers which are shown in Table 1. The data contains missing values because (1) individual countries report different indicators over time, (2) World Bank data differs from UNCTAD data, (3) classification changes in service trade categories produce inconsistent reporting practices and (4) specific indicators such as high-tech service exports are restricted to select countries during specific time periods. All control variables (e.g. human capital index, natural resources index) were sourced in the UNCTAD database (2023) and the World Bank (2023). Equally, the ICT Development Index (IDI) was obtained through UNCTAD Digital Economy Tools. All analysis data remains intact because the researchers avoid replacing any missing values to sustain the accuracy of their empirical findings.

Table 1. Descriptive statistics of variables

Variable	Sample size / mean		Standard Deviation	Minimum	Maximum
1	2	3	4	5	6
Productivity in the service sector	2239	9.604	1.095	7.017	12.361
Digital Technology Development Level	2262	43.621	20.431	2.157	97.032
Aging population	2262	8.338	6.114	0.171	29.793
Human capital	2262	44.461	18.371	7.745	100
Transport infrastructure	2262	40.021	17.591	1.032	92.221

End of the table 1

1	2	3	4	5	6
Natural Resources Index	2262	39.991	13.691	2.658	85.261
Energy Index	2262	52.671	21.621	1.872	99.632
Population size	2262	15.971	1.792	11.561	21.063
GDP per capita	2253	8.577	1.401	5.572	11.591
Urbanization rate	2262	57.671	22.851	10.381	100
Economies of scale	2117	24.252	29.482	2.005	316.31
Structural modernization	1967	15.021	13.693	0.08	93.172

Note. Sample size discrepancy is because of differences in availability of data. Missing values result from incomplete reporting, limited country-year coverage, and some data limitations.

Results. Benchmark Results Analysis. The fixed effect model was used for regression analysis, and results are revealed in Table 2. As shown in the model without control variables, digital technology has significant impact on service sector productivity in high-income economies, the level of trade in services is used to describe Economies of scale. Structural modernization (Str_M) the initial consideration is to use added value of medium and high-tech services proportion to the added value of the service industry. Obtain data on the added value of medium and high-tech service industries in various countries around the world, considering estimated coefficient of business productivity is positive and passes the 1 % significance level test; after gradually adding control variables, R2 the estimated coefficient of digital technology on service industry productivity is still positive and the test passed the 1 % significance level test. This demonstrates how digital technology growth has encouraged the service sector's increased productivity.

Table 2. Variable benchmark regression results

Variable	Main effect only	Demographics	Infrastructure and Resources	Energy and Population	Economic Controls
Ser_LP					
	Benchmark Model	Join Aging and HC	Join infstr and Natural	Add Energy and Pop	Join pergd and urban
1	2	3	4	5	6
Digital	0.0105*** – 0.0008	0.0051*** – 0.0005	0.0053*** – 0.0005	0.0059*** – 0.0006	0.0028*** – 0.0006
Aging		0.0125*** – 0.0032	0.0161*** – 0.0033	0.0067** – 0.0035	0.0067** – 0.0032
HC		0.0045*** – 0.0014	0.0045*** – 0.0014	0.0098*** – 0.0014	0.0078*** – 0.0013
Infstr			0.0032*** – 0.0005	0.0022*** – 0.0005	0.0014*** – 0.0005

End of the table 2

1	2	3	4	5	6
Natural			– 0.0022*	– 0.0018*	0.0008

Notes. 1) The values are robust standard errors; 2) *, ** and *** indicate significance at the 10, 5 and 1 % levels, respectively. The same is below. The term “Benchmark Model” denotes the regression model which contains only the main explanatory variable (Digital), and its further columns add blocks of control variables progressively; 3) Ser_LP – Service Labor Productivity, Digital – Digital Technology Development Level, Aging – Population Aging, HC – Human Capital, Infstr – Infrastructure, Natural – Natural Resources.

Robustness Test. Changing Explanatory Variables. As a robustness check, the ICT Development Index has been replaced by the Internet Development Index, which is a measure of digital development. The latter has been obtained by taking the geometric mean of normalized values for mobile cellular subscriptions, fixed broadband subscriptions, and Internet users per 100 people (in accordance [1]). This final index has been rescaled to be between 0 and 100 (in line with the aforementioned data).

Multiple indicators which examine different dimensions of digital infrastructure coverage serve as the basis for this assessment. The geometric mean of normalized component values builds a composite index through a method that prevents individual indicators from disproportionately influencing the result. The variables undergo min-max normalization to reach standardization before the aggregation process. The obtained index spreads from 0 to 100 points and identifies countries based on their Internet penetration and digital infrastructure advancement levels.

This Internet Development Index is then used as the key explanatory variable in a re-estimated version of the baseline model. Table 3 presents the overall regression results using this revised specification. While the table does not break down results by individual components, sensitivity checks confirmed that all three indicators individually yield consistent signs and significance levels, reinforcing the robustness of the findings.

Table 3. Robustness test results of benchmark regression analysis

Ser_LP				
Variable	Changing explanatory variables		Instrumental Variables	
	No control variable	Add Control variable	No control variable	Add Control Variable
1	2	3	4	5
Digital	0.0043*** – 0.0006	0.0011*** – 0.0005	0.0088*** – 0.0005	0.0042*** – 0.0008
Aging		– 0.0008 – 0.0033		– 0.0008 – 0.0035
HC		0.0078*** – 0.0012		0.0073*** – 0.0014
Infstr		0.0014*** – 0.0005		0.0016*** – 0.0006
Natural		0.0011 – 0.0011		0.0009 – 0.0011
Energy		– 0.0031***		– 0.0035***

End of the table 3

1	2	3	4	5
Energy		– 0.0009		– 0.0011
Pop		– 0.0955**		– 0.2019***
		– 0.041		– 0.0467
Pergdp		0.5963***		0.5050***
		– 0.0235		– 0.0276
Urban		0.0011		0.0001
		– 0.0018		– 0.0018
Constant	9.4736***	5.6451***		
	– 0.0141	– 0.6718		
N /	2131	2130	2231	2231
R2	0.191	0.4425	0.1948	0.3847

Notes. 1) The research centers on the Internet Development Index but supplementary breakdowns with individual indicators produce equivalent findings; 2) Energy – Energy Use, Pop – Population Size, Pergdp – GDP per Capita, Urban – Urbanization Rate, N – (Number of Observations), R2 – Coefficient of Determination.

Instrumental variable method. There may be causal issues in empirical analysis, that is, service. The more productivity of the industry, the better digital technology development of economy will be. To address potential endogeneity issue, study introduces a lagged value of the digital technology level as an instrumental variable. Study employed a lagged version of digital technology (12 months back) as an instrumental variable to manage probable endogeneity. In line with J. M. Wooldridge¹¹, this strategy implies that the previous states of digital technology are inter-related with recent efficiency yet not affected by shocks occurring at the same time. In order to select this instrumental variable, it must be uncorrelated with the explained variable. Table 3: Test results in the absence of controls, digital technology has a positive impact on service productivity at 1 %. Controls established after implementation have no effect on the digital technology impact. There are some controls that have a negative impact on productivity, reducing the service sector productivity.

The test results are revealed in Table 3. In test model without control variables, the estimated impact of digital technology on service industry production efficiency. Estimated coefficient is positive and passes 1 % significance level test; after adding control variables, the estimated coefficient is still positive and passes the 1 % significance level test. This shows that the development of digital technology has promoted the service. The improvement in industry productivity is consistent with the benchmark results.

Mechanism Test Results. Economies of scale. Table 4 shows the test results on the intermediary effect of scale economy. Among them, the estimated coefficient of digital technology on the productivity of the service industry is positive and significant, that is, the total effect of digital technology on the productivity of the service industry is positive; The estimated coefficient of digital technology on economies of

¹¹ Wooldridge J.M. Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data. The MIT Press Cambridge. Available at: <https://doc1.bibliothek.ki.aca/FLMF024129.pdf> (accessed 10.02.2025).

scale is positive and significant. Technology can promote the expansion of economies of scale. In addition, economies of scale on consensus. The estimated coefficient on service sector productivity is positive and is at the 1 % level. The mediating variable has service industry productivity impact; and at this time, the number estimated coefficient of technology on service industry productivity is still positive and significant at the 1 % level, after controlling for mediating effect, digital technology has a significant. The direct effect of technology on service industry productivity is positive. This shows that there is a mediating effect based on economies of scale, and it is a partial mediating effect.

Table 4. Results of test on mediating effect of economies of scale

Variable	Total Effect	Ser_LP	Scale
		Join Scale	
Digital	0.0017*** – 0.0005	0.0035*** – 0.0006	0.1427** – 0.0579
Scale		0.0008*** – 0.0003	
Aging	0.0027 – 0.0033	0.0049 – 0.003	0.3224 – 0.2691
HC	0.0077*** – 0.0014	0.0045*** – 0.0013	0.0305 – 0.1106
Infstr	0.0015*** – 0.0006	0.0002 – 0.0006	0.0172 – 0.0421
Natural	0.0009 – 0.0011	– 0.0001 – 0.0008	0.0116 – 0.0859
Energy	– 0.0032*** – 0.0011	– 0.0003 – 0.0008	– 0.7822*** – 0.0803
Pop	– 0.1406*** – 0.0446	– 0.2479*** – 0.0425	0.7306 – 3.8326
Pergdp	0.5413*** – 0.0259	0.4149*** – 0.0282	15.4806*** – 2.5305
Urban	0.0013 – 0.0019	0.0006 – 0.0018	– 0.3787** – 0.1504
Constant	6.7622*** – 0.7468	9.5729*** – 0.7361	– 69.0894 – 66.6828
N/	2238	2098	2098
R2	0.3877	0.3995	0.0715

Note. Scale – Economies of Scale.

Structural modernization effect. Structural modernization effect here points to the mechanism through which digital technologies make it easier for the economic activity to move from traditional service sectors (for example, retail, hospitality) to the modern,

high-value services (e.g., software, fintech) and, traditionally, overall productivity will be improved. Table 5 displays test findings on mediating influence of structural upgrading. Within that group, the predicted coefficient of digital technology is 1 % level significant. The overall impact of digital technology on the productivity of service business is beneficial. The ratio of high-tech service exports to total service exports is used as a metric to gauge the performance of the service sector. The service sector is being structurally modernized, with digital technology being used as a mediating variable. It is a crucial need for achieving continuous economic development by implementing structural changes.

Table 5. Test results of the transmission mechanism of structural modernization effect

Variable	Total effect test	Ser_LP	Str_M
		Join Str_M	
Digital	0.0019*** – 0.0007	0.0035*** – 0.0008	0.0876* – 0.0519
Str_M		0.0016*** – 0.0004	
Aging	0.0029 – 0.0033	0.0051* – 0.0031	1.5954*** – 0.2361
HC	0.0079*** – 0.0014	0.0037*** – 0.0014	0.2315** – 0.0997
Infstr	0.0015*** – 0.0006	0.0003 – 0.0006	– 0.1021*** – 0.0375
Natural	0.0009 – 0.0011	– 0.0005 – 0.0011	– 0.0634 – 0.0767
Energy	– 0.0032*** – 0.0011	– 0.0009 – 0.0008	0.1182 – 0.0721
Pop	– 0.1406*** – 0.0446	– 0.1926*** – 0.0441	– 6.5665* – 3.4711
Pergdp	0.5413*** – 0.0259	0.4161*** – 0.0302	– 14.1908*** – 2.3648
Urban	0.0013 – 0.0019	– 0.0008 – 0.0018	0.0002 – 0.1348
Constant	6.7622*** – 0.7468	8.8596*** – 0.7661	214.3808*** – 60.4256
N/	2238	1953	1963
R2	0.3877	0.3868	0.0844

Escaping the “middle-income trap” is of utmost importance for economies. Countries are categorized by the World Bank's GNI per capita. Low-income economies in FY2024 have a GNI of \$1,135 or below, middle-income \$1,136 to \$13,845, and high-income \$13,846 or above. The findings are shown in Table 6. Within the high-income economy category, digital technology has a substantial influence on the output of the service sector. The predicted coefficient of service sector productivity

is positively correlated and statistically significant at the 10 % level. In middle- and low-income nations, digital technology has a considerable influence on service industry productivity. The computed coefficient is associated with the structural modernization of the service sector at the 10 % level, indicating that digital technology may facilitate this process. The calculated coefficient is positive, but, it does not reach statistical significance. This suggests that in high-income countries, digital technology plays a significant role in advancing the service sector in both middle-income and low-middle-income economies.

Table 6. Results of benchmark regression of variables based on economies of different income types

Ser_LP		
Variable	High-income economies	Low- and middle-income economies
Digital	0.0018*	0.0009
	– 0.0012	– 0.0009
Aging	– 0.0109***	0.0032
	– 0.0038	– 0.0057
HC	0.0039**	0.0103***
	– 0.0017	– 0.0019
Infstr	– 0.0017**	0.0019***
	– 0.0009	– 0.0007
Natural	– 0.0043**	0.0014
	– 0.0022	– 0.0013
Energy	0.0019	– 0.0027**
	– 0.0019	– 0.0012
Pop	0.3179***	– 0.2705***
	– 0.0657	– 0.0576
Pergdp	0.5072***	0.603 2***
	– 0.0526	– 0.0308
Urban	0.0036	0.0022
	– 0.0036	– 0.0024
Constant	0.2909	8.1393***
	– 1.2325	– 0.9515
N /	642	1597
R2	0.4459	0.4139

Note. Income group uses the World Bank Atlas method (2024). High-income: GNI per capita $\geq$ \$13,846; middle/low-income: GNI per capita $<$ \$13,846.

The impact of productivity gains varies across different economies. In high-income economies, the estimated coefficient on service industry productivity is significant at 1 % level. This implies that structural modernization has a positive effect on service industry productivity, even after accounting for the influence of digital technology. Digital technology significantly enhances service sector efficiency in the service industry, indicating that these economies Currently, digital technology

has a favorable influence on the productivity of the service business via the mediating variable. Efficient utilization of digital technology improves productivity in service sector and contributes to economic progress. The estimated coefficient of the approach remains highly positive. This demonstrates the existence of a mediating impact of structural modernization is also a partially mediating effect. To summarize, the advancement of digital technology enhances the productivity of the service business. The transmission mechanism is established by the use of economies of scale and structural modernization.

Comparison of different types of economies. Desirable service industry productivity measurements lead to structural changes within industrial systems. Fig. 2 (UK) and Fig. 3 (Japan) and Fig. 4 (Argentina) depict yearly modifications in service industry employment ratios along with staff productivity in relation to other sectors within the selected nations. These statistical data present various patterns of service sector development based on country classification. Japan together with the UK shows productive service sector improvement and increasing employment rates but Argentina experiences no such growth while its service industry employs more people. Structural transformation along with digital technology adoption offers a greater advantage to countries with higher economic status compared to nations with lower profits.

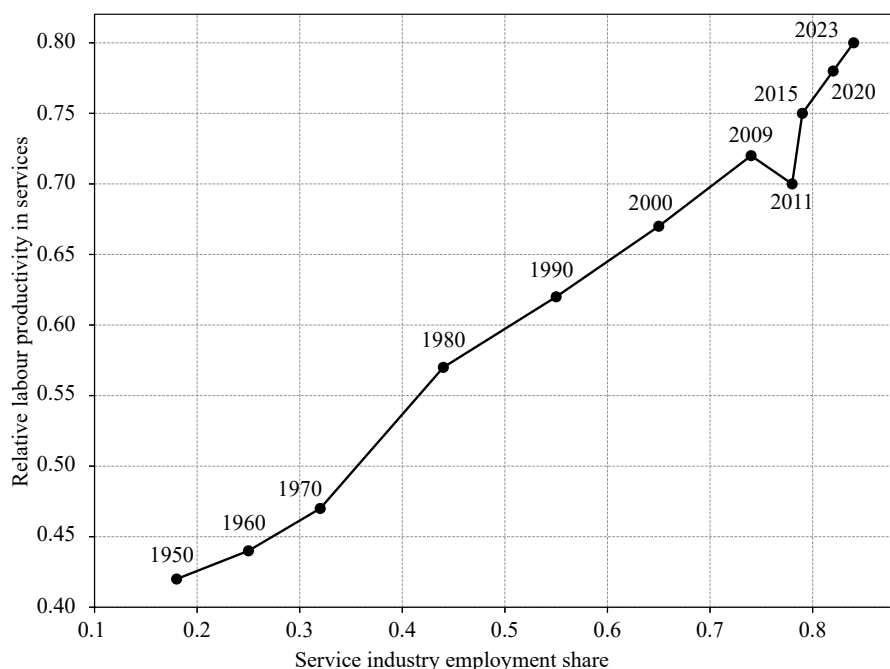

Fig. 2. Frontier Country: UK¹²

¹² Figures 2–4 are taken from the Groningen Growth and Development Centre (GGDC). Available at: <https://www.rug.nl/ggdc/?lang=en> (accessed 10.02.2025).

Fig. 3. Successful countries: Japan

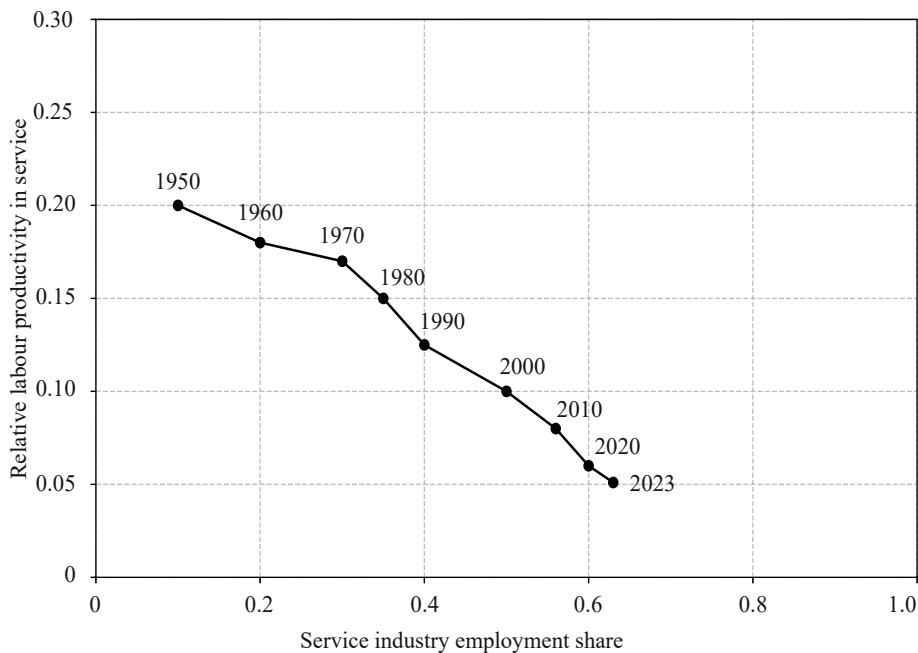

Fig. 4. Catching up with failed countries: Argentina

Table 6 confirms that digital technology creates greater service productivity impacts in economies with higher incomes as comparison to those with middle- and low-incomes. Technology infrastructure alongside institutional capacity and market maturity seem to

explain why some countries exhibit differences in their digital transformation capabilities to break free from the middle-income trap.

Discussion and Conclusions. This article examines the impact of digital technologies on service productivity in 176 economies from 2009 to 2023. We identify that digitalization boosts productivity in high-income economies via economies of scale and modernization. Middle- and low-income economies have weaker, often insignificant impacts, implying a need for complementary investments in infrastructure and human capital.

Study has significant policy implications in our results. High-income countries must employ digital technologies for better services and innovation. Low- and middle-income economies should focus on digital inclusion, invest in R&D and education, and provide room for digital entrepreneurship. The Brazilian example in 2015 exposes the initial digital reform efforts, but its uneven advancement underscores the need for strategic planning and institutional readiness to accomplish effective digital transformation.

This research uses fixed effects models and investigates the mediating effects to examine the numerical influence of technology on the productivity of the service sector and the identification of operational processes, namely digital technology. Enhanced productivity in the service sector via substantial improvements in economies of scale and structural modernization. Digital technology usage serves to enhance efficiency of the service sector, namely by redefining economies of scale and facilitating structural modernization. Digital technology converts information into a coded format and alters the exchangeable format of services. The aim is to improve service consistency and minimize variations, establish standardized service delivery, and create an environment conducive to attaining economies of scale. Simultaneously, the advancement of digital technology allows the service industry to enhance its value and empower itself through digital means. Contemporary advancements assist firms in delivering service content of superior grade. Comparative empirical research from nations with varying incomes reveals that digital technology has a substantial positive effect on service sector productivity in high-income economies, but its influence on service productivity in low-income economies is not significant. Based on the above, policy implications are drawn.

(1) A vigorous development of digital technology contributes to advancement of service industry productivity. Brazil is difficulty of “middle-income trap” by creating the way for the service sector to become more productive and also by changing the growth effect of structural reform. The road toward this is by the entry of a digital service market that is open, innovative, and collaborative. This can be achieved by promoting digital technology innovation, improving supervision, creating a favorable environment for digital technology services, and providing unrestricted access to digital technology and resources. Additionally, Brazil should actively pursue the advancement of cutting-edge digital technologies like 6G and AI, integrating productive services with advanced manufacturing and emerging industries. This will enable the transformation of services into high-end offerings with significant technological value and increased economic worth, contributing to Brazil's service industry structure's continuous improvement.

(2) It is important to consider the implications of digital technology for economies of scale and structural modernization in service sector. Digital technology greatly affects efficiency in the service sector through economies of scale and structural changes. It alters service products through knowledge capture, creating trade and economies of

scale centered around standards. Furthermore, it is a key driver in the modernization of conventional services. In order to fully exploit the digital technology's zero additional costs of production advantage, it is of utmost importance to energize its penetration into the service industry, ensure the integration of service product supply, hasten the digital transformation, and prompt businesses' digital transformation skills development. This will serve to enhance the service sector's digital transformation ecology and service quality.

(3) Multifaceted integration of digital technology and service sector should be promoted to improve productivity and address challenges such as intangibility, non-storability, and heterogeneity in service delivery. The immediate value of digital technology in the service sector is limited, and its influence on productivity needs to be further extended. In order to solve intangibility, non-storability, and heterogeneity problems, it is necessary to explore new integrated application scenarios, enrich online service supply, and meet offline demands while using the positive impacts of digital technology.

(4) Increasing adoption of digital technology in service sector improves global competitiveness of service trade. The digital divide exists between low- and middle-income countries and high-income economies, with digital technology development not significantly impacting the service sector. Low- and middle-income economies should focus on digitalization opportunities, establish consortiums, accelerate digital momentum for service trade, strengthen international exchanges, and integrate digital technology into production and trade fields.

This work illustrates that digital technology enhances the productivity of services in high-income economies through scale and modernization. C. Jin et al. [9] affirm that digital transformation enhances the productivity of services in China through standardization as well as cost reduction. X. Fu et al. [8] assert that digital innovations in multinationals induce structural change in emerging economies.

Study conclusion that digital technology has limited effects in low- and middle-income nations was echoed by T. Kulinich et al. [12], as these authors observed that unbalanced digital infrastructure affects the diffusion of technology in these nations. V. Nucci et al. [1] also demonstrated that digital adoption influences the productivity of firms differently, based on institutional preparedness and market closure.

This study confirms J. Vazquez et al. [10], which finds that digital services enhance productivity and trade. Poor performance of low-income countries highlights importance of investing in human capital and infrastructure, as emphasized by S. C. Chiemeke and O. M. Imafidor [6].

REFERENCES

1. Nucci F., Puccioni C., Ricchi O. Digital Technologies and Productivity: A Firm-Level Investigation. *Economic Modelling*. 2023;(128):106524. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2023.106524>
2. Hua J., Latif Z., Tiyan S. et al. Shift in the Regional Balance of Power from Europe to Asia: A Case Study of ICT Industry. *Journal of Information Processing Systems*. 2018;14(3):645–654. Available at: <https://koreascience.kr/article/JAKO201820765436892.pdf> (accessed 10.01.2025).
3. Grishina I.V., Polynev A.O., Ugryumova A.A. The Impact of Economic Diversification on Labor Productivity in Russian Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):691–711. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.691-711>
4. Baker N.B., Boustany S.M., Khater M., Haddad C. Measuring the Indirect Effect of the Internet on

- the Relationship between Human Capital and Labor Productivity. *International Review of Applied Economics*. 2020;34(6):821–838. <https://doi.org/10.1080/02692171.2020.1792421>
5. Bjerke-Busch L.S., Thorp S. Overcoming the Productivity Paradox in the Public Sector by Managing Deliberate Learning. *Public Management Review*. 2024; 26(6):1752–1778. <https://doi.org/10.1080/14719037.2023.2225510>
 6. Chiemeke S.C., Imafidor O.M. An Assessment of the Impact of Digital Technology Adoption on Economic Growth and Labour Productivity in Nigeria. *NETNOMICS: Economic Research and Electronic Networking*. 2020;(21):103–128. <https://doi.org/10.1007/s11066-020-09143-7>
 7. Dear V., Dedi N., Mardiani A.S., Nugroho H. Trends in IT Strategy Implementation: A Systematic Review Across Education and Industry (2000–2022). *Ingenierie des Systemes D'information*. 2023;28(6):1643–1651. <https://doi.org/10.18280/isi.280622>
 8. Fu X., Emes D., Hou J. Multinational Enterprises and Structural Transformation in Emerging and Developing Countries: A Survey of the Literature. *International Business Review*. 2021;30(2):101801. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2021.101801>
 9. Jin C., Xu A., Zhu Y., Li J. Technology Growth in the Digital Age: Evidence from China. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023;(187):122221. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.122221>
 10. Vazquez J.J., Cebolla M.P.C., Ramos F.S. Digital Transformation in the Spanish Agri-Food Cooperative Sector: Situation and Prospects. *CIRIEC Journal of Public, Social and Cooperative Economy*. 2019;(95):39–70. (In Spanish, abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7203/ciriec-e.95.13002>
 11. Kosior K. Economic, Ethical and Legal Aspects of Digitalization in the Agri-Food Sector. *Problems of Agricultural Economics*. 2020;363(2):53–72. <https://doi.org/10.30858/zer/120456>
 12. Kulinich T., Lisnievska Y., Zimbalevska Y., Trubnik T., Obikhod S. Digitalization of Economies of Low and Middle Income Countries in the Context of Digital Transformation. *Amazonia Investiga*. 2022;11(51):300–311. <https://doi.org/10.34069/ai/2022.51.03.30>
 13. Li N., Zhou Y. Can Digital Financial Development Promote Corporate Green Technology Innovation? *International Review of Economics and Finance*. 2024;(92):1562–1582. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2024.03.008>
 14. Tereshina M.V., Tyaglov S.G., Atamas E.V. Circular Economy in Agricultural Production: Potential for Implementation in New Institutional Conditions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):635–652. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.635-652>
 15. Osorio-Gomez C.C., Herrera R.F., Prieto-Osorio J.M., Pellicer E. Conceptual Model for Implementation of Digital Transformation and Organizational Structure in the Construction Sector. *Ain Shams Engineering Journal*. 2024;15(7):102749. <https://doi.org/10.1016/j.asej.2024.102749>
 16. Leonidova E.G. Development of Prospective Economic Specializations as a Condition for Regional Economic Growth. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):504–522. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.504-522>

About the authors:

Shah M. Wagan, PhD, Researcher, Business School, Sichuan University (No. 24 South Section One of the First Ring Road, Wuhou District, Chengdu City, China), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0449-2655>, Scopus ID: 59194743800, shah.mehmood04@outlook.com

Sidra Sidra, Postgraduate Student, Business School, Sichuan University (No. 24 South Section One of the First Ring Road, Wuhou District, Chengdu City, China), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1689-3296>, Researcher ID: MGB-6191-2025, Scopus ID: 59406847100, sidra_scu@outlook.com

Contribution of the authors:

S. M. Wagan – Funding Acquisition; Project Administration; Investigation; Writing – Original Draft Preparation.

S. Sidra – Investigation; Writing – Review and Editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 13.12.2024; revised 16.06.2025; accepted 23.06.2025.

Об авторах:

Шах Мехмуд Ваган – научный сотрудник Школы бизнеса Сычуаньского университета (Китай, г. Чэнду, район Ухоу, южный участок первой кольцевой дороги № 24), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0449-2655>, Scopus ID: 59194743800, shah.mehmood04@outlook.com

Сидра Сидра – аспирант Школы бизнеса Сычуаньского университета (Китай, г. Чэнду, район Ухоу, южный участок первой кольцевой дороги № 24), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1689-3296>, Researcher ID: MGB-6191-2025, Scopus ID: 59406847100, sidra_scu@outlook.com

Вклад авторов:

Ш. М. Ваган – получение финансирования; административное руководство исследовательским проектом; проведение исследования; написание черновика рукописи.

С. Сидра – проведение исследования; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 13.12.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 23.06.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.406-423><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/tcvygs>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 338.439.053 (470.4)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Ранжированная оценка продовольственной
безопасности регионов
Приволжского федерального округа****Л. Н. Липатова**

*Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
lipatova-ln@ranepa.ru*

Аннотация

Введение. Задача обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации актуализировалась после введения санкций, которые затронули аграрный сектор, и на фоне ускорившейся инфляции, снижающей экономическую доступность продуктов. Цель исследования – оценить продовольственную безопасность субъектов Приволжского федерального округа (ПФО) по авторской методике.

Материалы и методы. Информационной базой послужили данные Росстата и авторитетных открытых источников за 2023 г. Авторский подход, основанный на критическом анализе существующих методик и принципах Доктрины продовольственной безопасности РФ, учитывает три ключевых аспекта: самообеспеченность региона продовольствием, экономическую доступность и качество/сбалансированность питания населения. Оригинальность предложенного подхода заключается в стандартизации показателей относительно целевых уровней (рациональные нормы Минздрава, минимальная доля расходов на питание в РФ), учете структуры сбалансированного рациона через весовые коэффициенты и факторов как дефицита, так и избыточного потребления.

Результаты исследования. Продовольственная безопасность РФ в 2023 г. оценена в 76 %. Главным сдерживающим фактором является низкая экономическая доступность продуктов питания. В ПФО лидером стала Республика Татарстан (80 %), где наибольшее отставание от цели выявлено в качестве питания. В тройку лидеров также вошли Республика Башкортостан (78 %, сдерживающий фактор – экономическая доступность продовольствия) и Удмуртская Республика (78 %, сдерживающий фактор – низкий уровень самообеспеченности). Наименьший уровень продовольственной безопасности характерен для Пермского края (70 %, низкая самообеспеченность), Самарской (67, низкая физическая доступность) и Саратовской (67 %, низкий уровень жизни) областей. Выявлен дефицит в потреблении молока, овощей, фруктов и рыбы при избытке сахара и хлеба во всех регионах.

© Липатова Л. Н., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации универсальной методики количественной оценки региональной продовольственной безопасности, обеспечивающей межрегиональные сравнения и анализ динамики. Практическая значимость результатов позволяет использовать их для мониторинга и обоснования управленческих решений. Предложенный подход открыт для совершенствования, включая корректировку показателей, целевых уровней и весовых коэффициентов.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Приволжский федеральный округ, количественная оценка продовольственной безопасности, физическая доступность продовольствия, экономическая доступность продовольствия, здоровое питание, рацион питания

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Липатова Л.Н. Ранжированная оценка продовольственной безопасности регионов Приволжского федерального округа. *Регионоведение*. 2025;33(3):406–423. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.406-423>

Ranked Assessment of Food Security in the Volga Federal District Regions

L. N. Lipatova

North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation)
lipatova-ln@ranepa.ru

Abstract

Introduction. Food security issues are among the top priorities of the state policy of the Russian Federation. Scientific research aimed at solving these issues has become particularly relevant after the introduction of a huge number of sanctions against our country, which also affected the agricultural sector. An assessment of food security is also required by noticeably accelerated inflation, which may lead to a decrease in the economic availability of food. The purpose of the study is to assess the food security of the subjects of the Volga Federal District on the basis of an integrated methodology.

Materials and Methods. The information base was Rosstat data, as well as materials from reputable open sources. The assessment was carried out based on the latest published complete data on the indicators included in the methodology. The use of a critical approach and logical techniques made it possible to generalize well-known methods and develop an author's approach; the standardization method – to bring indicators reflecting different phenomena into a comparable form; structural analysis – to assess the level of self-sufficiency of the region with food, as well as the sufficiency and balanced nutrition of the population. The ranking method is to distribute regions according to the level of food safety. The originality of the proposed approach lies in taking into account the fundamental provisions of the Russian Food Security Doctrine, standardizing indicators, reflecting the structure of balanced nutrition, and accounting for excess consumption.

Results. The assessment of food security according to the proposed methodology based on data for 2023 showed that the food security of the Russian Federation is ensured by 76 % (the main limiting factor is the low economic availability of food). The leader in the Volga Federal District is the Republic of Tatarstan, whose food safety is estimated at 80 % (the largest gap from the target was identified as nutrition). The top three also include the Republic of Bashkortostan and the Udmurt Republic (the final index is 0.78 of each, with constraints such as reduced economic accessibility in the first case and insufficient local production in the second). Completing the local ranking are Perm Territory (70 %, the main deterrent factor is a low level of self-sufficiency), Samara Region (67 %, the largest gap from the goal is the physical availability of food) and Saratov Region (67 %, the main deterrent factor is the low standard of living in the region).

Discussion and Conclusion. The scientific novelty of the study lies in the fact that a unique methodology for assessing regional food security has been proposed and tested, which allows for quantitative measurement, and therefore ensures the conduct of inter-regional comparisons and analysis of dynamics. The practical significance of the results obtained is determined by the possibility of their use in substantiating the decisions taken, and the proposed methodological approach in monitoring the food security of the subjects of the Russian Federation. The limitation in carrying out a quantitative assessment of regional food security is the specifics of the organization of state statistical accounting (the complete data required for this are published by Rosstat with a frequency of 1 every 2 years). In the course of constructive discussion on the pages of scientific journals, the methodology can be improved.

Keywords: food security, Volga federal district, quantifying food security, physical accessibility of food, economic accessibility of food, healthy diet, diet

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Lipatova L.N. Ranked Assessment of Food Security in the Volga Federal District Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(3):406–423. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.406-423>

Введение. На современном этапе мирового развития, характеризующемся нарастанием конфликтного потенциала, деглобализации и фрагментации экономического пространства, особого внимания требуют вопросы обеспечения населения товарами первой необходимости, к которым, прежде всего, относятся продукты питания. Актуальность приобретают исследования в области продовольственной безопасности в периоды эпидемий и военных конфликтов¹ [1], поскольку в этих обстоятельствах изменяются и условия производства, и положение на мировом продовольственном рынке, что важно для России, так как продовольствие – крупная статья российского импорта: в 2023 г. ее величина превысила 35 млрд долл. США, или 12 % общей стоимости импорта².

В отношении Российской Федерации введено большое число экономических санкций³. Производство в сельском хозяйстве может сократиться, поскольку данная отрасль российской экономики, по оценкам экспертов⁴, зависит от импорта в значительной степени. Рост цен на продукты питания, опережающий увеличение денежных доходов, может привести к снижению экономической доступности продовольствия. В данной ситуации регулярный мониторинг продовольственной безопасности становится необходимым.

Такую оценку нужно осуществлять не только по стране в целом, но и на местном уровне. Далеко не все российские субъекты могут успешно развивать многопрофильное сельское хозяйство. Производство отдельных видов продовольствия (например, рыбы) сконцентрировано в нескольких регионах. Заселены и арктическая зона, и труднодоступные территории. В связи с этим сохраняются большие межрегиональные различия в уровне жизни населения, что во многом определяет возможности питания семей.

Значимость рассматриваемых вопросов предопределила цель исследования – дать оценку продовольственной безопасности регионов Приволжского федерального округа (ПФО) в 2023 г. В составе округа много субъектов, имеющих аграрную специализацию. Так, в 2023 г. в его хозяйствах было произведено 21,3 % от общего объема продукции растениеводства в стране и 24,7 % от общего объема животноводческой продукции⁵. Вместе с тем ряд регионов по уровню жизни находится в конце федерального списка, что ограничивает экономический доступ к продовольствию: в рейтинге по величине среднедушевых денежных доходов Чувашская Республика занимает 76-е место, Саратовская область – 77-е, Республика Марий Эл – 80-е, Республика Мордовия – 81-е место в стране⁶.

¹ Шагайда Н.И., Узун В.Я., Троцук И.В., Шишкина Е.А., Потапова А.А. Состояние продовольственной безопасности России в условиях пандемии. М.: Дело; 2022. 158 с.

² Российский статистический ежегодник: Стат. сб. Росстат. М.; 2024. С. 563.

³ Путин: Запад ввел против России 28 595 санкций [Электронный ресурс]. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7586203> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴ Как российскому агропрому сохранить лидерство на внешних рынках [Электронный ресурс]. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/65f300d59a79471bccacd178> (дата обращения: 15.11.2024).

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели: Стат. сб. Росстат. М.; 2024. С. 31.

⁶ Там же. С. 35.

Достижение поставленной цели требует последовательного решения исследовательских задач: изучить и обобщить подходы к измерению продовольственной безопасности; критически проанализировать известные методики, на основе чего предложить авторский подход; апробировать его на примере регионов ПФО; установить условия и факторы, сдерживающие достижение продовольственной безопасности в этих субъектах.

Обзор литературы. Оценка продовольственной безопасности в странах мира регулярно осуществляется Продовольственной и сельскохозяйственной организацией (англ. *Food and Agriculture Organization, FAO*) ООН путем анализа наличия и использования продовольствия, доступа к нему населения, стабильности обеспечения⁷. Многие государства при определении национальной продовольственной безопасности применяют именно такой подход [2; 3]. Однако единодушного одобрения в экспертных кругах он не получил. Об ограничениях в применении методики ФАО ООН, в частности, пишут А.-К. Томас, Б. Д'Омбрес, К. Касуболо, М. Сайсана, Ф. Кайитакире⁸.

Другая широко востребованная методика – ранжирование стран на основе Глобального индекса продовольственной безопасности (англ. *Global Food Security Index, GFSI*)⁹ – предусматривает 68 показателей и оценивает уровень доступности, а также потребления продуктов питания, их наличие, достаточность, качество и безопасность¹⁰.

Согласно Комплексной классификации продовольственной безопасности (англ. *Integrated Food Security Phase Classification, IPC*) последняя зависит от доступности пищи, здоровья населения, санитарных условий и других факторов. О несовершенстве этого подхода пишут Д. Максвелл, Г. Адан, П. Хейли, М. Дэй, С. Б. Дж. Одиамбо, Л. Каинди, Дж. Нджиру, А. Венкат, А. Маршак [4].

В большинстве зарубежных публикаций, как правило, оцениваются наличие, доступность и потребление продовольствия [5; 6].

О. М. Каккавале и В. Джуффрида предложили методику определения продовольственной безопасности, оценка по которой наряду с традиционными показателями обеспеченности населения продовольствием, его экономической и физической доступности, предполагает учет социально-политической, экономической и экологической ситуации, включая влияние природных факторов [7]. Это важное дополнение, поскольку негативное влияние климатических изменений на аграрный сектор в России и устойчивое развитие растениеводства с годами усиливается [8].

Большое число исследований касается оценки влияния на природную среду деятельности сельскохозяйственных производителей, что снижает устойчивость агропродовольственных систем [9–12]. Но такое расширение параметров

⁷ Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире 2024 [Электронный ресурс]. ФАО. URL: <https://openknowledge.fao.org/items/8c51b167-aece-4ba9-a0a9-f2cd1a638131> (дата обращения: 20.12.2024).

⁸ Thomas A.-C., D'Hombres B., Casubolo C., Saisana M., Kayitakire F. The Use of the Global Food Security Index to Inform the Situation in Food Insecure Countries [Электронный ресурс]. Publications Office of the European Union. Available at: <https://eclck.ru/3NNw2s> (accessed 08.03.2025).

⁹ Методика разработана компанией Economist Impact при поддержке Corteva Agriscience.
¹⁰ Global Food Security Index [Электронный ресурс]. Economist Impact. Available at: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/> (дата обращения: 03.05.2025).

побуждает к разработке математических моделей, например [7], применение которых для мониторинга ограничено по причине их сложности.

Зарубежные методики неприменимы к российским реалиям¹¹ по ряду причин [13, с. 181]. Помимо того что не все, предусмотренные в них показатели разрабатываются Федеральной службой государственной статистики, различаются принципы обеспечения продовольственной безопасности, заложенные Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации¹², и основы государственной политики продовольственного обеспечения населения других стран, на интересы которых ориентированы международные организации и иностранные исследовательские компании [14 с. 20].

Продовольственная безопасность активно изучается отечественными специалистами: на 05 марта 2025 года Российский индекс научного цитирования предложил 15 841 публикаций в контексте оценки продовольственной безопасности и ее составляемых (самообеспечения, физической и экономической доступности, структуры и безопасности питания, устойчивости региональных агропродовольственных систем) [15–17 и др.].

Нет единства в решении вопроса, какой показатель (показатели) наилучшим образом отражает экономическую доступность продуктов питания. Наиболее часто для этого используют уровень бедности, коэффициент Джини, индекс цен на продовольствие, покупательную способность денежных доходов, удельный вес затрат на питание в структуре потребительских расходов населения¹³ [17; 18].

Е. Г. Решетникова для оценки экономического доступа россиян к продовольствию использует реальные денежные доходы; реальную заработную плату; оборот розничной торговли (с выделением групп потребительских товаров и пищевых продуктов); коэффициент Джини; численность и удельный вес россиян, проживающих за чертой бедности; величину среднедушевых денежных доходов наименее обеспеченного населения РФ и др. [17; 19].

Н. И. Шагайда, В. Я. Узун, Д. С. Терновский, Е. А. Шишкина ориентируются на соотношение расходов на питание (включая питание дома, вне дома, а также стоимость натуральных поступлений) и стоимости рационального набора продуктов в домохозяйстве с учетом половозрастного и численного состава семьи [20].

¹¹ Марецкая А.Ю., Марецкая В.Н. Аграрный сектор Мурманской области: история развития, современное состояние: монография. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН; 2018. С. 77.

¹² Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 [Электронный ресурс]. Консультант плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=343386#qJmmDZUxDtB3K9D5> (дата обращения: 21.06.2024).

¹³ Оловянный Д.Г. Методика оценки состояния продовольственной безопасности региона на примере Республики Бурятия. *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2009;(3):60–63; Антамошкина Е.И. Интегральная оценка продовольственной безопасности регионов ЮФО. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2014;(1):6–16; Омелай А.Ю. Методологический подход к оценке региональной продовольственной безопасности. *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2014;(2):106–109; Ускова И.В., Селименков Р.Ю., Анищенко А.Н., Чекавинский А.Н. Продовольственная безопасность региона: монография. ИСЭРТ РАН. Вологда; 2014. 102 с.; Четаева К.Г. Обеспечение продовольственной безопасности как фактор устойчивого развития региональной экономики: дис. ... канд. экон. наук. СПб; 2022. URL: <https://rutube.ru/video/21ede52f775ef706f48a7e03871c6443/> (дата обращения: 03.05.2025); Нестерова С.И., Прохорова Д.С. Комплексная оценка продовольственной безопасности регионов Приволжского федерального округа [Электронный ресурс]. *Экономика и менеджмент инновационных технологий*. 2015;(9). URL: <http://ekonomika/snauka.ru/2015/09/9792> (дата обращения: 18.12.2024).

Однако точно оценить стоимость натуральных поступлений трудно, поскольку они имеют не регулярный, а сезонный характер. Равномерно распределить этот объем в течение года, как правило, невозможно. Сложности возникнут при выявлении круга получателей неоплачиваемых поступлений и объемов поступающего этим способом продовольствия. Ошибочным следует признать и предложение авторов [20] учитывать эффект «большого котла» при обосновании мер поддержки семей с низкими доходами. Напомним: важнейшим принципом, закрепленным в Доктрине продовольственной безопасности РФ, является не только насыщение, но полноценное питание граждан¹⁴. Таким образом, предлагаемый подход значительно усложняет определение экономической доступности продовольствия, однако точности не обеспечивает.

Большая часть исследований, посвященных определению уровня продовольственной безопасности, не дает количественной оценки. В зависимости от попадания фактических значений оцениваемых показателей в заданные интервалы показателю присваивается та или иная качественная характеристика (высокий уровень, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий, допустимый, недопустимый и т. п.). Опираясь на такие подходы, не всегда можно оценить изменения даже в одном регионе. Например, А. И. Богачев и Л. Н. Дорофеева, проанализировав большое число показателей, делают вывод, что ситуация в сфере продовольственной безопасности Орловской области не вполне благополучна [21, с. 111]. Такой оценки можно ожидать по многим российским субъектам, поскольку не везде климатические условия позволяют развивать многоотраслевое сельское хозяйство. По данным Росстата, более 48 % общего объема сельскохозяйственной продукции в 2023 г. было произведено в 15 агропромышленных центрах России¹⁵.

Г. В. Тимофеева, Р. И. Акмаева, А. А. Айтпаева кроме физической и экономической доступности, самообеспеченности используют показатель «доля продовольствия, полученного от растений и животных внутриобластной селекции в общем объеме потребления» [22]. Однако методику его количественной оценки не раскрывают.

Наиболее часто для проведения количественной оценки региональной продовольственной безопасности применяются методики, разработанные Д. Г. Оловянниковым в 2009 г.¹⁶ и Е. И. Антамошкиной в 2014 г.¹⁷. Первая учитывает объем собственного производства сельскохозяйственной продукции, соотношение экспорта и импорта продовольственных товаров, потребление продуктов питания и связанные с этим расходы населения, а также другие индикаторы уровня жизни в регионе. Ряд экспертов предложили различные модификации данной методики¹⁸ [23]. Однако, рассматривая достаточность потребления продовольствия населением с опорой на сведения Росстата о душевом потреблении продуктов питания, авторы рассчиты-

¹⁴ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20...

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. С. 29, 31.

¹⁶ Оловянников Д.Г. Методика оценки состояния продовольственной безопасности региона на примере Республики Бурятия...

¹⁷ Антамошкина Е.И. Интегральная оценка продовольственной безопасности регионов ЮФО...

¹⁸ Омелай А.Ю. Методологический подход к оценке региональной продовольственной безопасности...; Ускова И.В., Селименков Р.Ю., Анищенко А.Н., Чекавинский А.Н. Продовольственная безопасность региона...; Марецкая А.Ю., Марецкая В.Н. Аграрный сектор Мурманской области: история развития, современное состояние...

вают и суммируют абсолютные отклонения фактического потребления различных продуктов питания от рекомендованной нормы¹⁹.

Э. В. Наговицына и Ю. В. Давыдова, используя методику Д. Г. Оловянного, модифицированную специалистами Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН), и статистические данные за 2006 – 2013 гг., оценили уровень продовольственной безопасности Кировской области как низкий [18]. На этой же научной базе К. Г. Четаева определила продовольственную безопасность Республики Мордовия как низкую²⁰.

Методика Е. И. Антамошкиной включает в себя отношение собственного производства к общей потребности исходя из рациональных норм потребления; соотношение фактического потребления и рекомендованных норм; долю населения с доходами ниже величины прожиточного минимума; долю расходов на питание в структуре расходов домашних хозяйств на конечное потребление; коэффициент Джини²¹. Воспользовавшись ею, С. И. Нестерова и Д. С. Прохорова сделали вывод, что высокий уровень продовольственной безопасности достигнут в ПФО только в Республике Татарстан²².

Продовольственная безопасность регионов ПФО рассматривалась и на основе других подходов. Так, Р. Ф. Гатауллин, В. К. Нусратуллин, проведя анализ данных о производстве сельскохозяйственной продукции в Республике Башкортостан в 2000 – 2013 гг., выявили тенденцию к ухудшению самообеспечения региона продовольствием, снижение потребления мяса и мясных продуктов, молока и молочных продуктов, другие негативные изменения в рационе питания жителей [23].

Проанализировав сведения о производстве основных видов сельскохозяйственной продукции в 2015 – 2018 гг., А. Д. Гимадеев пришел к выводу о повышении угрозы продовольственной безопасности в Республике Татарстан²³.

Оценка продовольственной безопасности Приволжских регионов проводилась неоднократно. Однако, поскольку исследования осуществлялись по разным методикам, сформировать общее представление о ситуации, оценить ее динамику и проводить межрегиональные сравнения не представляется возможным. Для этого нужна методика количественной оценки, которая позволила бы оценить состояние продовольственной безопасности числовым значением. В настоящей статье такая методика предлагается и на ее основе проводится оценка продовольственной безопасности субъектов ПФО по последним данным, опубликованным Росстатом в конце декабря 2024 г. (за 2023 г.).

Материалы и методы. *Базы данных и традиционные методы исследования.* Критический подход при обобщении работ отечественных и зарубежных ученых, опубликованных в авторитетных научных изданиях, позволил выявить недостатки в методиках, которые наиболее часто используются для оценки региональной продовольственной безопасности.

¹⁹ Ускова И.В., Селименков Р.Ю., Анищенко А.Н., Чекавинский А.Н. Продовольственная безопасность региона...

²⁰ Четаева К.Г. Обеспечение продовольственной безопасности как фактор устойчивого развития региональной экономики...

²¹ Нестерова С.И., Прохорова Д.С. Комплексная оценка продовольственной безопасности регионов Приволжского федерального округа...

²² Антамошкина Е.И. Интегральная оценка продовольственной безопасности регионов ЮФО...

²³ Гимадеев А.Д. Анализ состояния продовольственной безопасности Республики Татарстан и направления ее повышения. Управление экономическими системами. 2019;(1):33.

Источниками исходной информации при проведении эмпирического исследования послужили сведения государственного статистического учета, а также материалы из авторитетных открытых источников. Оценка проводилась по последним опубликованным полным данным по показателям, включенным в методику.

Предложенный подход предусматривает применение метода стандартизации, что дало возможность привести в сопоставимый вид показатели, отражающие разные явления: производство продовольствия, потребление продуктов питания, уровень жизни населения. С использованием метода структурного анализа оценивался уровень самообеспеченности региона основными видами продовольствия, а также достаточность и сбалансированность рациона питания граждан. Методом ранжирования на основе рассчитанного итогового индекса осуществлялось распределение регионов по уровню продовольственной безопасности.

Описание авторской методики. В Доктрине продовольственной безопасности России закреплено, что цель государственной политики РФ, направленной на обеспечение продовольственной безопасности, – достижение такого уровня социально-экономического развития страны, при котором всем гражданам страны будет гарантирована физическая и экономическая доступность продуктов питания, соответствующих обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни²⁴. Это принципиальное положение стратегического документа определило включение в число показателей для количественной оценки региональной продовольственной безопасности следующих параметров:

(1) – самообеспеченности региона продовольствием (вычисляется как отношение годового объема производства основных видов продовольственных товаров в расчете на душу населения к величине рекомендованной Минздравом нормы потребления в год);

(2) – удельного веса расходов на покупку продуктов питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств, включая питания вне дома (разрабатывается Росстатом);

(3) – достаточности и сбалансированности питания (рассчитывается как соотношение фактического потребления продуктов питания и рациональных норм, рекомендованных Минздравом России)²⁵.

Перечисленные показатели используются в большинстве рассмотренных выше методик. Однако методы оценки на основе данных показателей различаются; во всех выше процитированных научных статьях достаточность производства продовольствия оценивается без учета структуры потребности в нем. В настоящем исследовании при проведении оценки применен метод стандартизации показателей, т. е. сравнение с неким стандартом, или запланированным значением. Для этого были определены целевые уровни по каждому из оцениваемых параметров (по (1) и (3) – рациональные нормы потребления, по (2) – минимальное значение в стране) и по всем субиндексам (равные 1).

²⁴ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 [Электронный ресурс]. Консультант плюс. URL: <https://clck.ru/3NNx67> (дата обращения: 03.05.2025).

²⁵ Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420374878> (дата обращения: 20.10.2024).

Критерием оценки выступало достижение целевого уровня. Максимальное значение каждого из трех субиндексов – 1; итогового индекса – 1 (может быть достигнуто только в одном субъекте, в котором значение показателя (2) принято в качестве целевого уровня при проведении процедуры стандартизации).

Методика расчета индекса самообеспеченности региона продовольствием. Субиндекс по показателю (1) (далее – субиндекс физической доступности продовольствия $I_{фд}$) рассчитывался как отклонение фактических значений душевого производства основных видов продуктов питания от целевого уровня (в коэффициентах).

Превышение над величиной рациональной нормы при определении уровня самообеспеченности регионов продовольствием не учитывалось, поскольку это может привести к искажению реальной ситуации за счет основной сельскохозяйственной специализации субъекта. Например, в Камчатском и Приморском краях за счет перепроизводства одного вида продовольствия – рыбы – может быть покрыт дефицит других видов продуктов питания.

Поскольку субиндекс $I_{фд}$ составной и его части не равны (молока в год надо потреблять 322 кг, а сахара – 8 кг), было необходимо провести взвешивание рассчитанных отклонений, определенных в виде коэффициентов по каждому основному виду продовольствия. В качестве весовых коэффициентов использовались удельные веса каждого вида продовольствия в годовом сбалансированном рационе питания в натуральных величинах.

Формула для расчета $I_{фд}$ выглядит следующим образом:

$$I_{фд} = \sum (УВ_i \times ДП_i / N_i), \quad (1)$$

где: $УВ_i$ – удельный вес i -го вида продовольствия в сбалансированной структуре питания, в коэффициентах; $ДП_i$ – душевое производство i -го вида продовольствия, кг; N_i – рациональная норма потребления i -го вида продовольствия, кг. Максимальное возможное значение $ДП_i / N_i = 1$.

Методика расчета индекса экономической доступности. Субиндекс по показателю (2) (далее – субиндекс экономической доступности продовольствия $I_{эд}$) определялся как отклонение фактического значения показателя в каждом регионе от целевого уровня (в коэффициентах). Такой прием используется, когда в качестве целевого уровня принимается минимальное значение показателя и положительно следует оценивать уменьшение фактического значения. Другими словами, чем больше соотношение (при постоянном числителе это достигается уменьшением знаменателя), тем ближе фактическое значение показателя к его целевому уровню.

Формула для расчета $I_{эд}$ выглядит следующим образом:

$$I_{эд} = УВП_{\min} / УВП, \quad (2)$$

где: $УВП_{\min}$ – минимальное значение удельного веса продуктов питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств, включая питание вне дома в регионе (целевой уровень); $УВП$ – удельный вес продуктов питания в структуре потребительских расходов домашних хозяйств региона, включая питание вне дома.

Методика расчета индекса качества питания. Расчет субиндекса по показателю (3) (далее – субиндекс качества питания $I_{кп}$) осуществляется по-разному в зависимости от величины фактического потребления. Если она ниже рекомендованной Минздравом нормы – путем определения отклонения этого значения от нормы,

в коэффициентах; если выше – путем расчета отклонения рациональной нормы от фактического потребления, в коэффициентах. Избыточное питание не способствует укреплению здоровья, а значит, и повышению продовольственной безопасности²⁶.

Поскольку субиндекс $I_{\text{КП}}$ составной и его слагаемые не равны, было необходимо учесть их значимость в рекомендованном рационе питания. Поэтому в качестве весовых коэффициентов использовались удельные веса каждого вида продовольствия в сбалансированном рационе питания.

Исходя из сказанного формул для расчета $I_{\text{КП}}$ две: (3) и (4). Формула (3) используется в случае, когда фактическое потребление ниже рекомендованной нормы:

$$I_{\text{КП}} = \sum (УВ_i \times \text{ФП}_i / N_i), \quad (3)$$

где: $УВ_i$ – удельный вес i -го вида продовольствия в сбалансированной структуре питания, в коэффициентах; ФП_i – фактическое потребление i -го вида продовольствия, кг; N_i – рациональная норма потребления i -го вида продовольствия, кг.

Формула (4) актуальна, если фактическое потребление превышает норму:

$$I_{\text{КП}} = \sum (УВ_i \times N_i / \text{ФП}_i). \quad (4)$$

При вычислениях по формулам (3), (4) максимальное возможное значение $I_{\text{КП}} = 1$.

Методика расчета итогового показателя. Итоговый индекс (далее – индекс продовольственной безопасности региона $I_{\text{ПБР}}$) определяется как сумма трех субиндексов с учетом их значимости. Весовые коэффициенты по субиндексам $I_{\text{ФД}}$, $I_{\text{ЭД}}$ составляют 0,4, по субиндексу $I_{\text{КП}}$ – 0,2.

При установлении весовых значений для субиндексов принималось во внимание, что оценка продовольственной безопасности осуществляется для целей управления, а значит, при определении значимости слагаемого следовало учесть возможность эффективных управленческих воздействий на него. Среди рассмотренных параметров продовольственной безопасности к числу регулируемых относятся самообеспеченность продовольствием (производство продовольствия планируется государством) и экономическая доступность продовольствия (повышение уровня жизни населения – одна из национальных целей развития РФ и важнейшая задача государства). Третий параметр (качество питания) является слабо регулируемым, поскольку прямо повлиять на рацион питания граждан невозможно; для него установлен весовой коэффициент в 2 раза ниже, чем для регулируемых факторов.

Формула для расчета итогового индекса, т. е. $I_{\text{ПБР}}$, имеет следующий вид:

$$I_{\text{ПБР}} = 0,4I_{\text{ФД}} + 0,4I_{\text{ЭД}} + 0,2I_{\text{КП}}. \quad (5)$$

Принятые в расчетах допущения:

- средний вес одного яйца – 55 г;
- коэффициент выхода при производстве растительного масла – 0,56 (рассчитан путем деления объема производства семян подсолнечника на объем производства растительного масла²⁷);

²⁶ Нерациональное питание: риски и последствия [Электронный ресурс]. Мосгорздрав. URL: <https://clck.ru/3NNxo6> (дата обращения: 15.10.2024).

²⁷ Российский статистический ежегодник. С. 371, 385.

– при расчете $I_{\text{ФД}}$ коэффициенты по зерну и сахарной свекле во всех регионах были приняты равными 1, поскольку этими видам продукции страна полностью себя обеспечивает, товары легко поддаются хранению и транспортировке, потребление почти повсеместно превышает рациональные нормы²⁸ (Приложение 1)²⁹.

Результаты исследования. Оценка самообеспеченности регионов ПФО основными видами продовольствия. Наивысший уровень продовольственной самообеспеченности в 2023 г. был достигнут в Чувашской Республике, которая развивает многоотраслевое сельское хозяйство с преобладанием растениеводства. Хотя по вкладу в общероссийское производство позиции региона невысоки: по стоимости продукции растениеводства – 39-е место в 2023 г., животноводческой продукции – 51-е место³⁰.

Многопрофильный аграрный сектор обеспечивает местное население продуктами питания собственного производства больше, чем на 86 %. До полного самообеспечения не хватало 6 % мяса скота и птицы, 10 – овощей, 65 % плодов и ягод. В регионе не производятся семена подсолнечника (масло может изготавливаться из привозного сырья, но при оценке самообеспеченности продовольствием это не учитывается), а производство рыбы покрывает только 0,5 % потребности (Приложение 2).

На 2-м месте по уровню самообеспечения населения продовольствием – Республика Мордовия, которая производит почти 86 % необходимых местному населению продуктов питания. Этот небольшой приволжский регион занимает 32-е место в РФ по объему продукции растениеводства, 19-е – животноводства (в стоимостном выражении)³¹. Дефицит по овощам составляет 14 %, по плодам и ягодам – 80 %. Рыбы местного производства, как и в большинстве российских регионов, не имеющих крупных водных объектов, практически нет.

На 3-м месте по данному параметру продовольственной безопасности находится Оренбургская область: уровень продовольственного самообеспечения в 2023 г. достиг 80 %. Регион вносит большой вклад в продовольственное обеспечение страны (14-я строка федерального рейтинга по объему растениеводческой продукции и 16-я – животноводческой)³². В дефиците находились мясо – 2 %, картофель – 10, овощи – 34, плоды и ягоды – 85 %. Местное производство рыбы покрывало только 0,1 % потребности населения в этом продукте питания.

Субиндекс самообеспеченности региона продовольствием превышает среднероссийский уровень еще в Республике Татарстан (79,5 против 77 % в РФ), Пензенской области (выше 79 %), Республике Башкортостан (около 79 против 77 % в РФ).

Среди субъектов ПФО 8 из 14 имеют уровень продовольственного самообеспечения ниже среднероссийского значения. Кроме крупнейших промышленных центров с низкой долей сельского населения (Нижегородской и Самарской областей) к числу таких регионов относятся Республика Марий Эл, Удмуртская Республика, Пермский край, Кировская, Саратовская и Ульяновская области. Много вопросов возникает относительно ситуации в Республике Марий Эл и Удмуртской

²⁸ Регионы России... С. 270–273.

²⁹ Приложения 1–5 [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.416>

³⁰ Продукция сельского хозяйства в 2023 г.: Стат. сб. Росстат. М.; 2024.

³¹ Там же.

³² Там же.

Республике, где каждый третий проживает в сельской местности (удельный вес сельского населения составляет 31 и 34 % соответственно)³³.

Наименьший уровень продовольственного самообеспечения выявлен в Самарской области – регион производит менее 56 % требующегося объема продуктов питания (Приложение 3). Тем не менее в 2023 г. он занимал 13-е место по объему производства продукции растениеводства и 30-е место – животноводства³⁴. Осложняет укрепление продовольственной безопасности на местном уровне высокая степень зависимости в обеспечении продовольственного рынка мясом и птицей от неорганизованного сектора – в хозяйствах населения производится 37 % их общего объема, в то время как в РФ этот параметр равен 14 %. Молочное производство также сконцентрировано на личных подворьях: 46 против 33 % в РФ в целом³⁵.

Меньше чем на 60 % обеспечивает население продовольствием собственного производства Пермский край. В Нижегородской и Ульяновской областях значение этого показателя не превышает 62 %.

Оценка экономической доступности продуктов питания показала, что в стране в среднем этот показатель отстоит от цели на 28 % (Приложение 4). Удельный вес питания (включая питание вне дома) в структуре потребительских расходов домашних хозяйств в половине регионов ПФО превышает среднероссийское значение этого индикатора. Наиболее близки к целевому уровню Республика Татарстан, где население направляет на питание 30,2 % своих потребительских расходов при целевом уровне 24,7 %, и Пермский край (отклонение от целевого уровня менее 20 %).

Ситуация в сфере экономической доступности продуктов питания лучше, чем в целом в РФ, также в Республике Башкортостан, Удмуртской Республике, Кировской, Нижегородской и Ульяновской областях. Практически каждый второй рубль расходуют на питание жители Республики Мордовия и Саратовской области.

Оценка качества питания населения регионов ПФО. Статистические данные о потреблении основных продуктов питания приведены в Приложении 4. Расчет субиндекса качества питания населения приволжских регионов показал, что рацион россиян в среднем сбалансирован на 81 %. Недопотребление отмечается по следующим основным видам продуктов питания: молоко – 23 %, картофель – 4, овощи – 25, плоды и ягоды – 23, рыба – 21 % (Приложение 5).

В шести регионах структуру питания населения можно охарактеризовать как более здоровую: в Республике Башкортостан (рацион сбалансирован на 83 %), Удмуртской Республике (84,5), Чувашской Республике (83), Кировской области (83 %), Оренбургской области (86), Самарской области (82 %).

Наибольшее отклонение от рекомендованных норм потребления продуктов питания выявлено в Пензенской области – рацион местных жителей сбалансирован только на 74 %.

В рационе питания населения субъектов ПФО не хватает молока (за исключением Республики Татарстан), овощей, плодов и ягод, а также рыбы. Во всех

³³ Регионы России... С. 50.

³⁴ Продукция сельского хозяйства в 2023 г. ...

³⁵ Сельское хозяйство России. 2023: Стат. сб. Росстат. М.; 2023. С. 47.

без исключения субъектах РФ выявлено избыточное потребление сахара, хлеба и хлебобулочных изделий (Приложение 5).

Расчет итогового индекса показал, что продовольственная безопасность России обеспечена на 76 %. Из трех рассматриваемых параметров продовольственной безопасности наиболее близок к цели субиндекс качества питания $I_{\text{кп}}$, наиболее далек – субиндекс экономической доступности продовольствия $I_{\text{эд}}$ (таблица).

Т а б л и ц а. Расчет интегрального показателя продовольственной безопасности субъектов Приволжского федерального округа, 2023 г.

Table. Calculation of the integral indicator of food security of the subjects of the Volga federal district, 2023

Субъект / Region	Без учета значимости параметра / Without taking into account the significance of the parameter			С учетом весового коэффициента / Taking into account the weight coefficient			$I_{\text{ПБР}}$ / Regional food security index	Ранг / Rank
				0,4		0,2		
	$I_{\text{фд}}$	$I_{\text{эд}}$	$I_{\text{кп}}$	$I_{\text{фд}}$	$I_{\text{эд}}$	$I_{\text{кп}}$		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Российская Федерация / Russian Federation	0,7659	0,7201	0,8096	0,3064	0,2880	0,1619	0,7563	
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	0,7884	0,7485	0,8321	0,3154	0,2994	0,1664	0,7812	2
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	0,7610	0,6861	0,772	0,3044	0,2744	0,1444	0,7232	7
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	0,8597	0,5370	0,7844	0,3439	0,2148	0,1569	0,7156	8
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	0,7949	0,8179	0,7938	0,3180	0,3272	0,1588	0,8040	1
Удмуртская Республика / Udmurtian Republic	0,7484	0,7695	0,8453	0,2994	0,3078	0,1691	0,7763	3
Чувашская Республика / Chuvash Republic	0,8608	0,6517	0,8280	0,3443	0,2607	0,1656	0,7706	5
Пермский край / Perm Territory	0,5791	0,8046	0,7543	0,2316	0,3218	0,1509	0,7043	12
Кировская область / Kirov Region	0,7535	0,7623	0,8332	0,3014	0,3049	0,1666	0,7729	4
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	0,6183	0,7623	0,7733	0,2473	0,3049	0,1547	0,7069	11

Окончание таблицы / End of the table

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Оренбургская область / Orenburg Region	0,7999	0,6694	0,8615	0,3200	0,2678	0,1723	0,7601	6
Пензенская область / Penza Region	0,7909	0,6253	0,7396	0,3164	0,2501	0,1479	0,7153	9
Самарская область / Samara Region	0,5579	0,7180	0,8170	0,2232	0,2872	0,1634	0,6738	13
Саратовская область / Saratov Region	0,7050	0,5952	0,7593	0,2820	0,2381	0,1519	0,6720	14
Ульяновская область / Ulyanovsk Region	0,6160	0,7792	0,7716	0,2464	0,3117	0,1543	0,7124	10

Шесть субъектов ПФО характеризуются более высоким уровнем обеспеченности продовольственной безопасности: Татарстан (на 80,4 %), Башкортостан (78,1), Удмуртия (77,6), Кировская область (77,3), Чувашия (77,1), Оренбургская область (на 76 %). В остальных регионах уровень продовольственной безопасности ниже, чем в стране в целом. Замыкают локальный рейтинг Пермский край (70,4 %), Самарская (67,4) и Саратовская (67,2 %) области (см. таблицу).

Обсуждение и заключение. Преимущество и уникальность предложенной методики заключаются в учете принципиальных положений Доктрины продовольственной безопасности России относительно физической и экономической доступности продуктов питания в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни.

Предложенный подход отличается от известных методик, наиболее часто используемых для оценки продовольственной безопасности, тем, что предусматривает стандартизацию показателей, для чего по каждому оцениваемому параметру были установлены целевые уровни. Благодаря этому стало возможным получить количественную оценку изучаемого социально-экономического явления, в то время как иные подходы позволяют присвоить только качественную оценку (высокий уровень, низкий, допустимый и т. п.).

Другое преимущество разработанной методики – использование только относительных величин, что позволяет проводить ранжированную оценку и выявлять динамику по каждому оцениваемому параметру и итоговому индексу.

Впервые при оценке продовольственной безопасности учтена структура питания, для отражения которой (а значит, и совокупной потребности региона в продуктах питания) проводилось взвешивание фактических значений показателей производства и потребления основных видов продовольствия по удельному весу каждого из них в рекомендованном рационе питания. Перепроизводство не учитывалось, чтобы основная специализация не могла компенсировать дефицит производства других видов продовольствия.

Кроме того, учтено избыточное потребление, приносящее вред здоровью. При избыточном потреблении рассчитывалось обратное отношение от цели, к которой должен стремиться показатель.

Апробация разработанного подхода на примере субъектов Приволжского федерального округа показала, что наивысший уровень продовольственной безопасности в 2023 г. был характерен для Республики Татарстан, наименьший – для Саратовской области. Субиндекс физической доступности продовольствия $I_{\text{фд}}$ превышал среднероссийское значение в шести субъектах ПФО, субиндекс экономической доступности продовольствия $I_{\text{эд}}$ – в семи, субиндекс качества питания $I_{\text{кп}}$ – в шести приволжских регионах.

Допускается, что в ходе конструктивного обсуждения описанного подхода на страницах научных изданий возможно усовершенствование методики. В частности, могут быть предложены другие показатели для оценки ключевых слагаемых продовольственной безопасности регионов, весовые коэффициенты, приняты иные допущения. Разработанная и апробированная в данном исследовании методика позволяет внести такие изменения. В качестве целевого уровня по показателю экономической доступности продовольствия может быть принято не минимальное, а среднее значение в стране или удельный вес расходов на питание в структуре потребительских расходов в европейских странах. Если Минздрав России пересмотрит рациональные нормы потребления продуктов питания, то целевые уровни по показателям самообеспеченности и качества питания тоже будут скорректированы.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны для ученых, анализирующих вопросы продовольственной безопасности, а также для руководителей аграрной отрасли при обосновании решений о приоритетных направлениях развития сельского хозяйства на федеральном и региональном уровнях.

Ограничивает проведение количественной оценки продовольственной безопасности регионов периодичность опубликования Федеральной службой государственной статистики информации о потреблении продуктов питания по видам, включенным в рекомендованный Минздравом рацион (Статистический сборник «Здравоохранение в России», содержащий полные данные о потреблении продуктов питания, публикуется один раз в два года), вследствие чего возможность оперативно реагировать на негативные изменения, выявленные в процессе мониторинга региональной продовольственной безопасности, ослабевает.

Ограничением методики является необходимость ее корректировки в случае изменения рекомендованных норм потребления, появления новых знаний в области влияния питания на здоровье человека, изменений в перечне и методиках разрабатываемых Росстатом показателей (последнее делает данные за разные периоды несопоставимыми).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дрыночкин А.В. Некоторые аспекты обеспечения продовольственной безопасности стран Центральной и Юго-Восточной Европы. *Современная Европа*. 2023;(1):88–99. <https://doi.org/10.31857/S0201708323010072>
2. Солдатенкова О.И. Продовольственная безопасность арктических территорий Северной Америки. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2023;(12):64–73. <https://doi.org/10.31857/S2686673023120064>
3. Хорольская М.В. Продовольственная безопасность Германии в условиях кризиса. *Современная Европа*. 2023;(5):57–71. <https://doi.org/10.31857/S0201708323050054>
4. Maxwell D., Adan G., Hailey P. at al. Using the Household Hunger Scale to Improve Analysis and Classification of Severe Food Insecurity in Famine-Risk Conditions: Evidence from three Countries. *Food Policy*. 2023;(118):102449. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2023.102449>

5. Nicholson C.F., Stephens E.C., Kopainsky B., Jones A.D., Parsons D., Garrett J. Food Security Outcomes in Agricultural Systems Models: Current Status and Recommended Improvements. *Agricultural Systems*. 2021;(188):103028. <https://doi.org/10.1016/j.agsy.2020.103028>
6. Chen Po-C., Yu M.-M., Shih J.-C., Chang C.-C., Hsu S.-H. A Reassessment of the Global Food Security Index by using a Hierarchical Data Envelopment Analysis Approach. *European Journal of Operational Research*. 2019;272(2):687–698. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2018.06.045>
7. Caccavale O.M., Giuffrida V. The Proteus Composite Index: Towards a Better Metric for Global Food Security. *World Development*. 2020;(126):104709. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104709>
8. Николаев М.В. Оценка смещения границ зон рискованного земледелия в условиях изменения климата. *Известия Русского географического общества*. 2015;147(1):54–65. URL: <https://izv.rgo.ru/jour/article/view/441/259> (дата обращения: 05.03.2025).
9. Dudek H., Myszkowska-Ryciak J. Food Insecurity in Central-Eastern Europe: Does Gender Matter? *Sustainability*. 2022;14(9):5435. <https://doi.org/10.3390/su14095435>
10. Bach-Faig A., Wickramasinghe K., Panadero N. et al. Consensus-Building Around the Conceptualisation and Implementation of Sustainable Healthy Diets: a Foundation for Policymakers. *BMC Public Health*. 2022;(22):1480. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13756-y>
11. Rahman S.M.E., Mele M.A., Lee Y.T., Islam M.Z. Consumer Preference, Quality, and Safety of Organic and Conventional Fresh Fruits, Vegetables, and Cereals. *Foods*. 2021;10(1):105. <https://doi.org/10.3390/foods10010105>
12. Vigar V., Myers S., Oliver C., Arellano J., Robinson S., Leifert C. A Systematic Review of Organic Versus Conventional Food Consumption: Is There a Measurable Benefit on Human Health? *Nutrients*. 2019;12(1):7. <https://doi.org/10.3390/nu12010007>
13. Ковзунова Е.С., Руйга И.Р. Концептуальный подход к оценке продовольственной безопасности макрорегиона на основе использования методов математического моделирования. *Продовольственная политика и безопасность*. 2022;9(2):177–196. <https://doi.org/10.18334/ppib.9.2.114467>
14. Прокопьев М. Методические аспекты формирования концепции и оценки продовольственной безопасности. *Проблемы теории и практики управления*. 2017;(8):20–31. <https://elibrary.ru/item.asp?id=29904791>
15. Долганова Я.А. Условия улучшения продовольственной безопасности как фактора экономической безопасности региона. *Экономическая безопасность*. 2023;6(2):569–594. <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.2.117855>
16. Андреева М.В., Кирик О.Б., Борисова А.С. Повышение уровня продовольственной безопасности региона: кластерный подход. *Вестник университета*. 2021;(8):107–115. URL: https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/3028?locale=ru_RU (дата обращения: 08.03. 2025).
17. Решетникова Е.Г. Институциональные проблемы в сфере экономической доступности продовольствия в условиях глобальных вызовов. *Продовольственная политика и безопасность*. 2023;10(2):237–246. <https://elibrary.ru/item.asp?id=53947749>
18. Наговицына Э.В., Давыдова Ю.В. Балльная методика оценки состояния продовольственной безопасности Кировской области. *Фундаментальные исследования*. 2015;(12,ч.6):1258–1262. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39768> (дата обращения: 15.10.2024).
19. Решетникова Е.Г. Условия достижения критериев продовольственной безопасности в период нового глобального вызова. *Вестник НГИЭИ*. 2021;(1):105–114. URL: http://vestnik.ngiei.ru/?page_id=1986 (дата обращения: 15.10.2024).
20. Шагайда Н.И., Узун В.Я., Терновский Д.С., Шишкина Е.А. Оценка экономической доступности продовольствия в России в контексте продовольственной безопасности. *Вопросы экономики*. 2024;(6):73–95. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-6-73-95>

21. Богачев А.И., Дорофеева Л.Н. Основные подходы и практика оценки продовольственной безопасности региона. *Вестник аграрной науки*. 2024;(1):101–114. URL: [https://ej.orelsau.ru/2024,1\(106\).pdf](https://ej.orelsau.ru/2024,1(106).pdf) (дата обращения: 15.10.2024).
22. Тимофеева Г.В., Акмаева Р.И., Айтпаева А.А. Продовольственная безопасность территории: инновационные технологии измерения. *Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления*. 2017;(4):36–43. URL: <https://nsuem.elpub.ru/jour/issue/view/29/showToc> (дата обращения: 15.10.2024).
23. Гатауллин Р.Ф., Нусратуллин В.К. Продовольственная безопасность в Республике Башкортостан: пути ее обеспечения. *Фундаментальные исследования*. 2015;(7, ч. 2):371–375. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38703> (дата обращения: 15.10.2024).

REFERENCES

1. Drynochkin A.V. Some Aspects of Food Security in the Countries of Central and South-Eastern Europe. *Sovremennaya Evropa*. 2023;(1):88–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0201708323010072>
2. Soldatenkova O.I. Features of Ensuring Food Security in the Arctic Territories of North America. *USA and Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023;(12):64–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S2686673023120064>
3. Khorolskaya M.V. German Food Security in Times of Crisis. *Sovremennaya Evropa*. 2023;(5):57–71. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0201708323050054>
4. Maxwell D., Adan G., Hailey P. et al. Using the Household Hunger Scale to Improve Analysis and Classification of Severe Food Insecurity in Famine-Risk Conditions: Evidence from three Countries. *Food Policy*. 2023;(118):102449. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2023.102449>
5. Nicholson C.F., Stephens E.C., Kopainsky B., Jones A.D., Parsons D., Garrett J. Food Security Outcomes in Agricultural Systems Models: Current Status and Recommended Improvements. *Agricultural Systems*. 2021;(188):103028. <https://doi.org/10.1016/j.agsy.2020.103028>
6. Chen Po-C., Yu M.-M., Shih J.-C., Chang C.-C., Hsu S.-H. A Reassessment of the Global Food Security Index by Using a Hierarchical Data Envelopment Analysis Approach. *European Journal of Operational Research*. 2019;272(2):687–698. <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2018.06.045>
7. Caccavale O. M., Giuffrida V. The Proteus Composite Index: Towards a Better Metric for Global Food Security. *World Development*. 2020;(126):104709. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104709>
8. Nikolaev M.V. Assessment of Risk Farming Boundaries Shift under Climate Change. *Proceedings of the Russian Geographical Society*. 2015;147(1):54–65. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://izv.rgo.ru/jour/article/view/441/259> (accessed 08.03.2025).
9. Dudek H., Myszkowska-Ryciak J. Food Insecurity in Central-Eastern Europe: Does Gender Matter? *Sustainability*. 2022;14(9):5435. <https://doi.org/10.3390/su14095435>
10. Bach-Faig A., Wickramasinghe K., Panadero N. et al. Consensus-Building Around the Conceptualisation and Implementation of Sustainable Healthy Diets: a Foundation for Policymakers. *BMC Public Health*. 2022;(22):1480. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13756-y>
11. Rahman S.M.E., Mele M.A., Lee Y.T., Islam M.Z. Consumer Preference, Quality, and Safety of Organic and Conventional Fresh Fruits, Vegetables, and Cereals. *Foods*. 2021;10(1):105. <https://doi.org/10.3390/foods10010105>
12. Vigar V., Myers S., Oliver C., Arellano J., Robinson S., Leifert C. A Systematic Review of Organic Versus Conventional Food Consumption: Is There a Measurable Benefit on Human Health? *Nutrients*. 2019;12(1):7. <https://doi.org/10.3390/nu12010007>
13. Kovzunova E.S., Ruyga I.R. A Conceptual Approach to Assessing the Food Security of a Macroregion Based on Mathematical Modeling Methods. *Prodovolstvennaya politika i bezopasnost*. 2022;9(2):177–196. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/ppib.9.2.114467>
14. Prokopyev M. [Methodological Aspects of the Formation and Assessment of Food Security]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2017;(8):20–31. (In Russ.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=29904791>
15. Dolganova Y.A. Conditions for Improving Food Security as a Factor of Ensuring the Economic Security of the Region. *Economic Security*. 2023;6(2):569–594. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.2.117855>

16. Andreeva M.V., Kirik O.B., Borisova A.S. Improving the Level of Food Security of the Region: Cluster Approach. *Vestnik universiteta*. 2021;(8):107–115. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/3028?locale=ru_RU (accessed 08.03.2025).
17. Reshetnikova E.G. Institutional Problems in Food Economic Accessibility Amidst New Global Challenges. *Food Policy and Security*. 2023;10(2):237–246. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=53947749>
18. Nagovitsyna E.V., Davydova Yu.V. Mark Technique of the Assessment of the Condition of Food Security of the Kirov Region. *Fundamental Research*. 2015;(12,6):1258–1262. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39768> (accessed: 10.15.2024).
19. Reshetnikova E.G. Conditions for Achieving Food Security Criteria During the New Global Challenge. *Bulletin NGIEI*. 2021;(1):105–114. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://vestnik.ngiei.ru/?page_id=1986 (accessed: 10.15.2024).
20. Shagaida N.I., Uzun V.Y., Ternovskiy D.S., Shishkina E.A. Assessment of the Economic Availability of Food in Russia in the Context of Food Security. *Voprosy ekonomiki*. 2024;(6):73–95. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-6-73-95>
21. Bogachev A.I., Dorofeeva L.N. Main Approaches and Practice for Assessing Food Security of the Region. *Bulletin of Agrarian Science*. 2024;(1):101–114. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: [https://ej.orelsau.ru/2024,1\(106\).pdf](https://ej.orelsau.ru/2024,1(106).pdf) (accessed: 10.15.2024).
22. Timofeyeva G.V., Akmaeva R.I., Aitpaeva A.A. The Region Food Security: Innovative Approaches to Assessing. *Vestnik NSUEM*. 2017;(4):36–43. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://nsuem.elpub.ru/jour/issue/view/29/showToc> (accessed: 10.15.2024).
23. Gataullin R.F., Nusratullin V.K. Food Security the Republic of Bashkortostan: Ways of its Software. *Fundamental Research*. 2015;(7,2):371–375. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38703> (accessed: 10.15.2024).

Об авторе:

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, SPIN-код: 5196-2749, lipatova-ln@ranepa.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 07.01.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 23.05.2025.

About the author:

Lyudmila N. Lipatova, Dr.Sci. (Sociol.), Cand.Sci. (Econ.), Professor, Chair of Economics, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Srednii Prospekt VO, St. Petersburg 199178, Russian Federation), Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, SPIN-code: 5196-2749, lipatova-ln@ranepa.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 07.01.2025; revised 15.05.2025; accepted 23.05.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.424-442><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/ygluzw>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 339.13:332.1

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Факторы привлекательности бренда территории
для резидентовВ. В. Кулибанова^{1, 2} ✉Т. Р. Тэор²И. А. Ильина²¹ Институт проблем региональной экономики Российской академии наук
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)² Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В.И. Ульянова (Ленина)
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
✉ valerykul@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью усиления конкурентоспособности регионов через использование инструментов маркетинга и брендинга для извлечения дополнительных ресурсов. Важной группой стейкхолдеров являются резиденты, которые обеспечивают стабильное и поступательное развитие территории. Чтобы привлечь и удержать ценных жителей, а также обеспечить их долгосрочную привязанность к месту пребывания, власти должны постоянно улучшать качество жизни и создавать комфортную городскую среду. Цель исследования – выявить и проанализировать факторы, повышающие привлекательность бренда территорий для резидентов.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования выступили рейтинги и индексы, связанные с изучением демографического, социального, институционального, политического, экономического, научно-технического, коммуникационного, репутационного и глобального развития стран и регионов по таким направлениям, как уровень и качество жизни, образования, здравоохранения и окружающей среды; уровень общественных отношений, здоровья и общественной безопасности. Посредством сравнительного анализа 98 международных и российских рейтингов, включая факторный анализ показателей, выявлялись факторы, отражающие отношение резидентов к определенной территории.

Результаты исследования. Установлено, что для оценки отношения резидентов к месту проживания необходимо ориентироваться не на глобальные рейтинги и индексы, дающие обобщенные результаты и довольно условную картину, а на ограниченные национальными либо региональными рамками. Чем уже географический охват рейтинга, тем более показательным будет компонент субъективных критериев. Факторный анализ проявил структуру привлекательности: объективные факторы (50–60 %), субъективные (30–40), управленческие (10–20 %).

Обсуждение и заключение. Привлекательность бренда региона связана не только с его положительным имиджем, но и с формированием привлекательности для жизни и долгосрочной привязанности.

© Кулибанова В. В., Тэор Т. Р., Ильина И. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

занности граждан к нему. Обнаружено, что факторами привлекательности бренда территории для резидентов служат ее стабильность, демонстрация успешности ее развития и благополучия. При этом критерии оценки показателей варьируются в зависимости от территории.

Ключевые слова: привлекательность бренда территории, резиденты, качество жизни, территориальный брендинг, факторы привлекательности, рейтинги

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в соответствии с программой фундаментальных научных исследований по теме «Разработка теоретико-методологических положений научно-технологического развития экономики на основе инновационной динамики и формирование механизмов ее реализации в регионах» (ФМГС-2024-001), № 124011600045-8.

Для цитирования: Кулибанова В.В., Тэор Т.Р., Ильина И.А. Факторы привлекательности бренда территории для резидентов. *Регионоведение*. 2025;33(3):424–442. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.424-442>

Factors of Attractiveness of a Territory Brand for Residents

V. V. Kulibanova ^{a, b} ✉ T. R. Teor ^b I. A. Ilyina ^b

^a Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russian Federation, Saint Petersburg)

^b Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”
(Russian Federation, Saint Petersburg)

✉ valerykul@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined by the need to strengthen the competitiveness of regions through the use of marketing and branding tools to extract additional resources. One of the important groups of stakeholders are residents, who ensure the stable and progressive development of the territory. In order to attract and retain valuable residents, as well as ensure their long-term attachment to their place of residence, authorities must constantly improve the quality of life and create a comfortable urban environment. The aim of the study is to identify and analyze the factors that increase the attractiveness of the brand of territories for residents.

Materials and Methods. The empirical basis for the study was provided by ratings and indices related to the study of demographic, social, institutional, political, economic, scientific and technical, communication, reputational, and global development of countries and regions in areas such as standard of living and quality of life, education, healthcare, and the environment; the level of public relations, health, and public safety. A comparative analysis of 98 international and Russian ratings was conducted, including a factor analysis of indicators.

Results. An analysis of existing quality of life assessments revealed factors that reflect residents' attitudes toward the territory. It was established that in order to assess this indicator, it is necessary to focus not on global ratings and indices, which provide generalized results and a rather conditional picture, but on studies limited to national or regional frameworks. Moreover, the narrower the focus of the rating, the more indicative the subjective criteria component will be.

Discussion and Conclusion. The appeal of a place brand is based not only on its positive image, but also on the creation of an attractive living space and long-term attachment to it by citizens. It has been established that the factors contributing to the attractiveness of a place brand for residents are stability, demonstration of successful development, and prosperity in the development of the territory. At the same time, the assessment categories for each of the indicators vary depending on the territory.

Keywords: territory attractiveness, residents, quality of life, territorial branding, attractiveness factors, ratings

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was carried out in accordance with the program of fundamental scientific research on the topic “Development of theoretical and methodological provisions of scientific and technological development of the economy on the basis of innovation dynamics and the formation of mechanisms for its implementation in the regions” (FMGS-2024-001), No. 124011600045-8.

For citation: Kulibanova V.V., Teor T.R., Ilyina I.A. Factors of Attractiveness of a Territory Brand for Residents. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(3):424–442. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.424-442>

Введение. Глобальный тренд современного пространственного развития – конкуренция регионов за человека как основной драйвер экономического роста. Вследствие возрастающей соревновательности территорий акторы, ответственные за их развитие, начали использовать маркетинговый инструментарий, разработанный для других сфер применения.

Понятие «бренд региона» относительно ново для России, однако уже активно обсуждается и в научной среде, и в государственных документах. Минэкономразвития, в частности, признает важность регионального брендинга для социально-экономического роста и предлагает информационную, методическую и образовательную поддержку проектов по развитию брендов городов и регионов, способствующих эффективному территориальному маркетингу¹.

Применительно к брендингу территорий целью становится обеспечение лояльности разнообразных групп стейкхолдеров определенным регионам. В качестве стейкхолдеров рассматриваются жители (резиденты), туристы, бизнес, наемные работники, представители органов государственной власти разных уровней, инвесторы и т. д. Внимание при создании бренда региона уделяется, прежде всего, туристам. Вопросам, связанным с формированием бренда дестинаций (мест назначения туристических путешествий), посвящено значительное количество публикаций² как зарубежных [1–4], так и отечественных ученых [5; 6].

Сравнительно мало авторов акцентируют внимание на резидентах и выбирают их объектом исследования³ [7]. Главные потребности местных жителей сводятся к качеству жизни (уровень и доступность образования, медицины и т. д.), занятости, доходам и благоприятной среде обитания (чистота природы, удобство городской инфраструктуры). Брендинг территории как привлекательного места для жизни чаще всего практикуют регионы с проблемой оттока населения. Однако этот подход важен и в случае положительной динамики миграции⁴.

В последнее время резиденты все чаще воспринимаются как важнейшая группа стейкхолдеров [8; 9]. С точки зрения брендинга дестинаций жители выступают своеобразными амбассадорами территориального бренда. Кроме того, они являются значимой составляющей туристического бизнеса, поскольку не только соотносятся с территорией как таковой, но извлекают выгоду из позитивных изменений или

¹ План реализации Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Министерство экономического развития Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: https://economy.gov.ru/material/file/4261d462456ba98fbfc01f4cc4e21d11/27122019_3227-p.pdf (дата обращения: 17.11.2024).

² Balakrishnan S.M. Dubai – a Star in the East. *Journal of Place Management and Development*. 2008;1(1):62–91.

³ Gilboa S., Herstein R. Place Status, Place Loyalty and Well Being: an Exploratory Investigation of Israeli Residents. *Journal of Place Management and Development*. 2012;5(2):141–157; de Azeved A.J.A., Custódio M.J.F., Perna F.P.A. “Are you Happy Here?": the Relationship between Quality of Life and Place Attachment. *Journal of Place Management and Development*. 2013;6(2):102–119.

⁴ Тэор Т.Р., Кулибанова В.В. Брендинг территорий как инструмент повышения конкурентоспособности региона в современной экономике России. В кн.: Современные тенденции и технологии развития потенциала регионов: Сборник статей Национальной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2019 года. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики; 2019. С. 35–40.

ощущают негативные социальные и экологические последствия туризма [10]. Ряд исследований посвящен неудачам кампаний по брендингу регионов вследствие игнорирования роли местного населения [11; 12].

Главные аспекты вклада резидентов в развитие территории связаны с тем, что жители:

1) одновременно действуют в роли и наемных работников, и нанимателей-бизнесменов, т. е. одновременно оказываются источником налоговых поступлений и движущей силой изменений;

2) могут участвовать в процессе принятия решений, выступая при этом как амбассадоры бренда региона, по мнению Э. Брауна, М. Каварациса, С. Зенкера и др.⁵ [13];

3) позволяют уберечь идентичность территории, сохраняя ее культурный и социальный капитал⁶.

Цель работы заключается в выявлении и анализе факторов, повышающих привлекательность бренда территорий для резидентов. В качестве объекта исследования выступают жители как важнейшая группа стейкхолдеров, формирующая бренд территории; предмета – факторы привлекательности бренда территории.

Обзор литературы. В 1990-е годы доминировала идея осознанного и системного продвижения территории, сформулированная Ф. Котлером, К. Асплундом, И. Рейном и Д. Хайдером⁷. Это послужило импульсом для широкого распространения терминов “*place brand*” («бренд территории», или «бренд региона») и “*city brand*” («бренд города»). Так, М. Каварацис и Г. Эшворт писали, что бренд города – это многомерный конструкт, состоящий из функциональных, эмоциональных и материальных элементов, которые в совокупности создают уникальный набор ассоциаций с местом в общественном сознании⁸. Позднее Каварацис утверждал, что бренд города больше, чем просто выявление его уникальности на основе позитивных ассоциаций, это формирование самих ассоциаций⁹. Т. Мойланен и С. Райнисто определяли содержание данной дефиниции как впечатление, которое город производит на целевую аудиторию, сумму всех материальных и символических элементов, что делают его уникальным¹⁰.

Максимально полно раскрывают сущность рассматриваемого термина С. Зенкер и Э. Браун, адаптировав понятие бренда организации применительно к региону. С их точки зрения, бренд территории – это комплекс ассоциаций в сознании потребителей, базирующихся на визуальных, вербальных и поведенческих проявлениях особенностей территории, которые находят выражение в целях, коммуникациях,

⁵ Braun E., Kavaratzis M., Zenker S. My City – my Brand: the Different Roles of Residents in Place Branding. *Journal of Place Management and Development*. 2013;6(1):18–28 ; Eshuis J., Klijn E.-H., Braun E. Place Marketing and Citizen Participation: Branding as Strategy to Address the Emotional Dimension of Policy Making? *International Review of Administrative Sciences*. 2014;80(1):151–171 ; Klijn E. H., Eshuis J., Braun E. The Influence of Stakeholder Involvement on the Effectiveness of Place Branding. *Public Management Review*. 2012;14(4):499–519.

⁶ Dinnie K. (ed.) *City Branding. Theory and Cases*. London: Palgrave Macmillan UK; 2011. <https://doi.org/10.1057/9780230294790>

⁷ Kotler P., Haider D., Rein I. *Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations*. New York: Free Press; 1993. 388 p. ; Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. *Маркетинг мест*. СПб.: Стокгольмская школа экономики; 2005. 382 с.

⁸ Kavaratzis M., Ashworth G.J. City Branding: An Effective Assertion of Identity or a Transitory Marketing Trick? *Place Branding*. 2006;2(3):183–194.

⁹ Kavaratzis M. From City Marketing to City Branding: An Interdisciplinary Analysis with Reference to Amsterdam, Budapest and Athens: PhD Thesis. University of Groningen. 2008. Available at: <https://pure.rug.nl/ws/portalfiles/portal/33151144/volledigedissertatie.pdf> (accessed 21.06.2025).

¹⁰ Moilanen T., Rainisto S. *How to Brand Nations, Cities and Destinations*. London: Palgrave Macmillan UK; 2009. <https://doi.org/10.1057/9780230584594>

ценностях и общей культуре региональных стейкхолдеров, а также в общем дизайне данной территории¹¹.

Отмечается, что заинтересованных сторон достаточно много, а значит, их интересы могут противоречить друг другу. Например, привлекательный для бизнеса регион не всегда будет таковым для жителей, которых может не устраивать чрезмерная деловая активность в местах их непосредственного проживания. Каждая группа имеет специфические характеристики, которые необходимо учитывать при разработке тех или иных сообщений и их трансляции [14].

Неэффективность стратегий брендинга территории, направленных на всех жителей одновременно, показана в [10; 15]. Единый бренд формировать бессмысленно: потребности разных стейкхолдеров различаются. Не понимая интересы каждой отдельно взятой группы населения, невозможно разработать эффективную политику брендинга региона.

Термин «стейкхолдер», предложенный Э. Фриманом¹², вошел в активный научный лексикон в контексте брендинга территорий. Классификации стейкхолдеров посвящены работы как зарубежных, так и российских исследователей¹³ [15; 16], и резидентам в них отведено отнюдь не последнее место.

Ряд авторов последовательно доказывают следующую мысль: чтобы бренд территории был эффективен в коммуникации с внешним миром, он должен сначала объединить жителей; только после этого он становится основой для позиционирования города как внутри страны, так и за ее пределами [14; 17; 18]. Сложность работы с формированием бренда объясняется неоднородностью групп стейкхолдеров, внутри которых есть разные сегменты. Один из возможных вариантов дифференциации, где в качестве критериев используются параметры привязанности и вовлеченности, предложили Ш. Гилбоа и Ю. Яффе [11]. При этом С. Зенкер и Э. Браун считают, что внутренние настоящие и внешние потенциальные жители могут образовывать различные сегменты [15]. Вне зависимости от выбранной точки зрения очевидно, что отдельные сегменты требуют специфического, отличного от других, подхода.

Таким образом, основная задача бренда территории аналогична задачам товарного брендинга и заключается в создании лояльности среди обслуживаемых сегментов, которые могут быть весьма разнообразны, неоднородны и определяются качеством жизни. Последнее можно рассматривать, например, через экономические показатели как описание социально-бытовых и социально-культурных аспектов¹⁴; с позиции нормативного эталона благосостояния, включающего в себя материальные, социальные, экологические, демографические, политические и нравственные условия жизни (индикативный подход)¹⁵; как способ достижения обществом нового более

¹¹ Zenker S., Braun E. The Place Brand Centre – Conceptual Approach for the Brand Management of Places. In: 39th European Marketing Academy Conference. Copenhagen; 2010. Vol. 1. Pp. 3. Available at: https://www.academia.edu/23309481/The_Place_Brand_Centre_A_Conceptual_Approach_for_the_Brand_Management_of_Places (accessed 21.06.2025).

¹² Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Boston: Pitman; 1984. 276 p.

¹³ Beckmann S.C., Zenker S. Place Branding: A Multiple Stakeholder Perspective. In: 41st European Marketing Academy Conference. Lisbon; 2012. Available at: https://research-api.cbs.dk/ws/portalfiles/portal/58892921/Beckmann_Zenker_EMAC_2012.pdf (accessed 21.06.2025); Гринчель Б.М. Оценка конкурентного потенциала регионов Северо-Запада России. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2007;3(33):55–67.

¹⁴ Galbraith J.K. The Affluent Society. Boston: Houghton Mifflin; 1998. 288 p.

¹⁵ Bauer R. Social Indicators. Cambridge, Massachusetts; London: The M. I. T. Press; 1966. 380 p.; Bell D. The Social Framework of the Information Society. In: *The Microelectronics Revolution*. Oxford: Basil Blackwell; 1980. P. 500–549; Dalkey N. Studies in the Quality of Life: Delphi and Decision-Making. Lexington, MA: Lexington Books; 1972. 161 p.

высокого качества жизни с опорой на социально-политические цели (футурологический подход)¹⁶; как алгоритм удовлетворения потребностей индивида и общества вследствие развития экономической и технологической политики и влияния научно-технического прогресса на социальные отношения (психологический подход)¹⁷; как технологический прогноз развития человечества¹⁸. Перечисленные модели имеют первостепенное значение для являющихся носителями эндемичной культуры и традиций местных жителей, которые выступают драйверами в развитии территории и формировании идентичности города/местности¹⁹.

Большое количество работ посвящено так называемой привлекательности территорий и тем факторам, которые влияют на разные группы стейкхолдеров при ее формировании²⁰ [19; 20]. В научной литературе имеются несколько подходов к их определению: опросы представителей различных групп стейкхолдеров [16; 21], анализ частоты упоминаний в социальных сетях [22], использование рейтингов для выявления ключевых факторов регионального развития [23; 24]. Однако сбалансированные методики оценки привлекательности региона, сочетающие объективные и субъективные показатели, отсутствуют.

Учитывая возрастающую практическую и научную значимость вопросов привлечения и удержания жителей в регионе, отметим недостаток исследований факторов привлекательности территорий, особенно в контексте субъективных оценок резидентов.

Материалы и методы. *Эмпирическая база исследования.* Методики составления рейтингов базируются на объективных и субъективных показателях и критериях. Объективные опираются на статистические данные федеральных ведомств, демонстрируя динамику развития определенной территории, что служит информационной базой для продвижения в долгосрочной перспективе. Субъективные критерии, основанные на качественно-количественных результатах социологических опросов, отражают личное восприятие местных жителей, удовлетворенность жизнью, текущую ситуацию и положение дел в целом. Хотя первоначально последние применялись в контексте политологического анализа [25], их актуальность для оценки качества жизни обусловлена отражением субъективного восприятия удовлетворенности жизнью резидентами конкретного региона.

В качестве эмпирической базы исследования выступили рейтинги стран и регионов. Анализу подвергались методики составления рейтингов и индексов по изучению демографического, социального, институционального, политического, экономического, научно-технического, коммуникационного, репутационного и глобального развития стран и регионов по таким направлениям, как уровень и качество жизни, уровень обще-

¹⁶ Toffler A. The Adaptive Corporation. New York: Bantam Books; 1985. 240 p.

¹⁷ Maslow A.H. Motivation and Personality. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.198216/page/n1/mode/2up> (accessed 21.06.2025).

¹⁸ Forrester J.W. World Dynamics. Wright-Allen Press; 1971. Available at: https://monoskop.org/images/d/dc/Forrester_Jay_W_World_Dynamics_2nd_ed_1973.pdf (accessed 21.06.2025); Meadows D.H. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Books; 1974. Available at: <https://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (accessed 21.06.2025).

¹⁹ Dinnie K. (ed.) City Branding...

²⁰ Servillo L., Atkinson R., Russo A.P. Territorial Attractiveness in EU Urban and Spatial Policy: a Critical Review and Future Research Agenda. *European Urban and Regional Studies*. 2012;19(4):349–365.

ственных отношений, уровень и качество образования, уровень здоровья и качество здравоохранения, уровень общественной безопасности, уровень и качество среды.

Были рассмотрены 98 рейтингов, а также составлен сводный перечень, в основу которого положена систематизация информационно-аналитического агентства «Центр гуманитарных технологий» и издательства MediaVist²¹. Для системного анализа рейтингов привлекательности территорий применялась многоуровневая методология, интегрирующая количественные и качественные подходы.

Этапы исследования. На первом этапе были отобраны 12 релевантных международных и российских рейтингов, характеризующихся регулярностью публикации, прозрачностью методологии и наличием субъективных критериев (опросных данных) (таблица). Они сгруппированы по направлениям: экономика, качество жизни и репутация.

Т а б л и ц а. Сравнительная таблица рейтингов территориальной привлекательности для резидентов

T a b l e. Comparative table of territorial attractiveness ratings for residents

Организация / Organization	Ключевые параметры / Key parameters	Методология / Methodology	Охват / Coverage	Частота / Frequency
1	2	3	4	5
<i>Рейтинг качества жизни в городах мира / Quality of Living City Ranking (www.mercer.com)</i>				
Mercer	Безопасность, медицина, образование, инфраструктура, экология / Safety, medicine, education, infrastructure, ecology	Статистика + экспертные оценки / Statistics + expert assessments	450+ городов / 450+ cities	Ежегодно / Annually
<i>Глобальный индекс комфорта жизни / Global Liveability Index (www.eiu.com)</i>				
Economist Intelligence Unit (EIU)	Стабильность, здравоохранение, культура, экология, инфраструктура / Stability, health, culture, environment, infrastructure	Статистический анализ / Statistical analysis	173 города / 173 cities	Ежегодно / Annually
<i>Индекс человеческого развития / Human Development Report (hdr.undp.org)</i>				
ООН / UN	Ожидаемая продолжительность жизни, образование, ВВП / Life expectancy, education, GDP	Статистический анализ / Statistical analysis	191 страна / 191 countries	Ежегодно / Annually
<i>Качество жизни Monocle / Monocle Quality of Life Survey (monocle.com)</i>				
Monocle	Work-life баланс, культура, климат, транспорт / Work-life balance, culture, climate, transportation	Экспертные оценки + опросы / Expert assessments + surveys	100 городов / 100 cities	Ежегодно / Annually
<i>Лучшие города мира / World's Best Cities (worldsbestcities.com)</i>				
Resonance Consultancy	Социальный капитал, инфраструктура, культура / Social capital, infrastructure, culture	Статистика + соцопросы / Statistics + social surveys	100 городов / 100 cities	Ежегодно / Annually

²¹ Исследования стран и регионов [Электронный ресурс]. Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/research/country-rankings#countries-social-development-quality-of-life> (дата обращения: 17.11.2024).

Окончание таблицы / End of the table

1	2	3	4	5
<i>Рейтинг городов для экспатов / Expat City Ranking (internations.org)</i>				
InterNations	Условия для переезда, адаптация, стоимость жизни / Conditions for moving, adaptation, cost of living	Опросы экспатов / Expat surveys	420 городов / 420 cities	Ежегодно / Annually
<i>Региональное благополучие ОЭСР / OECD Regional Well-Being (oecdregionalwellbeing.org)</i>				
ОЭСР / OECD	Доход, здоровье, безопасность, экология / Income, health, safety, environment	Статистический анализ / Statistical analysis	400+ регионов / 400+ regions	Ежегодно / Annually
<i>Индекс качества жизни / City Life Index (citylifeindex.ru)</i>				
ВЭБ.РФ / VEB.RF	Транспорт, экология, цифровизация, медицина / Transport, ecology, digitalization, medicine	Статистика + экспертные оценки / Statistics + expert assessments	85 регионов / 85 regions	Ежегодно / Annually
<i>Индекс качества городской среды / The Urban Environment Quality Index (xn----dtbcccctsyapabxk.xn--p1ai)</i>				
Минстрой РФ / Ministry of Construction RF	Благоустройство, транспорт, экология / Improvement, transportation, ecology	Статистический анализ / Statistical analysis	1 114 городов / 1 114 cities	Ежегодно / Annually
<i>Рейтинг регионов по качеству жизни / Rating of regions by quality of life (riarating.ru/infografika/20250217/630276667.html)</i>				
РИА Новости / RIA Novosti	Доходы, занятость, жилье, экология / Income, employment, housing, environment	Статистический анализ / Statistical analysis	50 городов / 50 cities	Ежегодно / Annually
<i>Рейтинг цифровой зрелости / Ranking of digital maturity (sicmt.ru/dmrating)</i>				
СИЦ Минтранса РФ / SIC Ministry of Transport RF	Цифровые сервисы, ИТ-инфраструктура / Digital services, IT infrastructure	Статистический анализ / Statistical analysis	Все регионы РФ / All regions of RF	Ежегодно / Annually
<i>Индекс социального самочувствия / Index of social well-being (wciom.ru)</i>				
ВЦИОМ / VTsIOM	Удовлетворенность жизнью, доверие к власти / Satisfaction with life, trust in authority	Соцопросы / Social surveys	Все регионы РФ / All regions of RF	Ежемесячно / Monthly

Примечания / Notes. 1) ООН – Организация Объединенных Наций / UN – United Nations; ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития / OECD – Organisation for Economic Cooperation and Development; ВЭБ.РФ – российская государственная корпорация развития / VEB.RF – Russian State Development Corporation; СИЦ – Ситуационно-информационный центр / SIC – Situation and Information Center; ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения / VTsIOM – All-Russian Public Opinion Research Center; 2) цветом показана группировка рейтингов по направлениям: голубым – экономика, красным – качество жизни и серым – репутация / the color shows the grouping of ratings by areas: blue – economy, red – quality of life and grey – reputation.

На втором этапе проводилась декомпозиция показателей каждого рейтинга с выделением базовых, композитных и субъективных метрик (соответственно валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, Индекса человеческого развития Организации Объединенных Наций (ООН), индекса удовлетворенности жизнью). В результате были выявлены 26 сквозных показателей, объединенных в общий аналитический массив.

Третий этап включал нормализацию данных для обеспечения сопоставимости разнородных показателей (приведение к шкале 0–100) и перерасчет их весов.

На четвертом этапе был проведен корреляционный анализ для выявления взаимосвязей выделенных показателей. Наличие значимых корреляций ($p < 0,05$) между такими парами переменных, как «ВВП на душу населения» и «средняя зарплата» ($r = 0,78$), «доступность медицины» и «качество образования» ($r = 0,65$), «удовлетворенность жизнью» и «уровень уличной преступности» ($r = -0,52$), подтверждает, что они не являются независимыми, и тем самым обосновывает применение многомерных методов анализа.

Перед извлечением факторов проводилась оценка пригодности данных для факторного анализа с использованием ключевых статистических критериев: меры адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина и критерия сферичности Бартлетта (*Bartlett's Test of Sphericity*). Первый составил 0,83, что свидетельствует о хорошем качестве выборки и высокой степени коррелированности переменных; второй показал статистически значимый результат ($\chi^2 = 1\,876,43$, $p < 0,001$), доказав, что корреляционная матрица существенно отличается от единичной. Полученная информация подтверждает статистическую обоснованность проведения факторного анализа.

На пятом этапе осуществлялся эксплораторный факторный анализ (EFA) с использованием метода главных компонент (PCA) и ортогонального вращения Varimax. Для интерпретации были отобраны факторы с собственными значениями (*eigenvalues*) выше 1,0 (критерий Кайзера). Вращение Varimax обеспечило ортогональность факторов, что подтвердилось низкими межфакторными корреляциями ($r < 0,2$) и позволило рассматривать выделенные компоненты как независимые аспекты территориальной привлекательности. Факторные нагрузки большинства переменных превысили порог 0,60, что говорит о высокой информативности и надежности выделенной структуры.

Анализ методологических различий, включая источники (ООН, Росстат) и методы сбора данных (размеры выборок в опросах), наличие независимых аудитов, обнаружил как сходства (учет базовых потребностей, значительное пересечение показателей), так и различия (фокус на репутационных факторах в глобальных рейтингах и на материальных условиях – в локальных).

В итоге были определены 4 независимых фактора, объясняющих 68,3 % совокупной дисперсии, а именно:

1) экономическое благополучие – объединил переменные с высокими нагрузками: ВВП на душу населения (0,91), среднюю зарплату (0,84) и стоимость жилья (0,72). Фактор отражает материальную основу качества жизни и является ключевым индикатором экономической привлекательности региона;

2) социальная инфраструктура – включил показатели доступности медицины (0,88) и качества образования (0,81). Характеризует базовые условия для комфортного и безопасного проживания;

3) качество и экологическая устойчивость городской среды – консолидировал такие показатели, как доля зеленых насаждений (0,85), качество дорожного покрытия (0,79), доступность общественного транспорта (0,74) и экологическая безопасность (0,76). Описывает благоустройство, мобильность и экологическое здоровье территории;

4) субъективное восприятие и культурная привлекательность – представлен показателями, основанными на субъективных оценках: удовлетворенностью жизнью (0,89), уровнем уличной преступности (0,82), культурным разнообразием (0,77) и репутацией города/региона (0,73). Акцентирует внимание на нематериальных аспектах привлекательности, формирующих идентичность и лояльность населения.

Ортогональность факторов подтвердилась низкой межфакторной корреляцией ($r < 0,2$), что позволило рассматривать их как независимые аспекты привлекательности территории. Факторный анализ был выбран ввиду отсутствия априорных гипотез о структуре взаимосвязей между переменными; вращение Varimax – для обеспечения некоррелированности факторов, что упрощает их содержательную интерпретацию. Распределение факторов по шкалам объективных и субъективных показателей подтверждает валидность выделенной структуры. Анализ выполнялся в программе IBM SPSS Statistics 26 с модулем Factor Analysis.

Таким образом, факторный анализ не только подтвердил статистическую обоснованность выделенных измерений привлекательности, но и продемонстрировал их содержательную валидность. Распределение факторов по шкалам объективных и субъективных показателей согласуется с результатами кластеризации методик, что подтверждает целостность и внутреннюю согласованность аналитической модели.

Если факторный анализ позволил выявить содержательное измерение привлекательности территории на уровне показателей, то кластерный (k -means, $k = 4$), проведенный на уровне методик оценки качества жизни, показал, как эти измерения реализуются в различных рейтингах и индексах.

Валидация результатов факторного анализа. Для валидации результатов факторного анализа проводилось пилотажное исследование среди внутренних мигрантов, направленное на идентификацию ключевых критериев (факторов) выбора места жительства. Данные собирались посредством анонимного онлайн-опроса, распространяемого через целевые рассылки. Выборка (1531 респондент) была стратифицирована по возрасту, сроку проживания, профессиональным группам и состояла из жителей Санкт-Петербурга в возрасте 18–50 лет, добровольно переехавших в город в период 2014–2024 гг. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству.

Анализ данных включал описательную статистику (средние значения, частотный анализ), корреляционный анализ (связь срока проживания и удовлетворенности, взаимозависимость объективных и субъективных факторов) и кластерный анализ (сегментирование респондентов). Контроль качества данных осуществлялся путем отсева анкет с коротким временем заполнения, проверки на согласованность ответов и исключения дублирующих IP-адресов. Ограничения исследования связаны с потенциальным смещением выборки в сторону активных пользователей Интернета, отсутствием учета мигрантов старше 50 лет и преобладанием успешных кейсов переезда.

Гипотеза пилотажного исследования предполагала больший вес субъективных факторов (атмосферы, культурной среды) по сравнению с объективными (доходами, жильем) при принятии решения о переезде, а также корреляцию удовлетворенности с продолжительностью проживания.

Результаты исследования. *Анализ методик рейтингов качества жизни* показал неоднородность подходов к определению отношения резидентов к территории. Отсутствие унифицированных источников данных и стандартов оценки приводит к вариативности критериев и методик в различных исследовательских организациях, которые, как правило, ориентируются на стандарты международных рейтинговых агентств. Большинство международных рейтингов основано на объективной информации (демографические показатели ООН, индексы развития человеческого потенциала), реже – на сочетании объективных и субъективных оценок. Они предоставляют обобщенную и условную картину, т. е. использование только объективных показателей для анализа динамики качества жизни имеет недостатки.

Ранжирование рейтингов показало ограниченное использование комбинаций субъективных и объективных показателей, особенно в глобальных рейтингах, что обусловлено сложностью проведения масштабных социологических исследований. Однако для оценки отношения резидентов к территории более информативными являются национальные или региональные исследования с преобладанием субъективных критериев.

Факторный анализ выявил различия в использовании количественных и качественных данных, а также в соотношении субъективных и объективных критериев оценки качества жизни в различных рейтингах, подтвердив, что не все рейтинги полно отражают отношение резидентов к территории.

На основе анализа данных были выявлены ключевые закономерности: для молодежи приоритетны карьерные возможности, культурная жизнь и цифровая инфраструктура; для семей – безопасность, качество школ и экология; для предпринимателей – налоговые условия и логистика. Эти выводы подтверждены результатами опроса среди внутренних мигрантов, где были выделены приоритеты различных социально-демографических групп.

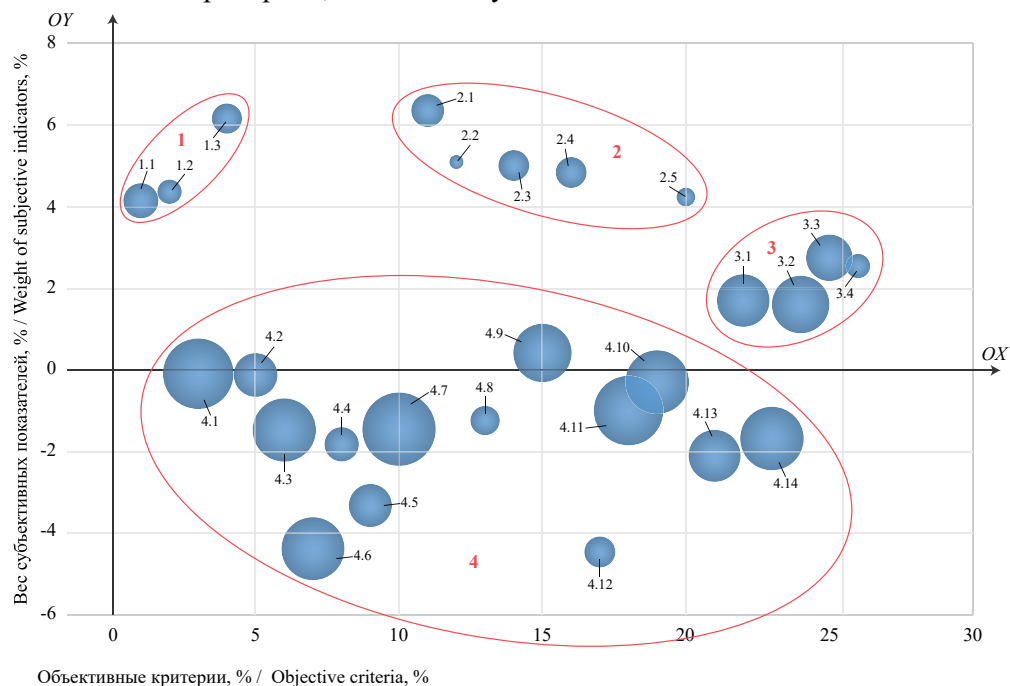
Методологические различия в оценке качества жизни в России и за рубежом выявляют существенные расхождения в приоритетах и используемых показателях. Так, в российских рейтингах преобладают социально-экономические факторы: жилищные условия (22 % весового коэффициента), уровень доходов населения (18) и развитие локальной инфраструктуры (14); в международных же используются показатели, отражающие качество жизни в более широком контексте, включая такие аспекты, как уровень гражданских свобод (13), состояние окружающей среды (11) и степень глобальной интеграции (8 %).

Кластеризация факторов привлекательности территории. На рисунке представлена кластеризация ключевых факторов, определяющих привлекательность территории для резидентов, которая выполнена методом k -means ($k = 4$) на основе стандартизованных данных (z -score). Выделены четыре устойчивых кластера (1 – перцепционно-поведенческий; 2 – социально-экологический (часть сбалансированной группы); 3 – социально-инфраструктурный (часть сбалансированной группы); 4 – экономико-инфраструктурный), различающиеся по удельному весу объективных и субъективных компонентов, а также по функциональной значимости в восприятии качества жизни на территории.

Качество кластеризации подтверждено следующими метриками: индекс силуэта составил 0,61 (что указывает на хорошее разделение кластеров),

ANOVA-тест показал статистическую значимость различий между кластерами ($p < 0,001$), внутрикластерная дисперсия не превышает 15 % (что свидетельствует о высокой однородности групп). Размер маркеров отражает факторные нагрузки соответствующих показателей (в диапазоне 0,6–0,9), характеризующие их информативность в рамках проведенного анализа. Ось OX – доля объективных критериев, OY – доля субъективных показателей.

Р и с у н о к. Соотношение объективных и субъективных компонентов показателей привлекательности территории (результаты кластерного анализа). 1. Перцепционно-поведенческий кластер: 1.1 – уровень уличной преступности, 1.2 – качество школьного образования, 1.3 – стоимость жилья; 2. Социально-экологический кластер: 2.1 – ВВП на душу населения, 2.2 – ожидаемая продолжительность жизни, 2.3 – доступность медицинских услуг, 2.4 – уровень безработицы, 2.5 – развитость общественного транспорта; 3. Социально-инфраструктурный кластер: 3.1 – качество дорожного покрытия, 3.2 – доля зеленых насаждений, 3.3 – средняя заработная плата, 3.4 – стоимость коммунальных услуг; 4. Экономико-инфраструктурный кластер: 4.1 – экологическая безопасность, 4.2 – количество вузов в топ-500, 4.3 – культурное разнообразие, 4.4 – климатические условия, 4.5 – возможность досуга, 4.6 – скорость подключения к электросетям, 4.7 – условия для стартапов, 4.8 – доступность культурных объектов, 4.9 – доступность детских садов, 4.10 – удовлетворенность жизнью (опросы), 4.11 – налоговая нагрузка на бизнес, 4.12 – репутация города/региона, 4.13 – среднее время проезда на работу, 4.14 – политическая стабильность.

Figure. The ratio of objective and subjective components of the territory attractiveness indicators (results of cluster analysis). 1. Perceptual-behavioral cluster: 1.1 – street crime rate, 1.2 – quality of school education, 1.3 – cost of housing; 2. Social-ecological cluster: 2.1 – GDP per capita, 2.2 – life expectancy, 2.3 – availability of health services, 2.4 – unemployment rate, 2.5 – development of public transport; 3. Social and infrastructure cluster: 3.1 – quality of road surface, 3.2 – share of green spaces, 3.3 – average salary, 3.4 – cost of utilities; 4. Economic and infrastructure cluster: 4.1 – environmental safety, 4.2 – number of universities in the top 500, 4.3 – cultural diversity, 4.4 – climate conditions, 4.5 – leisure opportunities, 4.6 – connection speed to power grids, 4.7 – conditions for start-ups, 4.8 – accessibility of cultural facilities, 4.9 – accessibility of kindergartens, 4.10 – life satisfaction (surveys), 4.11 – tax burden on business, 4.12 – reputation of the city/region, 4.13 average travel time to work, 4.14 – political stability.

Выделенные четыре кластера можно условно разделить на группы по характеру показателей. Перцепционно-поведенческая (кластер 1) объединяет показатели, в основном формируемые субъективными оценками. Отличается преобладанием субъективных компонентов (60 – 75 %) и высокой корреляцией между переменными ($r = 0,72 - 0,85$). Объясняет 20 % общей дисперсии и отражает восприятие и поведенческие установки резидентов, важные при формировании бренда территории и ее имиджа.

Социально-экологическая группа (кластеры 2, 3) содержит смешанные показатели. Соотношение объективных и субъективных компонентов сбалансировано (45–55 и 40–50 % соответственно). Вносит наибольший вклад в объясненную дисперсию – 38 %, что говорит о ее центральной роли в комплексной оценке качества жизни.

Экономико-инфраструктурная группа (кластер 4) включает показатели, преимущественно основанные на объективных данных. Характеризуется высоким весом объективных критериев (65–85 %) и минимальной зависимостью от субъективных мнений. Объясняет 42 % общей дисперсии и отражает материально-экономические аспекты привлекательности региона. Показатели этой группы играют ключевую роль в оценке жизнеспособности и конкурентоспособности региона, особенно с точки зрения инвесторов, бизнеса и государственных структур, т. е. ориентированы на внешних стейкхолдеров.

На графике также присутствуют критерии с отрицательными значениями на обоих осях (например, климатические условия, скорость подключения к электросетям, условия для стартапов и т. д.). Это означает, что некоторые методики имеют низкий вес как по объективным, так и по субъективным показателям, возможно, из-за ограниченного использования или недостаточной информативности.

Анализ результатов опроса. Для 68 % опрошенных (1041 чел.) наиболее важной информацией при выборе города для жизни являлись отзывы на медиа-площадках (отражающие именно субъективное мнение жителей), наименее интересной – рейтинги и официальная статистика. Средняя оценка качества жизни мигрантов составила 3,5 балла (по пятибалльной шкале, где 1 балл соответствует оценке «полностью неудовлетворительно», 3 – «удовлетворительно», 5 баллов – «полностью удовлетворительно»). Из всех опрошенных только 12 человек (0,78 %) высказали некоторые сожаления о смене локации. При этом социально-демографические характеристики этих респондентов показали отсутствие определенной рабочей специальности (категория «нет») и стабильной работы в предыдущем месте их проживания (оценка «безработный» или «временная занятость»).

Полученные данные указывают на существенную роль субъективных оценок в комплексном анализе качества жизни. Показатели (удовлетворенность жизнью и репутация города) демонстрируют высокую субъективную, но низкую объективную оценку, что подтверждает необходимость учета мнений населения в подобных исследованиях.

Обсуждение и заключение. Конструирование бренда территории опирается не только на создание положительного имиджа, но и на формирование привлекательности для жизни и долгосрочной привязанности граждан к определенной местности. Важным компонентом при этом является качество жизни населения

региона, которое соотносится с ожиданием некоего уровня доступности жилья, развития инфраструктуры, медицинских и образовательных услуг, возможностей рекреативной сферы и форм социального взаимодействия.

Исследование факторов территориальной привлекательности выявило их структуру и вариативность в зависимости от целевой группы и типа территории. Привлекательность определяется тремя группами факторов: объективными (50–60 % влияния), включающими в себя экономические условия (доходы, занятость, стоимость жилья), социальную инфраструктуру (медицина, образование, транспорт) и экологическую безопасность; субъективными (30–40 % влияния) – культурной средой, репутацией территории и личными впечатлениями; и управленческими (10–20 % влияния) – качеством государственных услуг, прозрачностью управления и условиями для бизнеса.

Таким образом, территориальная привлекательность представляет собой комплексный показатель, требующий учета специфики целевых групп, сочетания глобальных стандартов и локальных приоритетов, а также постоянного мониторинга изменений в запросах резидентов.

Признаками привлекательности бренда территории для резидентов выступают стабильность, демонстрация успешности развития и благополучие территории. При этом критерии оценки показателей варьируются в зависимости от региона и целевой группы. Например, как было показано выше, для молодежи приоритетными факторами являются карьерные возможности и культурная жизнь, тогда как для семей – безопасность и экология. Эти различия должны быть учтены при разработке программ улучшения качества жизни и продвижения территориального бренда.

Для повышения привлекательности городов рекомендуется фокусироваться на культурном брендинге и цифровизации, используя комбинацию Mercer и локальных индексов; регионов – развивать социальную инфраструктуру, мониторинга РИА Рейтинг и адаптированные показатели ОЭСР; стран – работать с глобальными индексами и репутационными показателями.

Российские и международные рейтинги демонстрируют методологические различия: отечественные (РИА Рейтинг, Агентство стратегических инициатив, Минстрой) акцентируют внимание на доступности жилья и локальной инфраструктуре, международные (Mercer, EIU) – на глобальной конкурентоспособности, субъективных оценках и репутационных аспектах.

Большинство существующих рейтингов и индексов качества жизни имеет доминирующую ориентацию на объективные данные, что ограничивает их применимость при изучении мнения резидентов. Вместе с тем именно субъективные оценки – уровень удовлетворенности жизнью, восприятие безопасности, репутация региона – играют ключевую роль в формировании идентичности территории и долгосрочной привязанности к ней населения. Это подчеркивает необходимость более широкого использования субъективных метрик в практике регионального управления и брендинга.

Результаты исследования могут быть полезны на практике для:

1) формирования стратегий регионального развития. Полученные данные позволяют органам государственной и местной власти разрабатывать более точные и эффективные стратегии устойчивого развития регионов. В частности, включение

субъективных оценок качества жизни поможет учитывать реальные ощущения жителей, что важно при реализации программ урбанизации, благоустройства и социальной поддержки;

2) разработки локальных индексов качества жизни. На основе выделенных факторов можно создать и региональные, и муниципальные индексы привлекательности, адаптированные под конкретные территории. Такие инструменты дадут возможность не только отслеживать динамику изменений, но и сопоставлять эффективность управленческих решений в разрезе различных муниципалитетов;

3) продвижения территориального бренда, а именно при подготовке стратегий территориального брендинга, ориентированных на реальных и потенциальных резидентов;

4) аналитики, мониторинга и прогнозирования миграционных процессов, поскольку привлекательность территории прямо связана с демографической динамикой. Это актуально для регионов с низкой миграционной привлекательностью, где необходимо формировать комплексные программы удержания и привлечения населения.

Статья представляет интерес для сотрудников властных структур, ответственных за развитие территорий и формирование стратегий устойчивого развития; специалистов в области территориального маркетинга и брендинга, занимающихся продвижением городов и регионов; ученых и исследователей, работающих в области региональной экономики, урбанистики и социальной политики; экспертов в сфере качества жизни и устойчивого развития, использующих индексы и рейтинги в аналитической деятельности; представителей бизнеса, интересующихся факторами территориальной привлекательности при выборе локаций для инвестиций.

Перспективные направления исследования предполагают использование Big Data для динамического анализа удовлетворенности, развитие нематериальных активов (культурного разнообразия, уровня доверия в обществе, гражданского участия и чувства принадлежности к территории) и персонализацию рейтингов.

Применение методов анализа больших данных и социальных медиа позволит отслеживать изменения в восприятии территорий и формировать динамические индексы удовлетворенности. Дифференциация факторов привлекательности в соответствии с социальными группами (молодежь, пожилые, предприниматели, работники сферы услуг и т. д.) способствует созданию персонализированных рейтингов, учитывающих специфику запросов разных категорий населения.

Кроме того, перспективной выглядит возможность межстранового сравнения факторов привлекательности для понимания универсальных и уникальных черт в восприятии территорий в разных странах и культурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Del Barrio-García S., Prados-Peña M.B. Do Brand Authenticity and Brand Credibility Facilitate Brand Equity? The Case of Heritage Destination Brand Extension. *Journal of Destination Marketing and Management*. 2019;(13):10–23. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2019.05.002>
2. Santos G.E. de O., Giraldi J. de M.E. Reciprocal Effect of Tourist Destinations on the Strength of National Tourism Brands. *Tourism Management*. 2017;(61):443–450. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2017.03.011>
3. Su L., Huang Y., Hsu M. Unraveling the Impact of Destination Reputation on Place Attachment and Behavior Outcomes Among Chinese Urban Tourists. *Journal of Hospitality and Tourism Insights*. 2018;1(4):290–308. <https://doi.org/10.1108/JHTI-11-2017-0026>

4. Micera R., Crispino R. Destination Web Reputation as “Smart Tool” for Image Building: the Case Analysis of Naples City-Destination. *International Journal of Tourism Cities*. 2017;3(4):406–423. <https://doi.org/10.1108/IJTC-11-2016-0048>
5. Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Березка С.М. Маркетинг малых городов как фактор устойчивого развития региона. *Маркетинг в России и за рубежом*. 2018;(1):63–73. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/92622818/> (дата обращения: 17.11.2024).
6. Бухер С. Конкурентоспособность России на глобальном туристическом рынке. *Экономика региона*. 2016;1(1):240–250. URL: <https://economyofregion.ru/wp-content/uploads/2020/09/18ibuher.pdf> (дата обращения: 17.11.2024).
7. Kladou S., Kavaratzis M., Rigopoulou I., Salonika E. The Role of Brand Elements in Destination Branding. *Journal of Destination Marketing and Management*. 2017;6(4):426–435. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2016.06.011>
8. Belabas W. Glamour or Sham? Residents’ Perceptions of City Branding in a Superdiverse City: The Case of Rotterdam. *Cities*. 2023;(137):104323. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2023.104323>
9. Ripoll Gonzalez L., Gale F. Combining Participatory Action Research with Sociological Intervention to Investigate Participatory Place Branding. *Qualitative Market Research*. 2020;23(1):199–216. <https://doi.org/10.1108/QMR-02-2018-0028>
10. Zenker S., Braun E., Petersen S. Branding the Destination Versus the Place: The Effects of Brand Complexity and Identification for Residents and Visitors. *Tourism Management*. 2017;(58):15–27. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2016.10.008>
11. Gilboa S., Jaffe E. Can one Brand Fit All? Segmenting City Residents for Place Branding. *Cities*. 2021;(116):103287. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103287>
12. Insch A., Walters T. Challenging Assumptions About Residents’ Engagement with Place Branding. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2018;(14):152–162. <https://doi.org/10.1057/s41254-017-0067-5>
13. Alexander M., Hamilton K. Recapturing Place Identification Through Community Heritage Marketing. *European Journal of Marketing*. 2016;50(7/8):1118–1136. <https://doi.org/10.1108/EJM-05-2013-0235>
14. Кулибанова В.В., Тэор Т.Р. Выявление важнейших групп стейкхолдеров для целей реализации политики территориального брендинга в Санкт-Петербурге. *Балтийский регион*. 2017;9(3):128–149. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-3-7>
15. Zenker S., Braun E. Questioning a “One Size Fits All” City Brand: Developing a Branded House Strategy for Place Brand Management. *Journal of Place Management and Development*. 2017;10(3):270–287. <https://doi.org/10.1108/JPM-04-2016-0018>
16. Neto A.Q., Dimmock K., Lohmann G., Scott N. Destination Competitiveness: How does Travel Experience Influence Choice? *Current Issues in Tourism*. 2020;23(13):1673–1687. <https://doi.org/10.1080/13683500.2019.1641070>
17. Strandberg C., Styvén Ek M. The Multidimensionality of Place Identity: A Systematic Concept Analysis and Framework of Place-Related Identity Elements. *Journal of Environmental Psychology*. 2024;(95):102257. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2024.102257>
18. Strandberg C., Ek Styvén M. An Image Worth a Thousand Words? Expressions of Stakeholder Identity Perspectives in Place Image Descriptions. *Journal of Place Management and Development*. 2021;14(3):315–330. <https://doi.org/10.1108/JPM-07-2019-0059>
19. Isa M.I., Marzbali H.M., Saad S.N. Mediating Role of Place Identity in the Relationship between Place Quality and User Satisfaction in Waterfronts: A Case Study of Penang, Malaysia. *Journal of Place Management and Development*. 2022;15(2):130–148. <https://doi.org/10.1108/JPM-08-2020-0083>
20. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Методический подход и алгоритм анализа пространственного развития в контексте конкурентной привлекательности и устойчивости регионов. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2020;(2/3):103–114. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44835023>
21. Murayama T., Brown G., Hallak R., Matsuoka K. Tourism Destination Competitiveness: Analysis and Strategy of the Miyagi Zaō Mountains Area, Japan. *Sustainability*. 2022;14(15):9124. <https://doi.org/10.3390/su14159124>

22. Chen J., Wu J., Wang D., Stantic B. Beyond Static Rankings: A Tourist Experience-Driven Approach to Measure Destination Competitiveness. *Tourism Management*. 2025;106:105022. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2024.105022>
23. Sutriadi R., Safriyani A.A., Ramadhan A. Discussing Cities and Regencies in the Context of Regional Rating System. Promoting Communication, Reaching Sustainable Growth. *Procedia Environmental Sciences*. 2015;(28):166–175. <https://doi.org/10.1016/j.proenv.2015.07.023>
24. Lopes A.P.F., Muñoz M.M., Alarcón-Urbistondo P. Regional Tourism Competitiveness using the PROMETHEE Approach. *Annals of Tourism Research*. 2018;(73):1–13. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2018.07.003>
25. Ляховенко О.И. Национальный рейтинг качества жизни в России: проблемы концептуализации и методики формирования (политологический анализ). *Теории и проблемы политических исследований*. 2022;11(1А):77–91. https://elibrary.ru/download/elibrary_48613880_88369271.pdf

REFERENCES

1. Del Barrio-García S., Prados-Peña M.B. Do Brand Authenticity and Brand Credibility Facilitate Brand Equity? The Case of Heritage Destination Brand Extension. *Journal of Destination Marketing and Management*. 2019;(13):10–23. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2019.05.002>
2. Santos G.E. de O., Giraldi J. de M.E. Reciprocal Effect of Tourist Destinations on the Strength of National Tourism Brands. *Tourism Management*. 2017;(61):443–450. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2017.03.011>
3. Su L., Huang Y., Hsu M. Unraveling the Impact of Destination Reputation on Place Attachment and Behavior Outcomes among Chinese Urban Tourists. *Journal of Hospitality and Tourism Insights*. 2018;1(4):290–308. <https://doi.org/10.1108/JHTI-11-2017-0026>
4. Micera R., Crispino R. Destination Web Reputation as “Smart Tool” for Image Building: the Case Analysis of Naples City-Destination. *International Journal of Tourism Cities*. 2017;3(4):406–423. <https://doi.org/10.1108/IJTC-11-2016-0048>
5. Sheresheva M.Y., Oborin M.S., Berezka S.M. Marketing of Small Towns as a Factor of Region Development. *Journal of Marketing in Russia and Abroad*. 2018;(1):63–73. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/92622818/> (accessed 17.11.2024).
6. Bucher S. Competitiveness of the Russian Federation in the Global Tourism Market. *Economy of Region*. 2016;12(1):240–250. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://economyofregion.ru/wp-content/uploads/2020/09/18ibuher.pdf> (accessed 17.11.2024).
7. Kladou S., Kavaratzis M., Rigopoulou I., Salonika E. The Role of Brand Elements in Destination Branding. *Journal of Destination Marketing and Management*. 2017;6(4):426–435. <https://doi.org/10.1016/j.jdmm.2016.06.011>
8. Belabas W. Glamour or Sham? Residents’ Perceptions of City Branding in a Superdiverse City: The Case of Rotterdam. *Cities*. 2023;(137):104323. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2023.104323>
9. Ripoll Gonzalez L., Gale F. Combining Participatory Action Research with Sociological Intervention to Investigate Participatory Place Branding. *Qualitative Market Research: An International Journal*. 2020;23(1):199–216. <https://doi.org/10.1108/QMR-02-2018-0028>
10. Zenker S., Braun E., Petersen S. Branding the Destination Versus the Place: The Effects of Brand Complexity and Identification for Residents and Visitors. *Tourism Management*. 2017;(58):15–27. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2016.10.008>
11. Gilboa S., Jaffe E. Can one Brand Fit All? Segmenting City Residents for Place Branding. *Cities*. 2021;(116):103287. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2021.103287>
12. Insch A., Walters T. Challenging Assumptions about Residents’ Engagement with Place Branding. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2018;14(3):152–162. <https://doi.org/10.1057/s41254-017-0067-5>
13. Alexander M., Hamilton K. Recapturing Place Identification Through Community Heritage Marketing. *European Journal of Marketing*. 2016;50(7/8):1118–1136. <https://doi.org/10.1108/EJM-05-2013-0235>
14. Kulibanova V.V., Teor T.R. Identifying Key Stakeholder Groups for Implementing a Place Branding Policy in Saint Petersburg. *Baltic Region*. 2017;9(3):128–149. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-3-7>

15. Zenker S., Braun E. Questioning a “One Size Fits All” City Brand: Developing a Branded House Strategy for Place Brand Management. *Journal of Place Management and Development*. 2017;10(3):270–287. <https://doi.org/10.1108/JPM-D-04-2016-0018>
16. Neto A.Q., Dimmock K., Lohmann G., Scott N. Destination Competitiveness: How does Travel Experience Influence Choice? *Current Issues in Tourism*. 2020;23(13):1673–1687. <https://doi.org/10.1080/13683500.2019.1641070>
17. Strandberg C., Ek Styvén M. The Multidimensionality of Place Identity: A Systematic Concept Analysis and Framework of Place-Related Identity Elements. *Journal of Environmental Psychology*. 2024;(95):102257. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2024.102257>
18. Strandberg C., Ek Styvén M. An Image Worth a Thousand Words? Expressions of Stakeholder Identity Perspectives in Place Image Descriptions. *Journal of Place Management and Development*. 2021;14(3):315–330. <https://doi.org/10.1108/JPM-D-07-2019-0059>
19. Isa M.I., Marzbali H.M., Saad S.N. Mediating Role of Place Identity in the Relationship between Place Quality and User Satisfaction in Waterfronts: A Case Study of Penang, Malaysia. *Journal of Place Management and Development*. 2022;15(2):130–148. <https://doi.org/10.1108/JPM-D-08-2020-0083>
20. Grinchel B.M., Nazarova E.A. Methodological Approach and an Algorithm for Analysing Spatial Development by the Context of Regions’ Competitive Attractiveness and Sustainability. *Economics of the North-West: problems and prospects of development*. 2020;(2/3):103–114. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44835023>
21. Murayama T., Brown G., Hallak R., Matsuoka K. Tourism Destination Competitiveness: Analysis and Strategy of the Miyagi Zaō Mountains Area, Japan. *Sustainability*. 2022;14(15):9124. <https://doi.org/10.3390/su14159124>
22. Chen J., Wu J., Wang D., Stantic B. Beyond Static Rankings: A Tourist Experience-Driven Approach to Measure Destination Competitiveness. *Tourism Management*. 2025;(106):105022. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2024.105022>
23. Sutriadi R., Safrianty A.A., Ramadhan A. Discussing Cities and Regencies in the Context of Regional Rating System. Promoting Communication, Reaching Sustainable Growth. *Procedia Environmental Sciences*. 2015;(28):166–175. <https://doi.org/10.1016/j.proenv.2015.07.023>
24. Lopes A.P.F., Muñoz M.M., Alarcón-Urbistondo P. Regional Tourism Competitiveness using the PROMETHEE Approach. *Annals of Tourism Research*. 2018;(73):1–13. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2018.07.003>
25. Lyakhovenko O.I. National Rating of Quality of Life in Russia: Problem of Conceptualization and Formation Methods (Political Analysis). *Theories and Problems of Political Studies*. 2022;11(1A):77–91. (In Russ., abstract in Eng.) https://elibrary.ru/download/elibrary_48613880_88369271.pdf

Об авторах:

Кулибанова Валерия Вадимовна, доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник Лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38); профессор кафедры прикладной экономики Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (197022, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5, литера Ф), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, Researcher ID: S-8919-2016, Scopus ID: 57205616223, SPIN-код: 8713-1356, valerykul@mail.ru

Тэор Татьяна Робертовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (197022, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5, литера Ф), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9932-2792>, Researcher ID: AAT-6216-2020, Scopus ID: 57205614129, SPIN-код: 3651-6550, tattitt@gmail.com

Ильина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (197022, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5, литера Ф), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0965-4612>, Scopus ID: 57208472685, SPIN-код: 9767-3348, inka4@yandex.ru

Вклад авторов:

В. В. Кулибанова – формулирование целей и задач исследования; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; разработка методологии исследования; подготовка рукописи.

Т. Р. Тэор – разработка методологии исследования; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений.

И. А. Ильина – сбор данных; применение статистических методов для анализа данных; создание моделей; визуализация результатов исследования; подготовка рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 10.04.2025; одобрена после рецензирования 17.05.2025; принята к публикации 26.05.2025.

About the authors:

Valeriia V. Kulibanova, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory for Complex Research of Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Problems of the Russian Academy of Sciences (38 Serpukhovskaya St., St. Petersburg 190013, Russian Federation); Professor of the Chair of Applied Economics, Saint Petersburg State Electrotechnical University “LETI” (5 Lit. F Prof. Popov St., St. Petersburg 197022, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, Researcher ID: S-8919-2016, Scopus ID: 57205616223, SPIN-code: 8713-1356, valerykul@mail.ru

Tatiana R. Teor, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor of the Chair of Public Relations, Faculty of Humanities, Saint Petersburg State Electrotechnical University “LETI” (5 Lit. F Prof. Popov St., St. Petersburg 197022, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9932-2792>, Researcher ID: AAT-6216-2020, Scopus ID: 57205614129, SPIN-code: 3651-6550, ttattitt@gmail.com

Irina A. Ilyina, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Chair of Public Relations, Faculty of Humanities, Saint Petersburg State Electrotechnical University “LETI” (5 Lit. F Prof. Popov St., St. Petersburg 197022, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0965-4612>, Scopus ID: 57208472685, SPIN-code: 9767-3348, inka4@yandex.ru

Contribution of the authors:

V. V. Kulibanova – formulation of overarching research goals and aims; oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution; development of methodology; preparation of the published work.

T. R. Teor – development of methodology; creation and presentation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision.

I. A. Ilyina – data collection and application of statistical formal techniques to analyses data; creation of models; analyses and visualization of obtained results; preparation of the published work.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 10.04.2025; revised 17.05.2025; accepted 26.05.2025.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.443-467>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/spoxar>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 172.15:303.425.2 (470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Состояние и перспективы политики патриотического воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России

О. В. Бахлова ✉

И. В. Бахлов

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)
✉ olga.bahlova@mail.ru*

Аннотация

Введение. В современных условиях политика патриотического воспитания в Союзном государстве Беларуси и России обретает ключевое значение для укрепления интеграционных процессов на базе общих ценностей. Цель исследования – систематизация достижений и уязвимостей в реализации данной политики с учетом совокупности внутренних и внешних факторов.

Материалы и методы. Исследование опирается на официальные нормативные документы Российской Федерации и Республики Беларусь, а также интеграционные акты (включая Договор о создании Союзного государства 1999 г.), материалы портала Союзного государства (2020–2024 гг.) и результаты экспертного опроса ($n = 20$). Применены методы: системный многоуровневый и сравнительный анализ, качественный анализ документов, SWOT-анализ. Теоретическая база включает аксиологический, программно-целевой и неофедералистский подходы.

Результаты исследования. Выявлены сильные (нормативное закрепление ценностей, высокая социальная поддержка патриотизма и др.) и слабые (отсутствие профильных законов, низкая имплементация проектов в интеграционное поле и др.) стороны. Определены возможности (патриотический туризм, активизация общественных инициатив и др.) и угрозы (геополитическая экспансия Запада, деструктивное информационное воздействие и др.).

Обсуждение и заключение. Разработаны три сценария эволюции политики патриотического воспитания в рамках Союзного государства: 1) оптимистический (федерализация Союзного государства, интеграция воспитательных программ); 2) пессимистический (суверенизация, деградация взаимодействия); 3) базовый (институционализация на союзном уровне без кардинальных изменений). Базовым признан сценарий углубления институционализации политики патриотического воспитания на союзном уровне. Сценарий утверждения политики патриотического воспитания в качестве одного из магистральных направлений союзного строительства, увязываемый с федерализацией, расположен в оптимистическом спектре; суверенизации политики патриотического воспитания,

© Бахлова О. В., Бахлов И. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

предполагающий деградацию интеграционного взаимодействия, – в пессимистическом. Реализация того или иного сценария сопрягается с возможными внутривнутриполитическими и интеграционными изменениями. Результаты исследования могут быть востребованы национальными и союзными органами власти и управления для совершенствования интеграционной политики, гуманитарного измерения союзного строительства, политики патриотического воспитания.

Ключевые слова: вызовы и возможности для российско-белорусской интеграции, институт союзного гражданства, конституирование политики патриотического воспитания Союзного государства, нормативное закрепление концепта «патриотизм», общественно-политическая поддержка союзного строительства, программы патриотического воспитания

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00371 (<https://rscf.ru/project/23-28-00371/>).

Для цитирования: Бахлова О.В., Бахлов И.В. Состояние и перспективы политики патриотического воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России. *Регионология*. 2025;33(3):443–467. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.443-467>

The State and Prospects of Patriotic Education Policy within the Union State of Belarus and Russia

O. V. Bakhlova ✉ I. V. Bakhlov
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russian Federation)
✉ olga.bahlova@mail.ru

Abstract

Introduction. The policy of patriotic education in modern conditions acquires a special meaning and significance for Russia and Belarus, the Union State as an integration association based on common values. It is interpreted as multidimensional, embodying the guidelines of national development and union building. The purpose of the study is to summarize and detail the positive results and remaining vulnerabilities in the approval of the policy of patriotic education in the Union State, taking into account a combination of internal and external factors.

Materials and Methods. The research is based on official documents of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the field of patriotic education, materials from the Internet resources of the Union State, documents of an integration nature, and the results of an expert survey. The main methods are system multilevel analysis, comparative analysis, qualitative analysis of documents, and SWOT analysis.

Results. A range of brief analytical scenarios of the evolution of the policy of patriotic education within the framework of the Union State is presented. The key elements of the evolution of the policy of patriotic education at the national and union levels are shown. The SWOT analysis parameters in internal and external dimensions are highlighted, and strengths and weaknesses in the considered perspective are determined for each of them. Opportunities and threats have been identified and ranked. The risks correlating with manipulations of nationalist sentiments, deformations in the fields of education, culture, youth policy, scientific and technological development, in political systems, with the difficulties of rooting the idea of a “common Motherland”, and the weakness of integration tools are emphasized.

Discussion and Conclusion. Several scenarios for the development of the policy of patriotic education in the Union State have been formed. The scenario of deepening the institutionalization of the policy of patriotic education at the union level is recognized as the basic one. The optimistic spectrum includes the scenario of the approval of the policy of patriotic education as one of the main directions of union building, linked to federalization. In the pessimistic sense, the sovereignization of the policy of patriotic education presupposes the degradation of integration interaction. The circumstances of the current stage determine its interpretation as unlikely. The implementation of one scenario or another is associated with possible internal political and integration changes. The results of the study may be in demand by national and union authorities and administrations to improve integration policy, the humanitarian dimension of union building, and the policy of patriotic education.

Keywords: challenges and opportunities for Russian-Belarusian integration, institution of union citizenship, constitution of the policy of patriotic education of the Union State, normative consolidation of the concept of “patriotism”, socio-political support for union construction, patriotic education programs

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This work was financially supported by the Russian Science Foundation, Grant No. 23-28-00371 (<https://rscf.ru/project/23-28-00371/>).

For citation: Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. The State and Prospects of Patriotic Education Policy within the Union State of Belarus and Russia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(3):443–467. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.443-467>

Введение. Формирование и эволюция политики патриотического воспитания на территории Союзного государства (СГ) Беларуси и России – процесс многоуровневый и неоднозначный, опосредованный влиянием внутренних и внешних факторов и событий. Степень ее автономности и институционализации во внутригосударственной плоскости повышалась вследствие реагирования власти как на традиционные, хотя и меняющие свои суть и масштаб вызовы и угрозы, так и на абсолютно новые, порожденные ситуацией глобальной турбулентности и кризисными проявлениями в политической, социально-экономической, духовно-культурной сферах. Содержание, темпы и направленность конституирования рассматриваемой политики в странах – участницах СГ, ее нормативного закрепления близки по отдельным моментам, например в части внедрения программно-целевого метода, но имеют и серьезные различия.

В Российской Федерации ключевые параметры политики патриотического воспитания стали вырисовываться начиная с 2001 г., когда была принята первая соответствующая программа, в которой говорилось о необходимости единой государственной политики в данной области¹. Проанализировав наполнение всех аналогичных программ (на 2001–2005, 2006–2010, 2011–2015, 2016–2020 гг.), можно выявить некоторые тенденции. В частности, проявилась четкая фиксация главных адресатов (с концентрацией на молодежи). Одновременно – ориентация на «...все социальные слои и возрастные группы граждан России» (программа на 2001–2005 гг.) / «...все социальные слои и возрастные группы граждан при сохранении приоритета патриотического воспитания детей и молодежи» (программа на 2016–2020 гг.)². Показательны повышение внимания к роли институтов гражданского общества и семьи, новые смысловые акценты (на информационной и спортивной составляющих, российской гражданской идентичности, волонтерстве, внешнем факторе – ссылки на сложные условия экономического и геополитического соперничества).

Новаии относительно недавнего времени – включение патриотического воспитания в систему национальных проектов РФ и его увязка с национальными целями развития. Одна из подобных целей подразумевает воспитание патриотичной и социально ответственной личности в тесной связи с традиционными российскими духовно-нравственными и культурно-историческими ценностями³.

¹ О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 16.02.2001 г. № 122. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781482> (дата обращения: 12.10.2024).

² О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 30.12.2015 г. № 1493. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420327349> (дата обращения: 12.10.2024).

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2024 г. № 309. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 12.10.2024).

В Белоруссии достаточно долго применялся несколько иной подход: патриотическое воспитание, будучи одним из приоритетов политики государства, охватывалось несколькими программами в сфере воспитания⁴, а также рядом государственных программ по другим направлениям (образования и молодежной политики, культуры и др.). Характерно сопряжение с исторической политикой⁵. При этом налицо сходство с РФ – в части включения федеральных целевых и государственных программ, касающихся патриотического воспитания (в сфере развития туризма и др.).

«Специальная» программа в сфере патриотического воспитания в Белоруссии появилась лишь в начале 2020-х годов. В отличие от аналогичных российских документов в ней закреплены основополагающие термины и определения (патриот, патриотизм, патриотические ценности, Родина, Отечество); подробно раскрывается содержание выполнения задач; указано, что формирование национальной идентичности осуществляется в том числе через формирование осведомленности населения об участии в строительстве Союзного государства⁶. Внешний фактор артикулирован как один из драйверов усиления внимания к данной сфере.

Во многом совпадают позиции Белоруссии и РФ относительно роли гражданственности, семьи, исторической памяти, волонтерского движения, партнерства государства и общества. Представляется более удачным подход Республики Беларусь к трактовке индикаторов выполнения целей и задач программы (через фиксацию кумулятивного количественного показателя и параметров результативности реализации, многие из которых качественные).

Подчеркнем значительную синхронность конституционных новаций в рамках реформ 2020 и 2022 г. соответственно, когда в определенные статьи конституций стран – участниц СГ были введены положения, содержащие отсылки к патриотизму. Отметим большое количество концептуально-стратегических документов, в которых фигурируют категория «патриотизм» и производные от нее (в области национальной безопасности и др.).

На современном этапе их возрастающая востребованность очевидна на уровне всего СГ. Деструктивное внешнее воздействие ощущают на себе не только непосредственно Россия и Белоруссия, но и СГ как интеграционный проект. Здесь также прослеживается тесное сопряжение вопросов защиты и сохранения исторической памяти, обеспечения безопасности и суверенитета (в политико-идеологической, технологической, экономической, информационной областях). Поступательное развитие интеграции все более осмысливается во взаимоувязке прагматичных и аксиологических параметров, что выражено, в частности, в Декрете Высшего

⁴ Для примера: Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс]: утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 31.12.2020 г. № 312. URL: <https://adu.by/images/2023/vosp/programma-vospitaniya-2021-2025.pdf> (дата обращения: 13.10.2024).

⁵ Государственная программа «Увековечение памяти о погибших при защите Отечества» на 2021–2025 годы» [Электронный ресурс]: утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26.02.2021 г. № 117. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100117> (дата обращения: 13.10.2024).

⁶ Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы [Электронный ресурс]: утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.12.2021 г. № 773. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100773> (дата обращения: 13.10.2024).

Государственного Совета СГ от 29 января 2024 года⁷. Однако ни на внутригосударственном, ни на союзном уровнях имеющийся потенциал не реализован полностью.

Цель данного исследования – систематизация положительных результатов и сохраняющихся уязвимостей в плоскости утверждения политики патриотического воспитания в Союзном государстве с учетом совокупности внутренних и внешних факторов. Задачи: определить сильные и слабые стороны в рассматриваемом ракурсе применительно к внутренним и внешним для стран-участниц и СГ в целом факторам; выявить возможности и угрозы, актуальные на текущий момент и среднесрочную перспективу; обозначить спектр сценариев вероятной эволюции политики патриотического воспитания в рамках СГ, корреспондирующих с общими тенденциями общегосударственного и интеграционного развития РФ, Белоруссии, СГ.

Обзор литературы. Тематика патриотического воспитания в рамках СГ в научной литературе весьма востребована. При этом значительная часть публикаций ориентирована на педагогическую проблематику; достаточно много научных статей и монографий, в которых анализируются сущностные социально-политические аспекты.

Выделим исследования, посвященные формированию и эволюции государственной политики России и Республики Беларусь в сфере патриотического воспитания с акцентом на факторе исторической памяти⁸ [1–3], в том числе в ракурсе внешних событий. Подчеркиваются сопряжение указанных вопросов, их актуализация в нормативной плоскости для стран – участниц СГ.

Прослеживается акцент на идеологических аспектах рассматриваемой политики [4; 5]. Авторы рассуждают о важности закрепления четких концептуальных, идейных и идеологических основ, статусе и содержании общегосударственной идеологии, идеологической стратегии в плоскости патриотической социализации. Как и в нормативно-законодательном поле, имеется различие между трактовками российских и белорусских специалистов: первые рассуждают о гипотетических рамках легализации государственной идеологической политики, соотносимой с патриотическим воспитанием, вторые оперируют категориями ее развития, совершенствования.

В теоретико-методологическом ключе замечен исследовательский интерес к сопряжению и разграничению патриотического, гражданского и политического воспитания, понятий «патриотизм» и «гражданственность» [6; 7]. Назначение патриотических программ для разных групп населения видится в формировании устойчивой идентичности общегражданского характера [8]. В то же время проблематика патриотического воспитания нередко анализируется через призму государственной молодежной политики [9–11]. Речь идет об активности молодежных объединений патриотической направленности, их взаимодействии с институтами власти, значимости деятельностного подхода. Высказываются предостережения об опасности квазипатриотизма. Обоснованным представляется наблюдение о проявлении конфликта между политикой патриотического воспитания молодежи и политикой цифровизации, когда публичная презентация задач предполагает большую ориентацию на индивидуальные потребности [12].

⁷ Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы [Электронный ресурс]: Декрет Высшего Государственного Совета от 29.01.2024 г. № 2. URL: <https://clck.ru/3NTSnr> (дата обращения: 13.10.2024).

⁸ Захарова Э.В. Основные этапы становления патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь. *Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі*. 2022;(20):230–241.

Актуально обращение к проблемным компонентам политики патриотического воспитания. Устойчивы указания на формализм, пассивность, бюрократизм, имитационность соответствующих практик. Степень их критического осмысления различна, как и оценки декларируемых намерений и лозунгов, а также реальных результатов, вплоть до негативных, со ссылками на реанимацию государственного патриотизма [13] либо чрезмерную артикуляцию внешних событий, что якобы может привести к слепому, а не конструктивному патриотизму [14].

На другом полюсе – аргументация системной деятельности государства по созданию информационной и символической среды в корреляции с идеей Русского (Российского) мира как цивилизационной общности [15]. Белорусские исследователи в оценках более сдержанны. Упомянем о предложении внедрить оценку эффективности реализации Программы патриотического воспитания населения Республики Беларусь⁹.

В зарубежном дискурсе преобладают негативные версии интерпретации политики патриотического воспитания в РФ [16–19] и Белоруссии [20; 21]. Типичен упор на потребности режимов, власти, патриотический этатизм. Подобного рода экстраполяции предназначены и для внешнего измерения. Вместе с тем есть взвешенные суждения, когда авторы апеллируют к проводимой РФ политике «цивилизационного реализма», основанной на приверженности консервативным ценностям [22].

Наконец, в свете настоящего исследования остановимся на публикациях с «выходом» на союзный уровень конституирования политики патриотического воспитания. Им также присущ акцент на патриотических мероприятиях с участием молодежи из стран – участниц СГ¹⁰ [23]. Обосновывается необходимость осознания неразрывного национально-культурного единства белорусов с русским народом как стержня патриотического воспитания населения, создания дополнительных «...правовых скреп белорусско-российского единства» [24, с. 89, 92]. Однако конкретные пути и механизмы их практического осуществления не разъясняются.

В целом в теоретическом дискурсе наиболее изученным остается национальный уровень формирования и реализации политики патриотического воспитания. Недостаточно проработаны теоретико-методологические, нормативные и практические основания союзной политики патриотического воспитания, не систематизированы достижения и пробелы в данной области, векторы дальнейшего развития ситуации.

Материалы и методы. База материалов для исследования образована официальными документами РФ и Республики Беларусь в сфере патриотического воспитания; интеграционными актами (Договор о создании Союзного государства 1999 г. (далее – Договор)); решениями органов СГ (об основных направлениях реализации положений Договора, утверждении патриотических проектов и пр.). Также были проанализированы материалы Информационно-аналитического портала Союзного государства за период 2020–2024 гг., отобранные при помощи инструмента поискового запроса с ключевым сло-

⁹ Игнатович Е.С., Пунчик В.Н., Бондарь Ю.П. Оценка эффективности патриотического воспитания населения Республики Беларусь как квалиметрическая проблема. *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки.* 2022;(22-4):104–112.

¹⁰ Козляков В.Е. Молодежные программы Союзного государства. *Труды БГТУ. № 8. Учебно-методическая работа.* 2015;(8):31–34.

восочетанием «патриотическое воспитание»; всего – 265 публикаций в русле союзной патриотической повестки¹¹.

Для дополнительной аргументации предложенной аналитической схемы и исследовательских выводов задействовались результаты экспертного опроса, посвященного проблематике патриотического воспитания в СГ. Экспертами выступали представители научно-исследовательских структур и аналитических центров РФ и Белоруссии – по 10 специалистов из каждой страны, выбранных на основе «символов компетентности» (в первую очередь по наличию значимых публикаций по тематике патриотического воспитания и российско-белорусской интеграции в авторитетных изданиях)¹².

Все эксперты имеют ученые степени доктора или кандидата наук в области политологии, истории, социологии, военных наук. Опрос проводился в заочной форме осенью 2023 г. по 22 позициям (преимущественно закрытыми и полужакрытыми вопросами), охватывающим следующие блоки: факторы, воздействующие на состояние и результаты политики патриотического воспитания в СГ и странах-участницах; нормативно-правовое обеспечение; субъекты, направления и механизмы осуществления политики; проблемы и достижения в этой области. Кроме того, эксперты могли сформулировать предложения и рекомендации по совершенствованию политики патриотического воспитания. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству. Результаты опроса частично отражены в иных публикациях [25; 26]. В данной статье учитывались замечания и выводы экспертов о положительных и негативных характеристиках в анализируемом ракурсе.

Методы и методология настоящего исследования. Применение методов системного многоуровневого и сравнительного анализа, а также качественного анализа документов позволило представить политику патриотического воспитания в рамках СГ как сложный многосоставный феномен, разноуровневые элементы которого находятся в диалектической взаимосвязи и одновременно могут восприниматься в качестве относительно автономных (прежде всего это касается государственных политик патриотического воспитания стран); показать сходные и отличительные черты в подходах РФ и Белоруссии, общие и особенные параметры национальных и интеграционных практик в указанной плоскости; охарактеризовать содержательную сторону заявленных позиций и ориентиров на внутригосударственном и союзном уровнях.

Благодаря реализации метода SWOT-анализа с учетом прежних разработок [27] в сфере патриотического воспитания в рамках СГ во внутреннем и внешнем измерениях обозначена вероятность использования возможности / осуществления угрозы; определены потенциальные риски для стран-участниц и СГ; сформирован спектр кратких аналитических сценариев эволюции обозначенной политики в рамках СГ в рамках ситуационного подхода; на базе

¹¹ Патриотическое воспитание [Электронный ресурс]. Информационно-аналитический портал Союзного государства: сайт. URL: <https://soyuz.by/search?query=патриотическое%20воспитание&sort=date> (дата обращения: 27.12.2024).

¹² Эксперты из РФ представляли Центр белорусских исследований Института Европы Российской академии наук (РАН), Центр постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН и др. Эксперты из Белоруссии – Белорусский институт стратегических исследований, Белорусский государственный университет и др.

обнаруженных факторов выявлены наиболее, наименее правдоподобные и усредненный гипотетические варианты.

Теоретико-методологические основы составили аксиологический, системно-деятельностный и программно-целевой подходы к патриотическому воспитанию, установки которых находят отражение как в нормативном поле, так и в практиках национального и союзного уровней; неофедералистская теория интеграции с акцентом на нематериальные рычаги, включая ценности; теория коммуникаций, в фокусе которой – движение к новой коллективной идентичности внутри интегрированных «сообществ безопасности»; неофункционалистские концепции «перелива» интеграции и «перемещения лояльности» в интеграционном объединении.

Результаты исследования. С учетом эмпирических данных и материалов экспертного опроса были определены ключевые параметры SWOT-анализа во внешнем (за пределами территории СГ на региональном и глобальном уровнях) и внутреннем (внутригосударственном уровне для РФ, Белоруссии и СГ в целом) измерении СГ.

Ключевые параметры SWOT-анализа во внутреннем измерении следующие.

1. Состояние нормативной базы политики патриотического воспитания.

Выделены несколько наиболее примечательных сильных сторон (S):

(S1) в Российской Федерации и Республике Беларусь принято значительное количество нормативных правовых актов и концептуально-стратегических документов, закрепляющих главные установки в данной области (в том числе в конституциях РФ (ст. 67.1) и Белоруссии (ст. 54));

(S2) нормативные правовые акты и иные документы охватывают взаимосвязанные сферы (молодежной и культурной политики, образовательную и др.), подразумевающие ориентацию на достижение задач патриотического воспитания, что служит залогом комплексного характера решений и действий;

(S3) позиции государств в аксиологической плоскости существенно близки; во многом совпадают перечень и содержание традиционных ценностей в официальных документах; важнейшая предпосылка – сходство социокультурных характеристик стран – участниц СГ, их народов, длительность и крепость духовных уз¹³;

(S4) наметившееся усиление гуманитарного блока (человеческого измерения) в новейших концептуально-стратегических документах СГ (Декрет от 29.01.2024 г.) с упоминанием о патриотическом воспитании в рамках общего целеполагания субъектов союзного строительства;

(S5) отдельные проекты патриотической направленности, реализуемые на территории СГ (Кобринские укрепления Брестской крепости), получают статус союзных проектов с финансированием из бюджета СГ – это может рассматриваться как один из механизмов имплементации данного направления взаимодействия РФ и Белоруссии в интеграционное поле.

Названные преимущества нивелируются слабыми сторонами (W):

(W1) относительно низкой степенью законодательной институционализации политики патриотического воспитания в странах – участницах СГ: в обеих нет соответствующих профильных законов;

¹³ Примечательно, в частности, содержание выступлений лидеров на одном из заседаний Высшего Государственного Совета. См.: Заседание Высшего Государственного Совета Союзного государства [Электронный ресурс]. Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75777> (дата обращения: 11.12.2024).

(W2) отсутствием в РФ нормативного определения понятия «патриотизм», хотя оно фигурирует в официальных документах и включено в число традиционных (духовно-нравственных) ценностей;

(W3) сложностями идентификации концепта патриотизма на уровне СГ (в контексте союзного строительства, российско-белорусской интеграции) на фоне неясной политико-правовой природы СГ, закрепления в Договоре, провозглашающем цели и задачи стран-участниц, лишь некоторых ценностных начал их взаимодействия; недостаточной поддержки стратегии углубления политической интеграции, корреспондирующей с федерализацией¹⁴;

(W4) расхождениями и рассогласованиями идеологического плана: в Белоруссии основные категории в области патриотического воспитания сопрягаются с идеологией государства, закреплённой нормативно (ст. 4 Конституции), в РФ же сохраняется приверженность ограничительной трактовке ст. 13 Конституции, хотя вопрос об официальной идеологии поднимается политическими акторами; декларируемая критика неолиберализма, утверждения о кризисе соответствующей модели развития нередко накладываются на неолиберальные по сути трактовки определенных категорий (успеха, лидерства и пр.), однако здесь происходят заметные подвижки¹⁵; акцент на индивидуальных качествах противоречит ценностям, понимаемым как исторически присущие русскому народу (например, коллективизму);

(W5) низкой степенью имплементации российско-белорусских патриотических проектов и инициатив в интеграционное поле: в абсолютном большинстве они предлагаются и осуществляются в русле межгосударственных и межрегиональных связей. Среди завершённых и реализуемых программ СГ нет ни одной, которая касалась бы сферы патриотического воспитания и в целом гуманитарного измерения¹⁶.

2. Организационная структура управления сферой патриотического воспитания и состав ее участников.

К сильным сторонам можно отнести:

(S6) складывание многоуровневой структуры в РФ и Белоруссии, включающей в себя общегосударственные, региональные, местные органы, ведомства, общественные объединения (ОО), правительственные и неправительственные институты в целом; действующие совещательные, консультативные органы при общегосударственных органах обеих стран;

(S7) возвращение образовательным учреждениям РФ функции патриотического воспитания;

(S8) активность институций СГ (Государственного секретаря, Постоянного

¹⁴ Например, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко относительно недавно вновь артикулировал невозможность политического объединения РФ и Белоруссии. См.: Беларусь и Россия в силах создать такое объединение, чтобы быть еще сильнее [Электронный ресурс]. БЕЛТА: сайт. URL: <https://elck.ru/3NTqgu> (дата обращения: 19.10.2024).

¹⁵ Отметим включение пунктов о патриотическом и духовно-нравственном воспитании молодежи в соответствующий нормативный правовой акт. См.: О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.12.2020 г. № 489-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573248507> (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁶ Программы Союзного государства [Электронный ресурс]. Постоянный Комитет Союзного государства: сайт. URL: <https://посткомсг.рф/programs/> (дата обращения: 13.04.2025).

Комитета, Парламентского Собрания Союза Беларуси и России и др.) в формировании союзной патриотической повестки [28];

(S9) расширение сотрудничества общественными объединениями патриотической направленности, в том числе молодежными. Традиционно опорой российско-белорусской интеграции служат разветвленные межрегиональные связи: иницируются патриотические проекты, особенно в приграничье (в частности, в итоговых документах Форума регионов Белоруссии и России содержатся актуальные рекомендации в сфере патриотического воспитания, адресованные национальным и союзным органам). Нарастание тенденции к складыванию союзного образовательного пространства способствует усилению статусно-ролевых характеристик образовательных учреждений обеих стран.

Вместе с тем здесь есть заметные слабые стороны:

(W6) доминирование исполнительных органов; замкнутость системы на президентов, что нередко приводит к необходимости применять режим «ручного управления»; недостаточные финансовые возможности региональных и местных органов власти и управления;

(W7) политическая и финансовая слабость неправительственных институтов в обеих странах, нередко – их фактическая аффилиация с органами власти, провластный характер;

(W8) отсутствие у органов СГ полномочий в сфере патриотического воспитания, непосредственно закрепленных в учредительных документах (в самом общем виде их можно выводить из ст. 18 Договора 1999 г., однако это во многом допущение);

(W9) незначительность и невидимость статуса специальных подразделений СГ в сфере патриотического воспитания, например Комиссии по патриотическому воспитанию и культурному наследию в структуре Молодежной палаты Парламентского Собрания Союза Беларуси и России и патриотического центра СГ на базе Республиканского центра патриотического воспитания в Белоруссии.

3. Патриотический консенсус, более широко – социально-политическая поддержка идеи патриотизма в странах-участницах и СГ.

Сильные стороны:

(S10) высокие показатели патриотических настроений населения в обеих странах-участницах, что отражается в результатах соцопросов; в обеих странах выражено понимание гражданами патриотизма как «деятельного»¹⁷;

(S11) консолидация обеих элит вокруг действующих глав государств, выступающих с активной патриотической риторикой, высокий уровень доверия граждан к ним; электоральный рейтинг А. Г. Лукашенко накануне выборов 2020 г. превышал 72 %, что не гарантировало предотвращение всплеска протестов в Белоруссии; с другой стороны, в течение 2021–2022 гг. социологические исследования демонстрировали позитивную динамику, что оценивается как свидетельство

¹⁷ Алейникова С. Белорусский патриотизм – какой он? [Электронный ресурс]. БИСИ: сайт. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/belorussskiy-patriotizm-kakoy> (дата обращения: 19.10.2024) ; О современном российском патриотизме [Электронный ресурс]. ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 19.10.2024) ; Патриотизм: мониторинг [Электронный ресурс]. ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 19.10.2024) ; Патриотические ценности населения Беларуси: результаты социологического исследования [Электронный ресурс]. БЕЛТА: сайт. URL: <https://elck.ru/3NTtJA> (дата обращения: 10.10.2024).

поддержки инициированных главой государства преобразований¹⁸; показательные патриотические апелляции в разрезе электоральных процессов (слоганы «Беларусь мы не отдадим, потому что ее любим, а любимую не отдадут»; «Вместе мы сила – голосуем за Россию!»; «Россия. Путин. 2024»);

(S12) значительное сходство ключевых линий репрезентации патриотической тематики ведущими политическими силами РФ и Белоруссии; содержание высказываний представителей госорганов, политических партий и пр. концентрируется в семантических полях, связанных с категориями державности, служения Родине, ее защиты, ответственности перед страной и обществом;

(S13) продвижение в политическом сообществе СГ идей «Русского мира», «триединства русских, украинцев и белорусов», «общего Отечества» и подобных, которые могут восприниматься как принципиальная основа укоренения концепта патриотизма именно на уровне СГ [28];

(S14) наличие института гражданства СГ, призванного стимулировать осознание гражданами стран-участниц принадлежности к единому сообществу и укреплять тем самым предпосылки новой «коллективной идентичности».

Их действенность снижается за счет слабых сторон:

(W10) нерешенности внутренних проблем (бедности, межрегиональных диспропорций, коррупции и др.)¹⁹, хотя социальное расслоение в Белоруссии намного ниже, тем не менее преобладание массово-командных методов, межпоколенческий разрыв и пр.²⁰ являются важными источниками напряжения в обществе и усугубляют противоречие между «народным» и «государственным» патриотизмом;

(W11) наличия оппозиционных групп, не поддерживающих «патриотический консенсус» правящих элит («невозвращенцев», «испуганных патриотов» в РФ, «змагаров», «свидомых» в Белоруссии и пр.); которые воспринимаются преимущественно как маргинальные, но вносят ощутимые деструктивные элементы в общенациональную повестку, поскольку отношение власти к ним двойственное: в РФ их скорее «журят», иногда порицают, в Белоруссии некоторое время был востребован тренд на «беларусизацию»;

(W12) расхождений между политическими акторами по поводу содержания и характера понятия «патриотизм», что более наглядно проявляются в РФ: Коммунистическая партия критикует концепцию «буржуазного патриотизма», «Новые

¹⁸ В Беларуси растет доверие президенту, правительству и армии [Электронный ресурс]. СОЮЗ Беларусь/Россия: сайт. URL: <https://rg.ru/2022/08/29/v-belarusi-rastet-doverie-prezidentu-pravitelstvu-i-armii.html> (дата обращения: 10.10.2024) ; Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий [Электронный ресурс]. ВЦИОМ: сайт. URL: <https://clck.ru/3NTtRH> (дата обращения: 19.10.2024) ; Уровень доверия к действующему Президенту Беларуси [Электронный ресурс]. БЕЛТА: сайт. URL: <https://belta.by/infographica/view/uroven-doverija-k-dejstvujuschemu-prezidentu-belarusi-21678/> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁹ Например, Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин в декабре 2023 года указал на серьезные масштабы социального расслоения, этноконфессиональную анклавизацию и др. См.: Глава КС заявил, что социальное неравенство в РФ почти вдвое превысило критический порог [Электронный ресурс]. ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19515485> (дата обращения: 19.10.2024). С другой стороны, данные Росстата показывают снижение уровня бедности. См.: Уровень бедности в России обновил исторический минимум [Электронный ресурс]. РБК: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2024/65e854769a7947351c3e3d4d> (дата обращения: 19.10.2024).

²⁰ Сутырин В. Перестройка по-белорусски: логика системного кризиса [Электронный ресурс]. РСМД: сайт. URL: <https://clck.ru/3NTtbj> (дата обращения: 19.10.2024).

люди» (электорат – преимущественно представители молодежи, т. е. основная целевая группа в плоскости политики патриотического воспитания) нередко дистанцируются от патриотической тематики; в Белоруссии сохраняется неоднозначность трактовки «беларусизации», «Русского мира», национальной идентичности и др., а политические партии еще более слабы, чем в РФ (недавно образованную «Белую Русь» можно рассматривать как аналог российской «Единой России»);

(W13) сравнительно небольшого количества ОО, выступающих в поддержку союзного строительства, и неурегулированности их статуса; неслучайно в ходе X Форума регионов России и Белоруссии (Уфа, июнь 2023 г.) была проведена специальная дискуссия «Общественная дипломатия Союзного государства: вклад российских и белорусских общественных организаций и объединений в продвижение интеграции»²¹;

(W14) низкой степени фактической реализации института союзного гражданства и отсутствия широкой рекламы его преимуществ, недостаточно высокой поддержки гражданами двусторонней интеграции и элитами – углубления политической интеграции, что в совокупности ослабляет потенциал идеи «общего Отечества».

4. Информационное сопровождение союзного строительства, идеи патриотизма и политики патриотического воспитания.

Сильные стороны:

(S15) рост внимания средств массовой информации (СМИ) национального уровня к проблематике интеграционного взаимодействия в рамках СГ в целом, акцентирование необходимости укрепления взаимоотношений перед лицом общих вызовов и угроз, в том числе в ценностном измерении;

(S16) увеличение насыщенности патриотического контента, частоты трансляции патриотической повестки;

(S17) формирование и продвижение через информационные ресурсы СГ общей патриотической повестки, рост количества материалов патриотической направленности;

(S18) активизация тенденции к формированию общего информационного пространства СГ. Большое достижение на этом направлении – создание Медиакомпании Союзного государства²².

Слабые стороны:

(W15) недостаточное внимание влиятельных общенациональных СМИ к патриотической проблематике (в том числе в плоскости культурно-образовательных программ), упор в официальных трансляциях и ток-шоу на событийную сторону в ущерб содержательности;

(W16) злоупотребление англицизмами и иными заимствованиями из иностранных языков, даже в материалах патриотической направленности (например, в рассказах о туристических маршрутах);

(W17) недостаточная привлекательность интеграционной тематики для различных групп населения в РФ и Белоруссии, невостребованность интернет-кана-

²¹ Г. Карасин: Белорусские и российские общественные объединения должны иметь равные условия деятельности на территории Союзного государства [Электронный ресурс]. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: сайт. URL: <http://council.gov.ru/events/news/146297/> (дата обращения: 19.10.2024).

²² О создании Медиакомпании Союзного государства: Постановление от 29.01.2024 г. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3NTxpW> (дата обращения: 19.10.2024).

лов и площадок для ее распространения (небольшое количество подписчиков / участников интернет-версий союзных СМИ, групп / пабликов в поддержку СГ)²³;

(W18) ненадлежащее информирование граждан СГ о патриотических мероприятиях союзного уровня;

(W19) негативная корреляция между указанными низкими показателями и масштабами распространения патриотического контента, а следовательно, знакомства с союзной патриотической повесткой.

5. Содержание, динамика, финансирование патриотических проектов, мероприятий.

Сильные стороны:

(S19) увеличение количества патриотических инициатив, проектов, мероприятий на уровне СГ²⁴;

(S20) расширение тематического спектра соответствующих инициатив, проектов, мероприятий, распространение на военно-историческую, культурно-историческую, спортивную, экономическую и прочие сферы.

Слабые стороны:

(W20) декларативность, подмена реальных действий лозунгами; формализованность, «верхушечность», акцент на количественных показателях;

(W21) небольшое число совместных «продуктов» РФ, Белоруссии, тем более союзных (патриотических фильмов, выставок, концертов и пр.);

(W22) непрозрачность финансирования патриотических инициатив, проектов и мероприятий на уровне СГ²⁵.

Во внешнем для СГ измерении существенными представляются следующие параметры.

1. Реструктуризация мироустройства.

Сильные стороны:

(S1) артикуляция ценностного измерения мировой политики, близость по широкому кругу вопросов, включая конфигурацию мироустройства и отношение к традиционным ценностям, позиций РФ, Белоруссии и стран «неЗапада», который пытается утвердиться в качестве нового мирового большинства;

(S2) складывание меж- и трансрегиональных партнерств с участием России и Белоруссии (Шанхайской организации сотрудничества и др.), формирующих общую повестку на базе межцивилизационного диалога и пр.;

(S3) укрепление двусторонних отношений России и Белоруссии с ведущими государствами «НеЗапада» (прежде всего с Китаем), разделяющими видение мироустройства и открыто не навязывающими свои ценности.

Слабые стороны:

²³ Например, интернет-СМИ «RUBY. Новости России и Беларуси» (газета Парламентского Собрания Союза Беларуси и России «Союзное вече» (URL: <https://vk.com/souzveche>)) имеет 7 632 подписчика (на 19.10.2024); интернет-СМИ «Союз. Беларусь–Россия» (URL: <https://vk.com/rgrsoyuz>), совместный редакционный проект общественно-политической газеты «СОЮЗ. Беларусь–Россия» – периодического издания Совета Министров СГ и официального печатного органа Правительства РФ «Российская газета» – всего 1 489; кстати, «Российская газета» – 411 974 (URL: <https://vk.com/rgru>).

²⁴ Мезенцев: увеличение союзного бюджета предполагает рост числа мероприятий патриотической направленности [Электронный ресурс]. Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://clck.ru/3NTz5Q> (дата обращения: 19.10.2024).

²⁵ В открытых источниках, в том числе на официальных сайтах СГ, отсутствует детализированная информация о конкретных расходах союзного бюджета по разделам, целевым показателям и пр.

(W1) сохранение архетипов доминирования коллективного Запада и представлений об исключительности продвигаемой им ценностной повестки;

(W2) влияние паттернов мировой (западной) культуры на сознание и поведение элит и граждан, что проявляется в том числе в продолжающемся насаждении соответствующих моделей и образцов в разных сферах (музыка, образование, наука и пр.);

(W3) отсутствие у России и Белоруссии возможностей идеологического лидерства в глобальном и региональном масштабах. В то же время во влиятельных иностранных изданиях высказываются предположения о формировании Россией идеологии «традиционных ценностей»²⁶. Сходная направленность во внешней политике характерна и для Белоруссии. Дальнейшее сближение на этой платформе способно нивелировать влияние слабых сторон в данном ракурсе.

2. Внешнее давление на страны – участницы СГ (информационное противоборство, санкции и пр.).

Сильные стороны:

(S4) побуждение к углублению двусторонней интеграции в разных сферах, осознание важности укрепления субъектности СГ как международного актора;

(S5) возрождение интереса к собственным традициям, обычаям, культуре, акцентирование общих истоков, путей возникновения и эволюции государственности, нациестроительства, цивилизационной общности;

(S6) стимулирование «экономического патриотизма» и совместных усилий по импортозамещению, введения бренда «Сделано в Союзном государстве»²⁷.

Слабые стороны:

(W4) деструктивное воздействие на молодежь и другие уязвимые группы населения стран – участниц СГ;

(W5) подрыв материальных возможностей РФ и Белоруссии в целом и возможностей эффективно решать задачи внутреннего развития, отвечать на запросы граждан;

(W6) искажение образов России и Белоруссии на международной арене, приписывание им агрессивных и экспансионистских побуждений, дискредитация тем самым предлагаемой ими ценностной повестки.

3. «Войны памяти», попытки фальсификации истории, ревизии итогов Второй мировой войны.

Сильные стороны:

(S7) способствование выработке целостной исторической политики и политики памяти, общих подходов к сохранению исторической памяти, памяти о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне;

(S8) уменьшение рассогласований в трактовках общего исторического прошлого (в том числе имперского периода), что может позитивно сказаться на перспективах общей политики идентичности (преодоления негативизации советской эпохи в РФ, возвеличивания в Белоруссии наследия Великого княжества Литовского и пр.);

²⁶ NI: Кремль использует идеологию «ценностей» как важнейшее оружие внешней политики [Электронный ресурс]. RT: сайт. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-11-16/NI-Kreml-ispolzuet-ideologiyu-cennostej> (дата обращения: 19.10.2024).

²⁷ Дмитрий Мезенцев поддержал идею бренда «Сделано в Союзном государстве» [Электронный ресурс]. РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20230711/brend-1883456766.html> (дата обращения: 19.10.2024).

(S9) необходимость отвечать на реальные угрозы в исторической плоскости побуждает Россию и Республику Беларусь усиливать мемориальную работу, совершенствовать историческое образование, коммеморативные практики, расширять спектр совместных мероприятий патриотической направленности.

Слабые стороны:

(W7) создание дополнительных возможностей для оппозиционных групп и внешних акторов проводить деструктивную работу на территории СГ, осуществлять перенастройку сознания граждан (в том числе через интернет-каналы) и пр.;

(W8) концентрация на расхождениях между РФ и Белоруссией в исторической политике и политике памяти может расширить пространство маневра в плоскости двусторонних взаимодействий, усилить определенные спекуляции на тему имперской политики России и др.;

(W9) незавершенность общего научно-образовательного пространства СГ, ограниченность интеграционных инструментов, особенно в культурно-гуманитарной сфере.

4. Геополитическая ситуация на границах Союзного государства и в регионе Содружества.

Сильные стороны:

(S10) относительно благоприятная ситуация на восточном векторе позволяет аккумулировать усилия на западном векторе как наиболее опасном для РФ и Белоруссии, отражать возникающие здесь вызовы и угрозы, противостоять им;

(S11) серьезная коррекция позиции белорусского руководства в ходе украинского кризиса в отношении проекта «Русского мира», его восприятие в более позитивном ключе, что усиливает инструментальный потенциал интеграционной политики РФ;

(S12) относительная реанимация Содружества Независимых Государств (СНГ) как интеграционного проекта; в целом дружественная или нейтральная позиция большинства стран СНГ по отношению к РФ и Белоруссии в ходе украинского кризиса.

Слабые стороны:

(W10) геополитическая, интеграционная, идеологическая экспансия евро-атлантических акторов усиливает импульсы к геополитической плюрализации региона СНГ и подрывает лидерские позиции РФ;

(W11) масштабирование санкций против РФ и Белоруссии дискредитирует непосредственно СГ как интеграционный формат, создает представление о его несостоятельности и непривлекательности для других стран;

(W12) нарастаются усилия по маргинализации других форматов, в первую очередь Организации Договора о коллективной безопасности, отрыву или дистанцированию от РФ и Белоруссии стратегических партнеров в регионе (Армении, центральноазиатских стран).

5. Аксиологический аспект интеграции в пространстве СНГ.

Сильные стороны:

(S13) достаточно выраженное стремление к созданию общей ценностной платформы евразийской интеграции, что проявляется, например, в дискурсивных практиках в рамках Евразийского экономического союза и отчасти в его учредительных документах;

(S14) значительное совпадение подходов большинства стран СНГ относительно глобальной ценностной повестки и противодействия фальсификации истории.

Слабые стороны:

(W13) отсутствие четко сформулированных представлений об идеологии и философии евразийской интеграции (а равно российско-белорусской), расплывчатость контуров евразийской идентичности;

(W14) конкуренция предложений в контексте продвижения «мягкой силы» и нормативной силы, рост влияния внешних сил (Европейского союза, Соединенных Штатов Америки, Турции, Китая и др.) в регионе;

(W15) ориентация элит стран региона на западные культурные образцы и отчуждение молодежи от России как центра постсоветского пространства²⁸;

(W16) определенные проявления русофобии, преследования русскоязычных, русского языка.

Обозначим и ранжируем *основные возможности для улучшения ситуации в сфере патриотического воспитания в странах – участницах СГ* и конституирования политики патриотического воспитания на уровне СГ.

Во внутреннем измерении:

– с высокой степенью вероятности использования: поощрение патриотического туризма, в том числе на уровне СГ (с сильным влиянием); внедрение идеи «общего Отечества» в политические дискурсивные практики (с умеренным влиянием);

– со средней степенью: мобилизация общественного мнения и гражданской активности, включая волонтерскую деятельность и появление новых массовых ОО патриотической направленности; общенациональная консолидация в обеих странах, преодоление острой фазы внутригосударственного кризиса в Республике Беларусь; укрепление патриотической составляющей в молодежной политике и образовательной деятельности; актуализация гуманитарного измерения союзного строительства в концептуально-стратегической и практической плоскостях (все оказывают сильное влияние); активизация работы по совершенствованию исторического образования и институционализация взаимодействия профессиональных сообществ РФ и Белоруссии в данной области (с умеренным влиянием).

Во внешнем измерении:

– со средней степенью вероятности использования: углубление интеграционного взаимодействия РФ и Белоруссии перед лицом общих вызовов и угроз, улучшение перспектив становления СГ в качестве полноценного международного субъекта; активизация импортозамещения и постепенный переход к внедрению бренда «Сделано в Союзном государстве» (все – с сильным влиянием);

– с низкой степенью: усугубление кризиса неолиберальной модели развития, что теоретически улучшает потенциал ее замещения альтернативной моделью, базирующейся на традиционных ценностях (сильное влияние); возрождение интереса к проблеме введения символики СГ, что может укрепить декларируемое единство в аксиологической плоскости в международном масштабе (умеренное влияние).

Возможности с высокой степенью вероятности политически предпочтительны; с низкой степенью – интерпретируются неоднозначно ввиду слабо-

²⁸ Карабчук Т.С., Поплавская А.А. Анализ динамики отношения молодежи стран постсоветского блока к интеграционным процессам между странами. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019;(1):153–178.

сти реальной политической поддержки альтернативы неолиберальной модели и соответствующей идеологии, а также незавершенности интеграционной модели СГ, что может замедлить оформление союзной символики.

В свою очередь, развитие ситуации побуждает говорить о сохранении *серьезных угроз в сфере патриотического воспитания*.

Во внутреннем измерении:

– с высокой степенью вероятности использования: незавершенность национализации элит (политических, экономических, культурных и пр.); низкий уровень жизни граждан в обеих странах и социальное недовольство, подрывающие «патриотический консенсус»; все они могут оцениваться как чрезвычайно опасные, допускающие даже угрозу разрушения государств;

– со средней степенью: несформированность национальной идеи; невнятность философии и идеологии российско-белорусской интеграции; нерешенность принципиальных вопросов интеграционной модели СГ и продвижения политической интеграции; неопределенность конструкции союзной идентичности; торможение унификации законодательства (в том числе в сферах, охватывающих задачи патриотического воспитания) (все названные угрозы чреваты тяжелым состоянием);

– с низкой степенью: попытки «национализации» принципиальных тем (Древнерусского государства, победы в Великой Отечественной войне и др.) (могут повлечь тяжелое состояние).

Во внешнем измерении:

– с высокой степенью вероятности использования: геополитическая и идеологическая экспансия Запада; размывание цивилизационной общности пространства СНГ; масштабирование русофобии и отмены культуры; усиление влияния внешних акторов на процессы в регионе Содружества (их обострение способно вызвать критическое состояние); вестернизация культурной среды; гонения на Русскую православную церковь и ее самоуправляемые церкви; распространение технологий «постправды» (тяжелое состояние);

– со средней степенью: распространение идеологии трансгуманизма (критическое состояние); поощрение национальными элитами зарубежных стран СНГ дискурса постколониализма в отношении России (тяжелое состояние).

Большинство угроз видятся отчетливыми и серьезными не только для сферы патриотического воспитания, но и для СГ и стран-участниц. Угроза низкой степени вероятности может обостриться вследствие активизации манипулятивных практик на фоне политического охлаждения во взаимных отношениях либо совершения кардинального разворота во внешнем измерении обеими странами или одной из них. Нарращивание и практическое осуществление возможностей будут способствовать уменьшению степени влияния той или иной угрозы, но в обозримой перспективе вряд ли полностью устранят их.

Существуют значительные риски в пространстве СГ, связанные с разноуровневыми манипуляциями националистическими настроениями (в том числе провоцируемыми извне), порождаемые ранее сложившимися деформациями в сферах образования, культуры, молодежной политики, научно-технологического развития, в политических системах; сложностями укоренения идеи «общего Отечества» ввиду потребностей национальных элит, отчуждения между гражданами РФ и Белоруссии,

незаинтересованности населения в кардинальном сближении. Связи между неправительственными институтами в рамках СГ продолжают уступать межэлитным политическим коммуникациям; не сформированы дееспособные компетентные органы широкого представительства (с включением различных участников патриотического воспитания). Нет необходимых нормативных инструментов.

Обсуждение и заключение. Политика патриотического воспитания союзного уровня не может восприниматься как общая сумма национальных политик. Она опирается на них, включая нормативные ориентиры и лучшие практики, но не дублирует, поскольку, как и другие области союзного строительства, имеет специфику, вытекающую из характера межгосударственного и интеграционного взаимодействия. При этом патриотическая повестка СГ на текущем этапе вполне сформирована, чего не скажешь о собственно союзной политике патриотического воспитания, которая все еще находится в стадии конституирования и на начальном этапе имплементации в интеграционное поле. Подобно соответствующим политикам национального уровня она вбирает в себя опыт, наработанный во многих сферах (молодежной, образовательной и пр., гуманитарном измерении СГ в целом). Благодаря определенным решениям и конкретным действиям политика патриотического воспитания в рамках СГ обрела довольно отчетливые контуры. Можно полагать, что уже утвердилось устойчивая тенденция на их верификацию, укрепление и углубление, в том числе в институциональной плоскости.

Проведенный анализ и экспертные оценки позволяют констатировать как серьезные положительные результаты в рассматриваемом ракурсе союзного строительства, так и существенные, по большей части принципиальные для СГ и стран-участниц, негативные обстоятельства. Насыщенными оказались оценочные поля, иллюстрирующие совокупность и возможностей, и угроз. Причем в том что касается вторых, определяющими мы считаем коренящиеся во внутреннем измерении, хотя угрозы внешнего происхождения масштабируются и перетекают в экзистенциальные для стран-участниц. Они дополнительно актуализируют и без того важную сферу патриотического воспитания, а также дальнейшее сближение России и Белоруссии не только в формате СГ.

Показательно, что российские эксперты оценили внутренний фактор «Уязвимости, пробелы в сфере государственной (национальной) политики патриотического воспитания» почти наравне с внешним («Наращение внешних вызовов и угроз в целом, внешнее давление (включая информационное воздействие и попытки организации “цветных революций”»)), тогда как в ответах белорусских специалистов внешние факторы подчеркивались более явно. Одновременно в оценках представителей РФ преобладали указания на неудовлетворительное состояние нормативной базы в области политики патриотического воспитания в России и удовлетворительное – в Белоруссии; белорусские эксперты более склонны к оптимистичным суждениям.

Абсолютное большинство экспертов выступили за принятие специального закона о патриотическом воспитании в странах – участницах СГ. Российские преимущественно полагают его необходимым именно для РФ, белорусские – также в большей степени для России (в отношении Белоруссии их мнения разделились пополам). В целом эксперты невысоко оценили степень эффективности реализованных в странах – участницах СГ программ патриотического воспитания, и здесь не выявилось заметных расхождений между представителями двух государств.

Примерно такая же картина наблюдалась в ответах по уровню включенности неправительственных институтов в подготовку и принятие решений в области политики патриотического воспитания.

В объяснении экспертами причин подобной ситуации фиксируется достаточный разброс в суждениях (преобладают варианты «Отсутствие необходимых качественных характеристик и ресурсов у неправительственных институтов»; «Риски вовлечения иностранных агентов влияния»; «Отсутствие необходимой поддержки неправительственных институтов со стороны органов государственной власти»).

Еще один значимый момент – расхождения в трактовке основных слагаемых патриотизма, которые видятся акцентными в выступлениях участников политических кампаний. Для РФ это (по нисходящей): служение Отечеству; державность; подлинный суверенитет; желание отстоять родную страну от врага, готовность к защите Отечества; любовь к Отечеству; гордость за страну; деятельность на благо Отечества и пр. Для Белоруссии – уважение к истории, культуре и традициям своей страны; любовь к Отечеству; деятельность на благо Отечества; державность, подлинный суверенитет; желание отстоять родную страну от врага, готовность к защите Отечества; служение Отечеству и пр. Налицо различная расстановка смысловых акцентов, что детерминировано в том числе особенностями международного положения двух стран, их политических систем.

К основным проблемам в плоскости политики патриотического воспитания в РФ эксперты отнесли (по нисходящей) декларативность патриотических дискурсивных практик, подмену реальных действий лозунгами; нерешенность внутренних социальных проблем, препятствующих общенациональной консолидации; противоречие между «народным» и «начальничьим» патриотизмом; доминирование неолиберальных подходов в образовании и воспитании; чрезмерную ориентированность на достижение количественных индикаторов. В Белоруссии – практически то же, за исключением варианта о доминировании неолиберальных подходов; с другой стороны, акцент сделан на апатриотичности молодежи; наконец, и здесь проявляется разная градация проблем.

Совершенствование политики патриотического воспитания увязывается белорусскими экспертами прежде всего с оформлением национальной идеи; усилением внимания к развитию и пропаганде родной культуры и языка; укреплением нормативных основ государственной политики патриотического воспитания; активизацией диалога с неправительственными институтами, расширением экспертного обсуждения; солидарностью внутриполитических сил; укреплением символической политики и политики памяти. Понятно, что перечисленные варианты основаны на приоритетности именно национальных подходов и практик и односторонность в решении этих вопросов может породить либо усилить некоторые риски этнополитического плана в союзном пространстве. Поэтому предлагалось уделить особое внимание продвижению механизмов союзного уровня, гармонизации и унификации данной сферы, закреплению единообразных трактовок важнейших категорий, исторического процесса, этногенеза и пр.

В плоскости эволюции политики патриотического воспитания в рамках СНГ просматриваются несколько вероятностей. Кратко представим их, расположив соответственно в оптимистическом, пессимистическом и усредненном спектре.

Сценарий утверждения политики патриотического воспитания в качестве одного

из магистральных направлений союзного строительства. Предусматривает ее полномасштабное включение в интеграционное нормативное поле, распространение на нее инструментария союзных программ, унификацию национальных политик, закрепление необходимых целей и средств их достижения в интеграционных документах и соглашениях, обеспечение действенности института союзного гражданства. Корреспондирует с федерализацией СГ. Драйверами могут быть ужесточение внешних условий для РФ и Белоруссии; сбалансированность вертикальных и горизонтальных политических, социальных и экономических коммуникаций в союзном пространстве; успешное завершение национализации элит; экономические и иные успехи, достигнутые в процессе углубления российско-белорусской интеграции.

Сценарий суверенизации (национализации) политики патриотического воспитания. Базируется на отказе от интеграционных средств и методов в данной области, возвращении исключительно к национальным моделям и их абсолютизации. Допускает отдельные, спорадические, совместные акции патриотической направленности, являющиеся скорее символическими, декларативными. Здесь возможны различные варианты развития ситуации в рамках СГ: от более позитивных, предполагающих его существование и даже постановку новых ориентиров, но с ограничением сфер взаимодействия, в большей степени с упором на экономику; до негативных, когда власти обеих стран фактически согласятся со стагнацией или имитацией интеграции; наконец, катастрофических, подразумевающих недвусмысленный отказ от идеи и практики интеграции. Драйверы: изменение характера отношений с внешними акторами (в первую очередь евро-атлантическими; «замирение» с ними и пр.); переориентация элитных групп в обеих странах на другие центры интеграционного притяжения; резкие колебания в составе высших эшелонов власти; артикуляция мифов о «бремени интеграции» для России или «оккупации Белоруссии» РФ, стимулирующих недовольство граждан; маргинализация идеи «общего Отечества».

Сценарий углубления институционализации политики патриотического воспитания на союзном уровне. Предполагает приращение сложившейся к настоящему времени ситуации и конкретных результатов, но без кардинального прорыва в сторону федерализации. Исходит из приоритетности национальных подходов и практик, выступающих основой для союзных акций и мероприятий. Их частота может резко увеличиться, как и финансирование. Могут быть созданы новые структуры, отвечающие за сферу патриотического воспитания, но не заменяющие национальные; активизироваться ОО, их взаимодействие; инициированы союзные ОО патриотической направленности. Сценарий поддерживается факторами и вызовами, актуальными на данный момент. Коррелирует с постепенным расширением сфер интегрирования РФ и Белоруссии, одновременно – с сохранением предпочтительности экономического вектора.

Первый и последний сценарии также корреспондируют с устранением расхождений в исторической политике, хотя и неполным.

На перспективу намечается более развернутая характеристика указанных вероятностей. Практическая значимость исследования связана с возможностями внедрения его результатов в работу национальных и союзных органов власти и управления в целях совершенствования интеграционной политики, гуманитарного измерения СГ, политики патриотического воспитания.

Выводы, сделанные по итогам настоящего исследования, основаны на учете совокупности определенных факторов. Последние интерпретированы как наиболее важные для развития политики патриотического воспитания в Союзном государстве на данный момент времени, кратко- и среднесрочную перспективу. При этом перечень факторов не является исчерпывающим. Существенные колебания контекста и внешней среды могут вызвать необходимость его корректировки, а также переоценки сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, расширения спектра представленных сценариев в анализируемой плоскости. В целях уточнения взаимосвязей национального и союзного уровней видится плодотворным предметное изучение группы специфических параметров и кейсов, например роли и коммуникаций российских и белорусских общественных объединений и пр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Звездин Н.М. Тенденции и перспективы развития системы патриотического воспитания молодежи в Республике Беларусь: социологический анализ. *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология*. 2021;11(2):92–100. https://elibrary.ru/download/elibrary_46248621_24610116.pdf
2. Зиненко В.Е. Патриотическое воспитание российской молодежи: современные реалии. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2019;25(1):145–161. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-1-145-161>
3. Мерзлякова Г.В., Данышина С.А., Баталова Л.В. Формирование патриотизма и сохранение исторической памяти в современном российском обществе: историко-правовой ракурс. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2024;34(2):379–384. URL: <https://journals.udsu.ru/econ-law/issue/view/515> (дата обращения: 09.10.2024).
4. Фоменко Е.А. Идеологические основы цели патриотического воспитания в России (исторический аспект). *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 2024;(2):163–174. <https://doi.org/10.26456/vtspyped/2024.2.163>
5. Храмова Ф.И., Тенянюк М.Ю., Степанчук Ю.А. Патриотизм как фундамент образования и цель идеологической политики в Республике Беларусь. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024;(8-3):41–48. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-8-3-41-48>
6. Брайнес А.А. Патриотическое, гражданское и политическое воспитание молодежи в современной России: соотношение понятий. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2023;(2):26–38. URL: <http://vestnikpolit.ru/volumes/2023/2023-2/> (дата обращения: 09.10.2024).
7. Узгорок М.Ю. Основные факторы формирования гражданственности и патриотизма в современных условиях. *Труды БГТУ. Серия 6: История, философия*. 2021;(2):90–93. <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2021-251-2-90-93>
8. Дьяченко А.Н., Синютин А.А. Патриотизм как духовно-нравственный феномен в современном социокультурном пространстве. *Гуманитарий Юга России*. 2024;13(4):121–133. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.4.8>
9. Давлятова Е.В., Рудковский Э.И., Далимаева Е.О. Патриотическое сознание и информационная культура студенческой молодежи. *Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»*. 2022;(35):116–121. https://elibrary.ru/download/elibrary_49277196_94967934.pdf
10. Леонова О.В., Волкова А.Е. Государственная политика РФ по формированию гражданственности и патриотизма в молодежной среде: социологический и политологический анализ. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2021;16(1):175–193. URL: <https://elck.ru/3NUmtr> (дата обращения: 09.10.2024).
11. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Патриотическое воспитание молодежи в России: проблемы, мнения, экспертные оценки. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2017;19(1): 25–37. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-1-25-37>

12. Шестов Н.И. Цифровизация и патриотическое воспитание: конфликт двух базовых государственных стратегий формирования политической идентичности российской молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.* 2023;23(4):433–440. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-433-440>
13. Волков Ю.Г., Куликов С.П., Глушкова С.А. Основные стратегии регенерации патриотизма в российском обществе и риски имитации. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.* 2016;(3):56–63. https://elibrary.ru/download/elibrary_27345116_90002114.pdf
14. Санина А.Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России. *Социологические исследования.* 2016;(5):44–53. https://elibrary.ru/download/elibrary_26125604_21540810.pdf
15. Рудаков А.В. О проблемах совершенствования государственной политики в области патриотического воспитания граждан Российской Федерации. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки.* 2018;(1):91–99. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-1-91-99>
16. Bækken H. Patriotic Disunity: Limits to Popular Support for Militaristic Policy in Russia. *Post-Soviet Affairs.* 2021;37(3):261–275. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2021.1905417>
17. Fomin I. Two Statisms of Putin's Ideology: from Proclamations of Patriotic Values to Welfare Promises of Wartime Mobilization. *Post-Soviet Affairs.* 2025;41(1):64–82. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2024.2382646>
18. Goode J.P. Love for the Motherland (or Why Cheese is More Patriotic than Crimea). *Russian Politics.* 2016;1(4):418–449. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00104005>
19. Goode J.P. Patriotic Legitimation and Everyday Patriotism in Russia's Constitutional Reform. *Russian Politics.* 2021;6(1):112–129. <https://doi.org/10.30965/24518921-00601007>
20. Marples D.R. Changing Belarus. *Canadian Slavonic Papers.* 2021;63(3/4):278–295. <https://doi.org/10.1080/00085006.2021.1992923>
21. Robertson G. Protest, Platforms, and the State in the Belarus Crisis. *Post-Soviet Affairs.* 2022;38(1/2):146–149. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2037196>
22. Petro N.N. How the West Lost Russia: Explaining the Conservative Turn in Russian Foreign Policy. *Russian Politics.* 2018;3(3):305–332. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303001>
23. Стоппе А.Г. Молодежная политика в Союзном государстве: молодежь — его настоящее и будущее. *Вестник экономики, права и социологии.* 2022;(3):229–232. URL: <https://www.vestnykeps.ru/0322/53.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
24. Сергеев Н.М. Вопросы формирования единого образовательного пространства Союзного государства. *Постсоветский материк.* 2024;(3):83–93. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_3_83
25. Бахлов И.В., Бахлова О.В. Идея патриотизма в повестке Союзного государства: позиции политического и экспертного сообщества. *Мировая экономика и международные отношения.* 2025;69(3):86–98. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-86-98>
26. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Формирование единого образовательного пространства Союзного государства Беларуси и России в ракурсе политики патриотического воспитания. *Регионоведение.* 2024;32(3):426–445. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.426-445>
27. Бахлова О.В., Бахлов И.В. Возможности и угрозы для интеграционного взаимодействия в рамках Союзного государства Беларуси и России: стратегический ситуационный анализ. Часть 1. *Управленческое консультирование.* 2022;(6):22–35. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-6-22-35>

REFERENCES

1. Zvezdkin N.M. Trends and Prospects of Patriotic Upbringing System Development in the Republic of Belarus: a Sociological Analysis. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology.* 2021;11(2):92–100. (In Russ., abstract in Eng.) https://elibrary.ru/download/elibrary_46248621_24610116.pdf

2. Zinenko V.Ye. Patriotic Education of Russian Youth: Modern Realities. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(1):145–161. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-1-145-161>
3. Merzlyakova G.V., Danshina S.A., Batalova L.V. Formation of Patriotism and Preservation of Historical Memory in Modern Russian Society: Historical and Legal Perspective. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2024;34(2):379–384. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.udsu.ru/econ-law/issue/view/515> (accessed 09.10.2024).
4. Fomenko E.A. Ideological Foundations of the Purpose of Patriotic Education in Russia (Historical Aspect). *Herald of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2024;(2):163–174. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26456/vtspyped/2024.2.163>
5. Khramtsova F.I., Tenyanko M.Yu., Stepanchuk Yu.A. Methodology for Improving State Ideological Policy in the Republic of Belarus. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024;(8-3):41–48. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-8-3-41-48>
6. Braines A.A. Patriotic, Civic and Political Education in Contemporary Russia: Correlation of Concepts. *Lomonosov Political Science Journal*. 2023;(2):26–38. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://vestnikpolit.ru/volumes/2023/2023-2/> (accessed 09.10.2024).
7. Uzgorok M.Yu. The Main Factors in the Formation of Citizenship and Patriotism in Modern Conditions. *Proceedings of BSTU. Issue 6, History, Philosophy*. 2021;(2):90–93. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2021-251-2-90-93>
8. Dyachenko A.N., Sinyutin A.A. Patriotism as a Spiritual and Moral Phenomenon in the Modern Socio-Cultural Space. *Humanities of the South of Russia*. 2024;13(4):121–133. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.4.8>
9. Davliatova E.V., Rudkovski E.I., Dalimayeva E.O. Student Patriotic Consciousness and Information Culture. *Uchenye Zapiski UO "VGU imeni P. M. Masherova"*. 2022;(35):116–121. (In Russ., abstract in Eng.) https://elibrary.ru/download/elibrary_49277196_94967934.pdf
10. Leonova O.V., Volkova A.E. State Policy of the Russian Federation on the Formation of Citizenship and Patriotism in the Youth Environment: Sociological and Political Analysis. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2021;16(1):175–193. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3NUmtr> (accessed 09.10.2024).
11. Puzanova Zh.V., Larina T.I. Patriotic Education of Youth in Russia: Problems, Opinions, Expert Review. *RUDN Journal of Political Science*. 2017;19(1):25–37. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-1-25-37>
12. Shestov N.I. Digitalization and Patriotic Education: Conflict of two Basic State Strategies to form Political Identity of Russian Youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2023;23(4):433–440 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-433-440>
13. Volkov Yu.G., Kulikov S.P., Glushkova S.A. The Main Strategy of Patriotism Regeneration in the Russian Society and Risks of Imitation. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*. 2016;(3):56–63. (In Russ., abstract in Eng.) https://elibrary.ru/download/elibrary_27345116_90002114.pdf
14. Sanina A.G. [Patriotism and Patriotic Education in Modern Russia]. *Sociological Studies*. 2016;(5):44–53. (In Russ.) https://elibrary.ru/download/elibrary_26125604_21540810.pdf
15. Rudakov A. The Problems of Development of the State Policy in the Field of Patriotic Education in the Russian Federation. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*. 2018;(1):91–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-1-91-99>
16. Bækken H. Patriotic Disunity: Limits to Popular Support for Militaristic Policy in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 2021;37(3):261–275. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2021.1905417>
17. Fomin I. Two Statisms of Putin's Ideology: from Proclamations of Patriotic Values to Welfare Promises of Wartime Mobilization. *Post-Soviet Affairs*. 2025;41(1):64–82. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2024.2382646>
18. Goode J.P. Love for the Motherland (or Why Cheese is More Patriotic than Crimea). *Russian Politics*. 2016;1(4):418–449. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00104005>

19. Goode J.P. Patriotic Legitimation and Everyday Patriotism in Russia's Constitutional Reform. *Russian Politics*. 2021;6(1):112–129. <https://doi.org/10.30965/24518921-00601007>
20. Marples D.R. Changing Belarus. *Canadian Slavonic Papers*. 2021;63(3/4):278–295. <https://doi.org/10.1080/00085006.2021.1992923>
21. Robertson G. Protest, Platforms, and the State in the Belarus Crisis. *Post-Soviet Affairs*. 2022;38(1/2):146–149. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2037196>
22. Petro N.N. How the West Lost Russia: Explaining the Conservative Turn in Russian Foreign Policy. *Russian Politics*. 2018;3(3):305–332. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303001>
23. Stoppe A.G. Youth Policy in the Union State: Youth – its Present and Future. *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2022;(3):229–232. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.vestnykeps.ru/0322/53.pdf> (accessed 09.10.2024).
24. Sergeev N.M. Issues of Formation of a Unified Educational Space of the Union State. *Post-Soviet Continent*. 2024;(3):83–93. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.48137/23116412_2024_3_83
25. Bakhlov I.V., Bakhlova O.V. The Idea of Patriotism in the Union State Agenda: Positions of Political and Expert Community. *World Economy and International Relations*. 2025;69(3):86–98. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-86-98>
26. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Formation of a Unified Educational Space of the Union State from the Perspective of the Policy of Patriotic Education. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):426–445. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.426-445>
27. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Opportunities and Threats for Integration Cooperation within the Framework of the Union State of Belarus and Russia: Strategic Situational Analysis. Part 1. *Administrative Consulting*. 2022;(6):22–35. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-6-22-35>

Об авторах:

Бахлова Ольга Владимировна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, Researcher ID: W-2198-2019, Scopus ID: 57212022043, SPIN-код: 2183-7052, olga.bahlova@mail.ru

Бахлов Игорь Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, Researcher ID: T-4657-2019, Scopus ID: 57212021385, SPIN-код: 9489-5152, bahlov@mail.ru

Вклад авторов:

О. В. Бахлова – получение финансирования; проведение исследования; написание черновика рукописи.

И. В. Бахлов – получение финансирования; административное руководство исследовательским проектом; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 13.11.2024; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 08.07.2025.

About the authors:

Olga V. Bakhlova, Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Professor of the Chair of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>, Researcher ID: W-2198-2019, Scopus ID: 57212022043, SPIN-code: 2183-7052, olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov, Dr.Sci. (Polit.), Professor, Head of the Chair of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68/1 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, Researcher ID: T-4657-2019, Scopus ID: 57212021385, SPIN-code: 9489-5152, bahlov@mail.ru

Contribution of the authors:

O. V. Bakhlova – funding acquisition; investigation; writing – original draft preparation.

I. V. Bakhlov – funding acquisition; project administration; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 13.11.2024; revised 30.06.2025; accepted 08.07.2025.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.468-482><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/xugijm>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 001:341.7 (450)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Развитие научных диаспор как инструмент научной дипломатии: опыт Италии

Р. О. Райнхардт ✉

К. А. Немудров

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ don.reinhardt@mail.ru*

Аннотация

Введение. Научные диаспоры рассматриваются одновременно как участники международного научно-технического сотрудничества и как внешнеполитический ресурс государств. В зависимости от степени интеграции их членов в академическую среду стран пребывания некоторые сообщества формируются органически, другие – благодаря поддержке стран исхода. Случай Италии уникален тем, что сочетает оба обозначенных сценария. Цель исследования – комплексный анализ на базе эмпирического материала путей формирования современных итальянских научно-диаспоральных структур в различных регионах мира, который проводится впервые.

Материалы и методы. Сбор эмпирических данных включал в себя анализ официальных документов Министерства иностранных дел Италии, а также информационных ресурсов 24 ассоциаций итальянских ученых за рубежом; проведение полуструктурированных интервью с руководителями этих ассоциаций и с атташе по науке. Количественный анализ позволил провести статистическую обработку демографических показателей ассоциаций, оценить эффективность их взаимодействия и представленность различных научных направлений. Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием современных программных средств (Microsoft Excel). Качественный анализ был реализован через контент-анализ информационных ресурсов, тематическое исследование интервью и сравнительный анализ деятельности ассоциаций.

Результаты исследования. Выявлено, что за исключением двух организаций итальянских ученых-соотечественников в Северной Америке, ассоциации создавались в 2014–2021 гг. в контексте реализации внешнеполитического курса «Система Италия». При этом 11 из них последние три года существуют скорее формально. Там же, где ассоциации продолжают работать, охвачены различные направления исследовательской деятельности, прежде всего естественные и точные науки (37 % – физика и инженерия, 26 – химия, 18 % – биология и медицина). Численность членов варьируется от нескольких десятков до 3 600 научных работников. Средняя оценка информантами эффективности работы своих организаций и их взаимодействия с диппредставительствами

© Райнхардт Р. О., Немудров К. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Италии – 74 %. Ответственные лица дипломатических миссий, хотя и высказали ряд замечаний относительно коммуникации с учеными-соотечественниками, в большинстве случаев выразили удовлетворенность взаимодействием с последними.

Обсуждение и заключение. Результаты могут представлять интерес для исследователей научной дипломатии; разработчиков государственной стратегии взаимодействия с проживающими за рубежом соотечественниками; атташе по науке и других работников ведомств, задействованных в международном научно-техническом сотрудничестве.

Ключевые слова: научная диаспора, научная дипломатия, международное научно-техническое сотрудничество, внешняя политика Италии, атташе по науке

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10136.

Для цитирования: Райнхардт Р.О., Немудров К.А. Развитие научных диаспор как инструмент научной дипломатии: опыт Италии. *Регионоведение*. 2025;33(3):468–482. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.468-482>

Development of Scientific Diasporas as a Tool of Science Diplomacy: Italian Case

R. O. Reinhardt ✉ K. A. Nemudrov

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation*

(Moscow, Russian Federation)

✉ don.reinhardt@mail.ru

Abstract

Introduction. Scientific diasporas are considered both as participants in international cooperation in science and technology and as a foreign policy resource of states. Depending on the degree of integration of their members into the academic environment of the host countries, some communities are formed naturally, others – thanks to the support of the countries of origin. The case of Italy is unique combining both above scenarios. The aim of the study is a comprehensive analysis based on empirical material of the ways of forming modern Italian scientific diaspora structures in various regions of the world.

Materials and Methods. The collection of empirical data included the analysis of official documents of the Italian MFA alongside information resources of 24 associations of Italian researchers abroad; conducting semi-structured interviews with the heads of the respective associations and science attachés. Quantitative analysis allowed statistical processing of the demographic indicators of associations, assessing the effectiveness of their interaction and the representation of various research fields. Statistical processing of the obtained data was carried out using modern software (Microsoft Excel). Qualitative analysis was implemented through the analysis of information resources, thematic interview research and comparative analysis of the associations' activities.

Results. The study found that most of the analyzed associations were established in 2014–2021 in the context of implementing the “Sistema Paese” foreign policy course. Over the past three years, 11 of them have existed rather formally. Where associations continue to operate, they cover various research areas, primarily natural and exact sciences (37 % – physics and engineering, 26 – chemistry, 18 % – biology and medicine). The number of members varies from several dozen to 3 600 researchers. The average assessment by informants of the effectiveness of their organizations and interaction with Italian diplomatic missions amounts to 74 %. Although the science attachés made critical comments regarding communication with compatriot scientists, in most cases they expressed satisfaction with this interaction.

Discussion and Conclusion. The results may be of interest to researchers of science diplomacy; developers of strategies for interaction with compatriots living abroad; science attachés and other employees of departments involved in international cooperation in science and technology.

Keywords: scientific diaspora, science diplomacy, international cooperation in science and technology, Italy's foreign policy, science attaché

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 23-78-10136.

For citation: Reinhardt R.O., Nemudrov K.A. Development of Scientific Diasporas as a Tool of Science Diplomacy: Italian Case. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(3):468–482. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.468-482>

Введение. В настоящее время как в политических, так и в экспертных кругах наблюдается рост интереса к проблематике научных диаспор – сообществ научных работников, проживающих за рубежом, однако поддерживающих или, во всяком случае, желающих поддерживать регулярные рабочие связи с коллегами-соотечественниками, учеными, академическими учреждениями и вузами стран, где они начинали строить исследовательскую карьеру¹. Данная тенденция присуща странам как глобального Юга², так и глобального Севера³.

Безусловно, научные диаспоры каждой страны имеют специфику, на формирование которой влияет множество факторов, начиная этнокультурными и заканчивая конъюнктурными (например, обусловленная внешними обстоятельствами массовая эмиграция научных кадров). Тем не менее при выраженных особенностях становления и развития отдельной научной диаспоры их целесообразно рассматривать как сходные социальные конструкты и сопоставлять для выявления закономерностей. Таким образом, научные диаспоры могут выступать объектом сравнительного межстранового или кросс-регионального анализа.

С точки зрения внешней политики они являются весьма ценным ресурсом для налаживания международного научно-технического сотрудничества. Представители подобных сообществ, будучи, как правило, интегрированными в исследовательскую среду государств пребывания, могут рассматриваться в качестве своего рода мостов для дву- и даже многосторонних научных и академических обменов, а следовательно, могут действовать как проводники научной дипломатии [1].

С учетом данного интеграционного потенциала научно-диаспоральных образований в практическом ключе вызывает интерес вопрос о том, как они формируются. В ряде случаев это инициативы снизу, которые не только не всегда поддерживаются, но иногда осознанно игнорируются дипломатическими институтами и ответственными за проведение научной политики государственными органами стран исхода. Бывает наоборот, и тогда речь идет о форсированном насаждении таких структур, открытии их по разнарядке в том числе там, где для этого не имеется объективных предпосылок⁴.

Обозначенные варианты суть экстремумы. На практике же становление научных диаспор чаще всего сочетает в себе элементы обоих сценариев. Для лиц, принимающих решения в области внешней, с одной стороны, и научной политики – с другой, актуальной видится задача определения того, насколько следует стимулировать развитие объединений ученых-соотечественников за рубежом, в диапазоне от целенаправленного проектирования и научно-диаспорального строительства до невмешательства и «немешательства». Исходя из этого проблема исследований

¹ Dajani R. Scientists in Diaspora are a Powerful Resource for Their Home Countries [Электронный ресурс]. *Nature*. Available at: <https://www.nature.com/articles/d41586-023-03300-2> (accessed 13.01.2025).

² Il ruolo della diaspora scientifica [Электронный ресурс]. *Monitor*. Available at: <https://monitor.al/it/roli-diaspores-shkencore-2/> (accessed 13.01.2025).

³ The Pivotal Role of EU Research Diasporas in EU-UK Scientific and Diplomatic Relations [Электронный ресурс]. *Science and Diplomacy*. Available at: <https://clck.ru/3N4RR3> (accessed 13.01.2025).

⁴ Il ruolo della diaspora scientifica [Электронный ресурс]...

научных диаспор, включая проведенный анализ, во многом сводится к выяснению соотношения указанных факторов.

В свете сказанного весьма любопытным для рассмотрения представляется итальянский опыт. Итальянская наука на протяжении столетий считается одной из самых развитых в мире [2]. Ей также присуща высокая степень интернационализации. Так, итальянских исследователей самых разных областей научного знания можно встретить в передовых академических и научных центрах, а равно и в вузах по всему миру. Кроме того, в силу особенностей исторического генезиса научное сообщество Италии практически всегда демонстрировало склонность к различным формам и методам самообъединения [3].

Подобная тенденция нетворкинга также фиксируется среди ученых-экспатов, по ряду причин покинувших Апеннинский полуостров. Будь то ведущие специалисты, долгие годы работавшие в зарубежных научных центрах, или аспиранты, уехавшие по программе обмена, многие итальянцы в силу традиций и национального менталитета склонны поддерживать рабочие контакты с коллегами-соотечественниками⁵.

В результате начатой в 2011 г. реформы Министерства иностранных дел научная дипломатия была определена в качестве одного из внешнеполитических приоритетов Рима⁶. Это выразилось в расширении профильной институциональной сети и инфраструктуры, наделении атташе по науке при диппредставительствах дополнительным функционалом, росте бюджетного финансирования соответствующей сферы.

Исследовательский вопрос настоящей работы заключается в том, насколько значимо реализация нового курса научной дипломатии в рамках реформы внешнеполитического механизма Италии сказалась на консолидации, формах и моделях самоорганизации итальянских научных диаспор за рубежом. При этом рабочая гипотеза сводится к тому, что проведение обозначенного курса МИД Италии привело к некоторому всплеску активности в части образования научно-диаспоральных организаций в конце 2010-х гг. Однако впоследствии те из них, в формировании которых большую роль сыграла инициатива сверху, фактически начали распадаться.

Обзор литературы. Несмотря на актуальность обозначенной научной проблемы, исследования, посвященные собственно итальянским научным диаспорам, крайне немногочисленны. В первую очередь среди них стоит выделить труды С. Сбалкьеро [4] и А. Туцци⁷ [5], которые делают акцент на условиях и факторах миграции итальянских научных работников, исследуют мотивацию и стимулы, побуждающие их к переезду и продолжению академической карьеры за рубежом.

Проблема утечки умов из страны также неоднократно поднималась рядом экспертов, фокусирующихся на обратной стороне академической мобильности и глобализации в секторе научно-исследовательской работы⁸. В рамках изучения

⁵ Scienziati italiani all'estero [Электронный ресурс]. In: Tuzzi A. Pagina personale. Available at: <https://www.arjuna.it/survey> (accessed 13.01.2025).

⁶ Diplomazia scientifica [Электронный ресурс]. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Available at: <https://www.esteri.it/it/diplomazia-culturale-e-diplomazia-scientifica/cooperscientificatecnologica/> (accessed 13.01.2025).

⁷ Scienziati italiani all'estero [Электронный ресурс]...

⁸ Beltrame L. Realtà e retorica del brain drain in Italia. Stime statistiche, definizioni pubbliche e interventi politici. Quaderno 35. 2007. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/42902631.pdf> (accessed 19.05.2025); Balduzzi P., Rosina A. Giovani talenti che lasciano l'Italia: fonti, dati e politiche di un fenomeno complesso. *La Rivista delle Politiche Sociali*. 2011;(3):21–33. Available at: <https://publicatt.unicatt.it/handle/10807/29216> (accessed 19.05.2025).

интеграции итальянских специалистов в академические структуры и научные сообщества принимающих территорий главным образом речь шла о «молодых талантах», перспективных и начинающих исследователях⁹. В работах и первой, и второй групп тематика научных диаспор затрагивалась неглубоко. Авторы указывали, что эмигрировавшие итальянские ученые проявляют склонность к кооперации и взаимопомощи, но не конкретизировали ее формы, инструменты и механизмы¹⁰.

Корпус аналогичных исследований по другим странам значительно шире. Немало работ посвящены российским научным диаспорам, различным аспектам их деятельности, особенностям становления и перспективам развития. В плане применяемой методологии среди них присутствуют труды преимущественно социологической¹¹ [6], исторической¹², политической [7–9], а также библио- и наукометрической направленности¹³ [10; 11].

С позиций межстрановых и кросс-региональных сопоставлений интерес представляют публикации по опыту иностранных государств, например Азербайджана [12], Албании [13], Белоруссии¹⁴, Польши¹⁵, Японии [14] и др.¹⁶ [15]. В них описываются не только национальная специфика, но и общие механизмы формирования и функционирования научных диаспор, включая вопрос о соотношении стратегий их самоорганизации и организации извне, что может быть спроецировано на сходные объекты исследования, в том числе на итальянские научные диаспоры.

Что касается контекста научной дипломатии как инструмента внешней политики Итальянской Республики, то здесь внимания заслуживают актуальные труды отечественных специалистов, занимавшихся вопросами культурной дипломатии [16; 17], «мягкой силы» [18] и смежных инициатив Рима [19].

Достаточно подробное отражение в отечественном научном дискурсе нашла, наконец, проблематика интеграции Италии в европейское и глобальное научное пространство [2; 3].

В 2010 г. МИД Италии объявил о запуске с 2011 г. структурной реформы под эгидой внедрения и продвижения концепции «Sistema Paese» (изначально использовался дословный перевод с итальянского «страно-система»¹⁷; устоялся в русскоязычной специализированной литературе вариант «Система Италия»).

⁹ Balduzzi P., Rosina A. *Giovani talenti che lasciano l'Italia: fonti, dati e politiche di un fenomeno complesso...*

¹⁰ Ibid.

¹¹ Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов. *Социологические исследования*. 2013; (4):24–35.

¹² Стародубцев Г.С. Становление русской научной международно-правовой диаспоры в Берлине (20-е гг. XX столетия). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2014;(4):337–346.

¹³ Shiryayev A., Aushkap D. Digital Technology Research of the Number of Scientific Diaspora. *Advances in Social Science. Education and Humanities Research*. 2019;(240):1–4. <https://doi.org/10.2991/sicni-18.2019.91>

¹⁴ Артюхин М.И., Меевская О.А. Научная диаспора как ресурс развития белорусской науки. *Социологический альманах*. 2012;(3):363–371.

¹⁵ Czerniawska D., Bochińska M., Oleśkiewicz P., Mostowy R. Beyond Recognition: Polish Scientific Diaspora as a Source of Social Capital [Электронный ресурс]. Available at: <https://elck.ru/3N4kxZ> (accessed 19.05.2025).

¹⁶ Shin G.-W., Moon R.J. From Brain Drain to Brain Circulation and Linkage. Stanford; 2018. Available at: <https://fsi.stanford.edu/publication/brain-drain-brain-circulation-and-linkage> (accessed 19.05.2025).

¹⁷ Зонова Т.В. Модернизация дипломатической службы Италии [Электронный ресурс]. МГИМО.ru. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/168586/> (дата обращения: 13.01.2025).

Речь шла о реформировании практически всего государственного внешнеполитического механизма [19], что, прежде всего, подразумевало смещение акцента с географических направлений реализации внешнеполитических мер на функциональные. Иными словами, точками приложения дипломатических усилий Италии становились в меньшей степени отдельные страны и группы стран, в большей – ключевые сферы международного сотрудничества (экономика, культура, образование, наука и технологии и др.). Создавались конкретные подразделения либо рабочие группы для взаимодействия с зарубежными партнерами. Таким образом, в корне менялся принцип организации внешнеполитической деятельности.

Имплементация «Системы Италии» ознаменовала новый этап в развитии национальной экономической дипломатии [19], а равно в гуманитарном измерении работы центрального аппарата МИД Италии и сети его загранучреждений. Продвигаемая парадигма, безусловно, не могла не сказаться на проводниках «мягкой силы» и культурной дипломатии Рима [17; 18]. Принципиальной инновацией стало введение в официальный нарратив понятия научной дипломатии.

До 2011 года научная дипломатия, будучи сравнительно новой категорией и в мировой политике, и в науке [1], фигурировала преимущественно в экспертном дискурсе. В рамках реформы была создана специализированная платформа *Innovitalia*, позиционируемая как центральный портал итальянской научной дипломатии¹⁸. На главном сайте МИД последняя вместе с культурной дипломатией включены в состав четырех тематических макроблоков¹⁹, что свидетельствует о высокой приоритетности научной дипломатии как инструмента и составной части внешней политики Италии. Отмечается, что работа в этой части ведется скоординированно Министерствами иностранных дел, а также университетов и исследований Италии (аналог российского Минобрнауки).

Анализ текущего положения дел сообществ итальянских ученых за рубежом призван не только заполнить имеющуюся лакуну в научном секторе диаспоро- и эмигрантоведения, но и рассмотреть актуальные практики, которые могут быть использованы для совершенствования механизмов взаимодействия с аналогичными сообществами, включая российские научные диаспоры за границей, причем как в теоретическом, так и в практическом ключе [20].

Материалы и методы. В рамках поиска ответа на исследовательский вопрос и для проверки рабочей гипотезы была реализована следующая методология. На первом этапе работы на базе официальных итальянских источников и специализированной литературы рассматривались место и роль научной дипломатии Рима в контексте новой концепции внешней политики «Система Италия», в частности ее институциональная инфраструктура, количественные и географические характеристики сети научных атташатов.

На втором этапе исследовались 24 ассоциации итальянских ученых за рубежом, список которых приведен на официальном сайте МИД Италии²⁰. Подробно анали-

¹⁸ INNOVITALIA. Il portale della diplomazia scientifica [Электронный ресурс]. Available at: <https://innovitalia.esteri.it/> (accessed 13.01.2025).

¹⁹ Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.esteri.it/it/> (accessed 13.01.2025).

²⁰ Associazioni di ricercatori italiani all'estero [Электронный ресурс]. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Available at: https://www.esteri.it/it/diplomazia-culturale-e-diplomazia-scientifica/cooperscientificatecnologica/ricercatoriscienziati_ita_estero/ (accessed 13.01.2025).

зировались их информационные ресурсы – веб-сайты и страницы в социальных сетях (при наличии) – в целях составления общих профилей и определения ряда частных параметров (даты образования, численности членов, структуры состава участников по отраслям научной деятельности, хроники проведения мероприятий и информационной активности).

Во многих случаях имеющиеся ресурсы не давали необходимой информации. Для получения недостающих сведений либо уточнения устаревших (особенно в части количественных показателей членства) инициировались выборочные полуструктурированные интервью с руководителями и ответственными лицами всех ассоциаций с просьбой осветить деятельность возглавляемых ими структур на соответствующих участках. Поскольку в настоящее время контакты с представителями российского научного сообщества, в том числе неформальный обмен данными, некоторыми странами Запада, включая Италию, не поощряются, проведенные девять встреч видятся вполне удовлетворительным результатом.

На третьем этапе для верификации полученных данных проводились аналогичные по форме полуструктурированные интервью с атташе по науке, а также с атташе по вопросам освоения космоса, работающими при посольствах, консульствах и постоянных представительствах Италии в структуре международных организаций. Все участники – представители как научного, так и дипломатического сообщества – были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Обращения были разосланы во все диппредставительства Рима, где имелись подобные посты²¹. В итоге были проинтервьюированы 27 лиц: 15 атташе в странах, где функционируют исследованные на предыдущем этапе ассоциации ученых-соотечественников, и 12 в странах, где подобные структуры пока отсутствуют. В первом случае требовалось оценить взаимодействие с «подшефными» научно-диаспоральными организациями и эффективность такой работы; во втором – прокомментировать отсутствие, а также целесообразность и перспективы создания подобных учреждений в обозримом будущем.

Аналитический инструментарий исследования включал в себя как количественные, так и качественные методы обработки данных. Использование количественных (методов дескриптивной статистики и сравнительного анализа показателей) позволило провести статистическую обработку демографических параметров с привлечением современных программных средств (Microsoft Excel), оценить эффективность взаимодействия ассоциаций и спектр научных направлений их деятельности. Качественный анализ реализовывался посредством систематизации ответов информантов, кодирования текстовых данных и выделения тематических категорий. Комплексный подход обеспечил надежность полученных результатов и их репрезентативность.

Ограничения методологии исследования обусловлены рядом факторов, а именно относительно низким откликом отдельной категории респондентов, возможной субъективностью оценок участников, неполным доступом к определенным информационным ресурсам, а также влиянием политических факторов на готовность к сотрудничеству.

²¹ Addetti ed Esperti Scientifici [Электронный ресурс]. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Available at: <https://www.esteri.it/it/diplomazia-culturale-e-diplomazia-scientifica/cooperscientificatecnologica/reteaddettiscientificitecnologici/> (accessed 13.01.2025).

Результаты исследования. *Научная дипломатия в концепции «Система Италии».* В структуре Генерального управления по продвижению «Системы Италии» непосредственно занимаются проблематикой научной дипломатии три отдела²². Один из них отвечает за реализацию рамочных соглашений с 14 государствами: Бразилией, Вьетнамом, Египтом, Индией, КНР, Мексикой, Польшей, Республикой Кореей, Сербией, Сингапуром, США, Черногорией, Швецией, ЮАР²³. В качестве двух отдельных приоритетных треков выделяются итало-германское и итало-израильское международное научно-техническое сотрудничество²⁴.

При посольствах, консульствах и постоянных представительствах Италии при международных организациях в настоящее время работают 43 атташе по науке, назначаемых из числа видных ученых в различных областях науки (в большинстве случаев физики, химики, биологи). Наряду с ними имеются пять позиций атташе по вопросам освоения космоса при постпредствах Италии в Брюсселе и Париже, а также при посольствах в Вашингтоне, Праге и Токио²⁵.

Представляется, что наличие такой институционально развитой научно-дипломатической инфраструктуры, сформированной в течение последних полутора десятилетий, может расцениваться в качестве предпосылки для создания механизмов консолидации итальянских научных диаспор и упрощения коммуникации их представителей как между собой, так и с итальянскими уполномоченными органами и научными центрами.

Ассоциации итальянских ученых за рубежом. В результате изучения информации официальных ресурсов Фарнезины были обнаружены 24 ассоциации итальянских ученых за рубежом, функционирующие в Австралии, Бразилии, Великобритании, Дании, Израиле, Испании, Канаде, КНР, Мексике, Сербии, Сингапуре, США, Франции, ФРГ, Швейцарии, Уругвае, ЮАР, Японии. При этом в США их насчитывается четыре, в Канаде, Швейцарии и ЮАР – по две. У каждой имеется веб-сайт, однако у пяти на протяжении исследования они не были доступны. В связи с этим мы также обращались к страницам исследуемых структур в социальных сетях.

Проведенный анализ ресурсов при его различной глубине, обусловленной полнотой первичных данных, позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, за исключением двух старейших из ныне действующих объединений – в США (ISSNAF²⁶, основано в 2007 г.) и канадской провинции Квебек (*CSIC: Comunità Scientifica Italiana in Canada – Québec*, основано в 2008 г.), остальные создавались в период с 2014 по 2021 г. У большинства даты основания указаны в имеющихся в открытом доступе уставных документах. В шести случаях такие даты отсутствуют, однако новостные ленты позволяют реконструировать важные точки активности ассоциаций и отнести начало ее функционирования к указанному выше временному отрезку. Как правило, в соответствии с законодательством стран пребывания официальному учреждению и регистрации предшествует некоторая

²² Cosa facciamo [Электронный ресурс]. INNOVITALIA. Il portale della diplomazia scientifica. Available at: https://innovitalia.esteri.it/pagina_innovitalia/cosa-facciamo (accessed 13.01.2025).

²³ Lista protocolli in vigore [Электронный ресурс]. INNOVITALIA. Il portale della diplomazia scientifica. Available at: https://innovitalia.esteri.it/pagina_innovitalia/lista-protocolli-in-vigore/ (accessed 13.01.2025).

²⁴ Diplomazia scientifica [Электронный ресурс]...

²⁵ Ibid.

²⁶ ISSNAF. Italian Scientists and Scholars in North America Foundation [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.issnaf.org/> (accessed 13.01.2025).

неформальная организационная активность (от нескольких месяцев до трех лет), свидетельства которой представлены в социальных сетях.

Во-вторых, несмотря на отсутствие заявлений об упразднении, реорганизации, прекращении или приостановке деятельности, на ресурсах 11 из 24 ассоциаций в течение последних трех лет не размещались ни пресс-релизы, ни какие-либо другие сведения о проведенных мероприятиях. В отдельных случаях последние такие материалы датируются 2016–2019 или 2021 гг. Попытки связаться с представителями организаций по указанным на исследуемых ресурсах контактам для выяснения обстоятельств наблюдаемого «анабиоза» результатов не дали.

В-третьих, лишь на четырех ресурсах организаций указано количество членов: упомянутой выше ISSNAF – 3 600²⁷, сравнительно молодой (основана в 2021 г.) ассоциации итальянских ученых в Дании – 200²⁸, ассоциации итальянских ученых в КНР – 134 (данные за 2018 г.; последний пресс-релиз от 2021 г.)²⁹ и одной из двух ассоциаций в Швейцарии – 58³⁰. Хотя на информационных ресурсах остальных ассоциаций имеются данные о руководстве и составе советов, оценить численность участников на основе открытых источников не представляется возможным.

Для получения необходимых сведений проводились полуструктурированные интервью с представителями организаций, чьи координаты имелись на сайтах. Численность оценивалась на уровне 1000–1500 человек (Техас, Майами, Франция); 500–700 (Великобритания, Германия, Израиль); менее 100 человек, притом иногда приблизительно, например «...несколько десятков человек» (Япония, Бразилия, Западная Канада). Думается, эти показатели могут коррелировать с общей численностью итальянских научных диаспор (включая нечленов исследуемых ассоциаций) в соответствующих странах. По Китаю данные так и не были актуализированы.

В-четвертых, в большинстве случаев проанализированные ресурсы дают достаточно четкое понимание о причастности членов ассоциаций к научной деятельности. Чаще всего разбивка осуществляется по трем основным категориям в соответствии с рекомендациями Европейского исследовательского совета (*European Research Council*): социальные и гуманитарные науки, науки о жизни, физика и инженерия³¹.

Агрегированные данные, собранные в том числе путем интервью с представителями указанных ассоциаций, таковы: порядка 37 % их членов составляют физики и инженеры, 26 – химики, 18 – биологи и медики, 11 – гуманитарии, 8 % – специалисты в других областях научного знания. Эта отраслевая структура может отражать общую картину научной эмиграции из Италии и ее востребованность в странах пребывания.

В-пятых, слаженность работы ассоциаций итальянских ученых за рубежом с МИДом Италии, а также первичная качественная оценка эффективности такой работы характеризуется выделенными параметрами:

²⁷ Connect [Электронный ресурс]. ISSNAF. Italian Scientists and Scholars in North America Foundation. Available at: <https://www.issnaf.org/members> (accessed 13.01.2025).

²⁸ ARSID – Associazione Ricercatori e Scienziati Italiani in Danimarca [Электронный ресурс]. Available at: <https://sites.google.com/view/arsid/about-arsid?authuser=0> (accessed 13.01.2025).

²⁹ I nostri soci [Электронный ресурс]. Accademicicina. Available at: <https://accademicicina.wordpress.com/chi-siamo/i-nostri-soci/> (accessed 13.01.2025).

³⁰ Chi siamo [Электронный ресурс]. Società degli Accademici Italiani in Svizzera. Available at: <https://www.saisitalia.ch/chi-siamo> (accessed 13.01.2025).

³¹ L'associazione/A associação [Электронный ресурс]. Available at: <https://aribitalia.wordpress.com/arib/>; ARSID – Associazione Ricercatori e Scienziati Italiani in Danimarca ...

а) наличием атташе по науке и/или по вопросам освоения космоса при посольстве Италии в стране, где работает ассоциация, либо при консульстве, к округу которого относится место ее расположения. Такая позиция имеется в 22 из 24 случаев – за исключением Копенгагена, где ассоциация была создана благодаря содействию «почетного атташе по науке» (вероятно, аналог института почетного консула), профессора Л. Де Шифра³², и Монтевидео;

б) информацией о взаимодействии ассоциации с дипломатическими миссиями. В 18 из 24 случаев на информационных ресурсах присутствовало прямое указание на сотрудничество организации с итальянским посольством и/или с атташе по науке; в 11 – ссылки на концепцию «Система Италия». На вопрос в рамках интервью: «Часто и тесно ли вы взаимодействуете с посольством вашей страны?» все полученные ответы (9 из 24) были исключительно утвердительными и положительными;

в) эффективностью взаимодействия, которую респондентам было предложено оценить по шкале от 0 до 100 баллов. Восемь полученных ответов варьировались в диапазоне от 55 до 100 % при среднем значении 74 %. Один респондент воздержался, дав, однако, ответы по остальным пунктам интервью.

Позиции атташе итальянских диппредставительств по вопросам взаимодействия с научной диаспорой. На следующем этапе исследования проводились полуструктурированные интервью с атташе по науке, а также с атташе по вопросам освоения космоса при посольствах, консульствах и постоянных представительствах при международных организациях с целью выяснения их позиции по тематике взаимодействия с научными диаспорами.

Первую группу составили дипломатические агенты в странах, где действуют рассматриваемые ассоциации итальянских ученых. Главный вопрос касался оценки взаимодействия данных сторон и эффективности такой работы. Девять из 15 интервьюируемых в целом удовлетворены результатами функционирования научно-диаспоральных структур, в то время как пять отметили ряд бюрократических и административных проблем. Речь шла о недостатках коммуникации между членами организаций, что отчасти объяснялось широтой географии стран пребывания, различной специализацией членов, нередко – недостаточной информированностью потенциальных новых участников о наличии исследуемых институтов и преимуществах участия в них.

В результате, как отметили респонденты, и экстенсивный, и интенсивный пути роста количества ассоциаций демонстрируют достаточно слабую динамику. При этом, что любопытно, жалоб на нехватку выделяемого уполномоченными органами финансирования высказано не было. Основная проблема, по словам интервьюируемых, сводится к недостаткам информационно-коммуникационной работы, которая остро нуждается в оптимизации. Еще одно немаловажное обстоятельство – высокая степень интеграции членов итальянских научных диаспор в академические сообщества принимающих стран, что отрицательно сказывается на стимулах взаимодействия с соотечественниками и академическим сообществом родной страны. Один из респондентов, будучи недавно назначенным на должность атташе по науке, затруднился ответить, сославшись на короткий период наблюдений.

³² Ibid.

Вторую группу образовали дипломаты, занимающие аналогичные посты в странах, где пока нет институционально оформленных научно-диаспоральных структур. Им был задан вопрос о причинах отсутствия таких структур и потенциале для их создания.

Были проведены 12 интервью. Девять человек заявили о том, что соответствующая работа ведется и в скором времени стоит ожидать появления ассоциаций, объединяющих итальянских научных работников в странах, где они трудятся. Трое же тактично отметили, что учреждение названных организаций, возможно, и будет со временем включено в повестку, однако в настоящее время не относится к приоритетам их оперативной работы.

Обсуждение и заключение. В рамках ответа на исследовательский вопрос было выявлено, что реализация реформы «Система Италия» начиная с 2011 г. значительно сказалась на консолидации итальянских научных диаспор за рубежом и способствовала созданию 22 из 24 ныне действующих ассоциаций ученых-соотечественников в различных странах – от Австралии до Японии.

Вместе с тем одиннадцать таких ассоциаций в течение последних трех лет не демонстрировали активности. Это может косвенно свидетельствовать о том, что, будучи изначально учрежденными на волне активизации научно-дипломатической деятельности Рима по образцу аналогичных структур в других государствах, они не смогли перерасти в механизмы именно самообъединения членов итальянских научных диаспор. Иными словами, инициатива сверху не получила должного отклика, в результате чего на текущем этапе уместно говорить о нераспоротности соответствующих организаций. Тем самым подтвердилась рабочая гипотеза исследования.

Таким образом, для того чтобы консолидировать научную диаспору, административных мер недостаточно. Для этого требуются, во-первых, объективные предпосылки, и прежде всего желание ученых интегрироваться не только в научную среду и систему высшего образования государства пребывания, но и поддерживать связи между собой, а также с исторической родиной (или, если угодно, «научной» родиной). Во-вторых, – энтузиазм и стремление к нетворкингу отдельных научных работников на местах. Профильные механизмы, создаваемые для галочки, как правило, недолговечны – об этом ярко и наглядно свидетельствует итальянский опыт. Думается, что это заключение, подкрепленное проанализированным эмпирическим материалом, может представлять практическую пользу для лиц, принимающих решения в области научной и внешней политики как в России, так и за рубежом при разработке комплексных и долгосрочных стратегий работы с научными диаспорами.

Развитие научных диаспор как стратегия может выступать компонентом национальных систем научной дипломатии и способствовать повышению эффективности их функционирования. Наряду с другими факторами (охват, количество, частота проведения и масштаб мероприятий) результативность деятельности государства в лице дипломатических институтов и научных учреждений в контексте формирования путей взаимодействия с учеными-эмигрантами может служить одним из параметров оценки успеха того или иного выбранного научно-дипломатического курса.

Обозначенное направление работы естественным образом вписывается в два из трех макроразделов научной дипломатии – в «дипломатию для науки» (упрощение

процесса международного научного сотрудничества дипломатами) и «науку для дипломатии» (использование учеными и дипломатами научных альянсов в целях улучшения дву- и многосторонних отношений между странами) [1; 8].

Перспективы дальнейшего развития систем научной дипломатии, в том числе итальянской, будут во многом определяться смычкой между двумя названными разделами. В свою очередь, ее укреплению и возможному проявлению синергетического эффекта может способствовать последовательная работа государств и академических кругов с научными диаспорами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Райнхардт Р.О., Панов А.Н. «Дипломатия для науки» в интерпретации российских научных и дипломатических работников. *Полис. Политические исследования*. 2022;(2):115–129. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.09>
2. Райнхардт Р.О., Маслова Е.А. Государственная политика Италии в области науки и образования. *Вестник Брянского государственного университета*. 2017;(1):72–76. URL: <https://clck.ru/3N4Xfu> (дата обращения: 19.05.2025).
3. Райнхардт Р.О., Маслова Е.А. Некоторые особенности научной и образовательной политики Италии на современном этапе. *Среднее профессиональное образование*. 2017;(4):58–60. <https://www.elibrary.ru/yujtkr>
4. Sbalchiero S. Scienziati italiani all'estero: i numeri delle parole. *La Rivista delle Politiche Sociali*. 2017;(4):103–121. Available at: <https://www.futura-editrice.it/wp-content/uploads/2019/09/07sbalchiero.pdf> (accessed 19.05.2025).
5. Sbalchiero S., Tuzzi A. Italian Scientists Abroad in Europe's Scientific Research Scenario: High skill migration as a resource for development in Italy. *International Migration*. 2017;55(4):171–187. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/toc/14682435/2017/55/4> (accessed 19.05.2025).
6. Малахов В.А., Васильева И.Н., Белов Ф.Д. Структура международной миграции ученых на примере России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020;13(5):232–246. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.14>
7. Аллахвердян А.Г. Кадровый спад в технических и естественных науках и эмиграция российских исследователей. *Наука и инновации*. 2020;(8):80–83. URL: <https://clck.ru/3N4eoM> (дата обращения: 19.05.2025).
8. Малахов В.А., Смирнова А.В. Взгляд из-за рубежа: проблемы и перспективы взаимодействия с русскоязычной научной диаспорой. *Управление наукой и наукометрия*. 2019;14(4):584–611. URL: [https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2019/4\(34\).pdf](https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2019/4(34).pdf) (дата обращения: 19.05.2025).
9. Безвербный В.А. Российская научная диаспора в зарубежных странах: масштабы и причины «утечки умов» на современном этапе. *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2018;(4/5):26–34. <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2018-4-5-03>
10. Юревич М., Еркина Д., Цапенко И. Измерение международной мобильности российских ученых: библиометрический подход. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020;9(64):53–62. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-53-62>
11. Subbotin A., Aref S. Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996–2020. *Scientometrics*. 2021;(126):7875–7900. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11192-021-04091-x> (accessed 19.05.2025).
12. Симаворян А. Политика Азербайджана по взаимодействию государства и диаспоры: научно-образовательная и информационная сферы. *21-й век*. 2018;(4):79–91. URL: http://www.intelros.ru/pdf/21_vek/2018_04/7.pdf (дата обращения: 19.05.2025).
13. Gëdeshi I., King R. The Albanian scientific diaspora: can the brain drain be reversed? *Migration and Development*. 2019;10(1):19–41. <https://doi.org/10.1080/21632324.2019.1677072>
14. Владимирова Д.А. Японская диаспора в общественно-политической жизни США (вторая половина XX–XXI вв.). *Известия Восточного института*. 2023;(2):23–35. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/23-35>

15. Echeverría-King L.F., Camacho Toro R., Figueroa P. at al. Organized Scientific Diaspora and Its Contributions to Science Diplomacy in Emerging Economies: The Case of Latin America and the Caribbean. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. 2022;(7):893593. <https://doi.org/10.3389/frma.2022.893593>
16. Бокерия С.А., Данилов В.В. Особенности культурной дипломатии Италии на современном этапе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019;19(4):643–653. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kulturnoy-diplomatii-italii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 19.05.2025).
17. Пономарев А.Д. «Система Италия» как основа культурной дипломатии современной Италии. *Аллея Науки*. 2021;55(4):837–840. URL: <https://clck.ru/3N4ocF> (дата обращения: 19.05.2025).
18. Табаринцева-Романова К.М. «Цифровой поворот» в культурной дипломатии Италии. *Власть*. 2022;(6):253–257. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-povorot-v-kulturnoy-diplomatii-italii> (дата обращения: 19.05.2025).
19. Райнхардт Р.О. «Система Италия» как пример инновационной экономической дипломатии. *Вестник МГИМО-Университета*. 2015;(6):165–173. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-6-45-165-173>
20. Малахов В.А., Узюмова Н.В. Российская наука на перепутье: волатильность миграционных настроений и новые модели международного сотрудничества. *Социология науки и технологий*. 2024;15(2):122–139. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-2-122-139>

REFERENCES

1. Raynkhart R.O., Panov A.N. Interpretations of “Diplomacy for Science” by Russian Scholars and Diplomats. *Polis. Political Studies*. 2022;(2):115–129. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.09>
2. Raynkhart R.O., Maslova E.A. Italian State Policy in Science and Education. *The Bryansk State University Herald*. 2017;(1):72–76. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3N4Xfu> (accessed 19.05.2025).
3. Reinhardt R.O., Maslova E.A. [Specific Features of Current Scientific and Educational Policy in Italy]. *Secondary Vocational Education (SVE)*. 2017;(4):58–60. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/yujtkr>
4. Sbalchiero S. Scienziati italiani all'estero: i numeri delle parole. *Italian Journal of Social Policy*. 2017;(4):103–121. (In Ital.) Available at: <https://www.futura-editrice.it/wp-content/uploads/2019/09/07sbalchiero.pdf> (accessed 19.05.2025).
5. Sbalchiero S., Tuzzi A. Italian Scientists Abroad in Europe's Scientific Research Scenario: High Skill Migration as a Resource for Development in Italy. *International Migration*. 2017;55(4):171–187. (In Ital.) Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/toc/14682435/2017/55/4> (accessed 19.05.2025).
6. Malakhov V.A., Vasileva I.N., Belov F.D. Structure of International Migration of Researchers. Case Study of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(5):232–246. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.14>
7. Allakhverdyan A. Staff Decline in Technical and Natural Sciences and Emigration of Russian Researchers. *The Science and Innovations*. 2020;(8):80–83. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3N4eoM> (accessed 19.05.2025).
8. Malakhov V.A., Smirnova A.V. A Look from Abroad: Problems and Prospects of Interaction with the Russian Scientific Expatriate Community. *Science Governance and Scientometrics*. 2019;14(4):584–611. (In Russ., abstract in Eng.) URL: [https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2019/4\(34\).pdf](https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2019/4(34).pdf) (дата обращения: 19.05.2025).
9. Bezverbyny V.A. Russian Scientific Diaspora in Foreign Countries: Scales and Factors of “Brain Drain” at the Present Stage. *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*. 2018;(4/5):26–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2018-4-5-03>
10. Yurevich M., Erkina D., Tsapenko I. Measuring International Mobility of Russian Scientists: a Bibliometric Approach. *World Economy and International Relations*. 2020;64(9):53–62. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-53-62>
11. Subbotin A., Aref S. Brain Drain and Brain Gain in Russia: Analyzing International Migration of Researchers by Discipline using Scopus Bibliometric Data 1996–2020. *Sciento-*

- metrics. 2021;(126):7875–7900. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11192-021-04091-x> (accessed 19.05.2025).
12. Simavoryan A. Azerbaijan's Policies Concerning Interaction between the State and Diaspora: Science, Education and Information Areas. *21st Century*. 2018;(4):79–91. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://www.intelros.ru/pdf/21_vek/2018_04/7.pdf (accessed 19.05.2025).
 13. Gëdeshi I., King R. The Albanian Scientific Diaspora: Can the Brain Drain be Reversed? *Migration and Development*. 2019;10(1):19–41. <https://doi.org/10.1080/21632324.2019.1677072>
 14. Vladimirova D.A. The Japanese Diaspora in the Public and Political Life of the United States in the Second Half of the XX–XXI Centuries. *Oriental Institute Journal*. 2023;(2):23–35. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/23-35>
 15. Echeverría-King L.F., Camacho Toro R., Figueroa P. at al. Organized Scientific Diaspora and Its Contributions to Science Diplomacy in Emerging Economies: The Case of Latin America and the Caribbean. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. 2022;(7):893593. <https://doi.org/10.3389/frma.2022.893593>
 16. Bokeriya S.A., Danilov V.V. Cultural Diplomacy of Italy within the EU Cultural Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019;19(4):643–653. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kulturnoy-diplomatii-italii-na-sovremennom-etape> (accessed 19.05.2025).
 17. Ponomarev A.D. [“System Italy” as the Basis of Modern Italy's Cultural Diplomacy]. *Alleya Nauki*. 2021;(4):837–840. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3N4ocF> (accessed 19.05.2025).
 18. Tabarintseva-Romanova K.M. “Digital Turn” in Cultural Diplomacy. *Vlast'*. 2022;(6):253–257. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-povorot-v-kulturnoy-diplomatii-italii> (accessed: 19.05.2025).
 19. Raynkhardt R.O. “Italy System” as a Case of Innovative Economic Diplomacy. *MGIMO Review of International Relations*. 2015;(6):165–173. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-6-45-165-173>
 20. Malakhov V.A., Uzyumova N.V. Russian Science at the Crossroads: the Volatility of Migration Sentiment and New Models of International Cooperation. *Sociology of Science and Technology*. 2024;15(2):122–139. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2024-2-122-139>

Об авторах:

Райнхардт Роман Отмарович, кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой дипломатии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0890-8844>, Researcher ID: F-3523-2016, Scopus ID: 57193744803, SPIN-код: 8974-3536, don.reinhardt@mail.ru

Немудров Константин Алексеевич, аспирант кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1651-8563>, nemudrov.k.a@my.mgimo.ru

Вклад авторов:

Р. О. Райнхардт – разработка концепции; научное руководство; формальный анализ; написание рукописи – рецензирование и редактирование; визуализация данных.

К. А. Немудров – разработка методологии; сбор данных; написание черновика рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.01.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

About the authors:

Roman O. Reinhardt, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Head of Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation), ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0002-0890-8844>, ResearcherID: F-3523-2016, ScopusID: 57193744803, SPIN-code: 8974-3536, don.reinhardt@mail.ru

Konstantin A. Nemudrov, Postgraduate, Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation), ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1651-8563>, nemudrov.k.a@my.mgimo.ru

Contribution of the authors:

R. O. Reinhardt – conceptualization; research supervision; data analysis; editing and finalization of the text; data visualization.

K. A. Nemudrov – methodology development; data collection; writing the original text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 23.01.2025; revised 31.03.2025; accepted 07.04.2025.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.483-499>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/dzlytw>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 327-048.87 (479.22) (73)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Грузия и США: региональные последствия партнерства для Южного Кавказа

А. К. Дудайти

*Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова
(г. Владикавказ, Российская Федерация)
adudaiti@mail.ru*

Аннотация

Введение. Южный Кавказ сохраняет статус зоны геополитического соперничества США, России, Китая и Европейского Союза, обусловленный его ролью в энерготранзите и военном балансе между Востоком и Западом. Грузино-американское партнерство выступает определяющим фактором региональной динамики, однако его последствия для политики, обороны и экономики Южного Кавказа остаются недостаточно изученными. Цель – выявить масштабы и направления влияния американо-грузинского сотрудничества на региональные процессы.

Материалы и методы. Исследование основано на анализе межправительственных соглашений (2008–2024 гг.), стратегических документов, статистики и медиадискурса. Применен комплекс качественных методов: историко-политический анализ этапов партнерства; сравнительная оценка реакций Армении, Азербайджана, России, Турции, Ирана; критический дискурс-анализ риторики безопасности; ивент-анализ ключевых инициатив (учений, инфраструктурных проектов).

Результаты исследования. Грузия столкнулась с рядом стратегических дилемм. Укрепление оборонного потенциала через поставки Javelin (переносного ракетного комплекса) и учения Noble Partner («Достойный партнер») усилило зависимость от США. Экономические проекты превратили страну в транзитный узел, но создали конкуренцию с Азербайджаном. Россия нарастила базу в Гюмри, Иран развил транспортный коридор, Китай активизировал свои инициативы. Все это привело к росту поляризации общества, ограничению автономии и повышению санкционных рисков.

Обсуждение и заключение. Партнерство с США обеспечило Грузии модернизацию инфраструктуры и вооруженных сил, но сделало ее зависимой от внешней конъюнктуры. Для обеспечения устойчивости Южному Кавказу необходимы диверсификация внешнеполитических стратегий и сбалансированное взаимодействие с региональными акторами. Результаты применимы для разработки стратегий энергобезопасности и управления транзитными рисками.

© Дудайти А. К., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: американо-грузинские отношения, безопасность Южного Кавказа, военно-техническое сотрудничество, энергетический транзит, геополитическая конкуренция, транскаспийский коридор, стратегическое партнерство, региональный баланс сил

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дудайти А.К. Грузия и США: региональные последствия партнерства для Южного Кавказа. *Регионология*. 2025;33(3):483–499. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.483-499>

Georgia and the USA: Regional Implications of Partnership for the South Caucasus

A. K. Dudaiti

*North Ossetian State University
(Vladikavkaz, Российская Федерация)
adudaiti@mail.ru*

Abstract

Introduction. The South Caucasus remains an area of geopolitical rivalry between the United States, Russia, China, and the European Union, driven by its role in energy transit and the East-West military balance. The Georgian-American partnership is a defining factor in regional dynamics, but its implications for the politics, defense, and economy of the South Caucasus remain understudied. The goal is to identify the scope and direction of the influence of US-Georgian cooperation on regional processes.

Materials and Methods. The research is based on an analysis of intergovernmental agreements (2008–2024), strategic documents, statistical data, and media discourse. A set of qualitative methods was applied: historical-political analysis of partnership phases; comparative assessment of responses from Armenia, Azerbaijan, Russia, Turkey, and Iran; critical discourse analysis (CDA) of security rhetoric; and event analysis of key initiatives (military exercises, infrastructure projects).

Results. Georgia has faced strategic dilemmas: enhancing defense capabilities through Javelin missile supplies and the Noble Partner exercises has increased its dependence on the US. Economic projects have transformed the country into a transit hub but have also created competition with Azerbaijan. Russia has reinforced its base in Gyumri, Iran has developed a transport corridor, and China has intensified its initiatives. Collectively, these developments have contributed to heightened societal polarization, constrained autonomy, and increased sanctions risks for Georgia.

Discussion and Conclusion. While the partnership with the US has facilitated infrastructure and armed forces modernization for Georgia, it has also rendered the country vulnerable to external market conditions. Ensuring the resilience of the South Caucasus necessitates the diversification of foreign policy strategies and balanced engagement with regional actors. These findings are applicable for developing energy security strategies and managing transit risks.

Keywords: US-Georgian relations, South Caucasus security, military-technical cooperation, energy transit, geopolitical competition, Trans-Caspian corridor, strategic partnership, regional balance of power

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Dudaiti A.K. Georgia and the USA: Regional Implications of Partnership for the South Caucasus. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(3):483–499. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.483-499>

Введение. Усиление конкуренции мировых держав на Южном Кавказе отражается на уровне безопасности, экономических перспективах и повседневной жизни населения региона. Грузия, вовлеченная в процессы евро-атлантической интеграции, сталкивается с вызовами, связанными с внутренней политической поляризацией, миграционными процессами, рисками социального неравенства и угрозами энергетической зависимости. Эти факторы делают изучение последствий внешнеполитических ориентаций не только актуальным с точки зрения международных отношений, но и значимым для понимания социального развития общества.

В условиях стремительной трансформации глобальной политической системы и усиления международной конкуренции на постсоветском пространстве исследовательский интерес сосредоточен на региональных последствиях стратегического взаимодействия Грузии и Соединенных Штатов Америки для стран Южного Кавказа¹. Территория, включающая в себя Армению, Азербайджан и Грузию, располагается между Восточной Европой и Западной Азией и выступает ареной для столкновения различных внешних интересов, в том числе устремлений Китайской Народной Республики (КНР). Играющий важную роль в экономических и геополитических процессах в регионе Китай значительно влияет на динамику его развития через инициативы Пояс и путь (англ. *Belt and Road Initiative*)².

Интенсивный темп сотрудничества Тбилиси и Вашингтона в таких сферах, как оборона, энергетическая безопасность и политическое партнерство, создают основу для трансформации регионального баланса сил, что требует углубленного анализа и всесторонней оценки потенциальных рисков и перспектив. В связи с этим необходимо учитывать активное внешнеполитическое участие и других значимых игроков – России, Турции, Ирана, а в последнее время также Китая.

Анализ грузино-американского взаимодействия позволяет выявить, как международное сотрудничество влияет на формирование устойчивых институтов, обеспечение прав и свобод граждан, а также развитие региональной инфраструктуры. Таким образом, данное исследование приобретает прикладное значение: его результаты могут быть полезны при разработке стратегий по укреплению социальной стабильности, формированию механизмов предотвращения конфликтов и выработке долгосрочных моделей интеграции стран Южного Кавказа в мировое сообщество.

Научная новизна исследования заключается в систематизации ключевых аспектов грузино-американских отношений, их влияния на политическую стабильность и стратегическое положение Южного Кавказа, а также в оценке воздействия этой кооперации на региональные процессы с учетом интересов внешних акторов (России, Турции, Ирана и КНР). Цель статьи – комплексное изучение политических и социально-экономических последствий сотрудничества Грузии и США для стран Южного Кавказа. Для достижения заявленной цели проведен анализ приоритетных направлений грузино-американского партнерства, механизмов их влияния на политическую динамику в регионе, а также разработаны возможные сценарии развития ситуации в контексте углубления двустороннего сотрудничества.

Объектом исследования являются международные отношения на Южном Кавказе, предметом – региональные последствия грузино-американского взаимодействия для политической и экономической стабильности региона. Комплексный подход к изучению геополитической динамики на территории Южного Кавказа в условиях внешнеполитического вектора Грузии, направленного на сближение с США, позволяет глубже понять трансформационные процессы, происходящие в регионе.

¹ German T., Kakachia K., Jones S.F. (eds.) *Georgia's Foreign Policy in the 21st Century: Challenges for a Small State*. London; New York: Bloomsbury Academic (I.B. Tauris); 2022. Pp. 217–235 ; Cornell S.E., Starr S.F. (eds.) *The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia*. Armonk, New York: M.E. Sharpe; 2009 (reprint: Routledge / Taylor and Francis). Pp. 3–6.

² Kohli H.S., Linn J.F., Zucker L.M. (eds.) *China's Belt and Road Initiative: Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications; 2022. Pp. 180–195.

Обзор литературы. В последние десятилетия Южный Кавказ привлекает особое внимание исследователей в области международных отношений и геополитики. Это обусловлено необходимостью тщательно проанализировать факторы, влияющие на стабильность региона в условиях глобальных трансформаций и локальных конфликтов. В сложившейся ситуации американо-грузинские отношения выступают значимым элементом, определяющим динамику региональных процессов и влияющим на формирование баланса сил на Южном Кавказе.

Г. Чавлеишвили и Е. Джапаридзе, фокусируясь на региональном развитии Южного Кавказа, подчеркивают, что укрепление американо-грузинских связей способствует изменению баланса сил в регионе [1]. Методология их исследования основана на сравнительном анализе, однако недостаточно внимания уделено внутренним факторам, влияющим на стабильность.

В. Гусейнов акцентирует изменения в архитектуре региональной безопасности, опосредованные внешними акторами, включая США³. Теоретический вклад заключается в анализе концепции «нового порядка безопасности», но последствия локальных конфликтов несколько упущены из рассмотрения.

Работа Ф. Смольника⁴ изучает стратегическое партнерство США и Грузии, предлагая уникальный взгляд на долгосрочные перспективы сотрудничества. Тем не менее автор ограничивается анализом политических аспектов в ущерб экономическим нюансам.

В статье З. Маликовой рассматривается политика России на Южном Кавказе с акцентом на конкуренции с США [2]. Продемонстрировано, как американо-грузинское сотрудничество подрывает российское влияние, однако не затрагивается вопрос о возможностях взаимодействия этих держав.

М. Асадов концентрируется на совместных действиях Турции и России. Указывается, что партнерство США и Грузии усиливает геополитическую конкуренцию [3]. Сделан вывод о важности трехстороннего сотрудничества для снижения напряженности.

М. Кенджаева и М. Бахадиров анализируют стратегическую значимость региона для Турции и США, выделяя экономические и транспортные факторы⁵. Однако значение культурных и социальных факторов для стабильности ситуации остается за рамками их исследования.

В работе П. Гелашвили рассматривается влияние иностранных интересов на территории Грузии, населенные этническими меньшинствами [4]. Показано, что американо-грузинские инвестиционные проекты способствуют экономическому развитию. При этом не затрагивается вопрос о долгосрочной устойчивости таких инициатив.

А. Буторов и А. Румянцева выделяют особенности внешней политики США на Южном Кавказе, включая экономическую поддержку Грузии [5]. Методология исследования опирается на контент-анализ политических стратегий. Тем не менее не учитываются возможные риски реализуемой политики.

³ Guseinov V. Geopolitics of the South Caucasus in Fluxes: Towards a New Security Order. *Caucasus. Strategic Perspectives*. 2023;4(2):61–76.

⁴ Smolnik F. The Strategic Partnership between Georgia and the United States: Vision Wanted. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik; 2020. 33 p.

⁵ Kenjaeva M., Bakhadirov M. Geopolitical Analysis of the Significance of the South Caucasus for Interests of Turkey. *British Journal of Global Ecology and Sustainable Development*. 2024;(24):38–44.

Исследования Н. Читадзе⁶ и Х. Хаттенбаха⁷ предлагают различные взгляды на региональную стабильность. Первый автор акцентирует внимание на внешних факторах, второй – на внутренних кризисах, что подчеркивает необходимость комплексного подхода.

Пробелы также выявлены в работах Е. Авдалиани⁸ и Р. Гачечиладзе [6], где недостаточно внимания уделяется связи между экономическим развитием и безопасностью; отсутствует детализированный анализ роли неправительственных организаций в механизмах регионального сотрудничества на Южном Кавказе.

Дополняя упомянутые публикации, статья А. Ирхина и О. Москаленко представляет более широкое и детализированное понимание американской стратегии в Черноморском регионе [7]. В ней подробно рассматривается влияние США на региональную безопасность и экономику, а также соперничество ведущих мировых держав в стратегическом доминировании. Другое их исследование, выполненное в соавторстве с Н. Демешко, сосредоточено на механизмах американского присутствия в регионе, его инструментах и долгосрочных последствиях для геополитической стабильности [8].

Кроме того, в совместном исследовании О. Москаленко, Г. Мурадова, А. Ирхина, Н. Демешко, К. Нагорняка [9] проанализированы влияние Конвенции Монтрё на баланс сил в регионе и возможные перспективы ее пересмотра в контексте текущей международной обстановки. Авторы размышляют о том, каким образом изменения в режиме проливов могут сказаться на стратегических интересах мировых лидеров и безопасности черноморских государств.

В. Манукян, описывая процессы государственного строительства в странах Южного Кавказа в 2017–2022 гг., делает акцент на переходе от конфликта к миру. Однако без должного внимания он оставляет роль международных акторов в этих процессах [10].

В свою очередь, исследование С. Несета и др.⁹ посвящено изменению геополитической ситуации после Второй карабахской войны, а именно перспективам регионального сотрудничества и соперничества. При этом недостаточно глубоко раскрыта степень участия неправительственных организаций. Т. Крюссман фокусируется на «российском факторе» в политике Евросоюза (ЕС) в Черноморско-Кавказском регионе, показывая его влияние на стратегию Брюсселя. Однако автор ограничивается только позицией ЕС, оставляя в стороне значительную роль Турции и Китая [11].

Сложность региональных процессов исследует Й. Ташджян¹⁰. Он сравнивает влияние внешних факторов с гордиевым узлом и подчеркивает многоуровневость международного влияния. Следовало, однако, подробнее рассмотреть интересы местных политических элит.

⁶ Chitadze N. External Factors Related to the New Security Environment in the South Caucasus. In: *New Security Arrangements for the South Caucasus?* Vienna: Study Group Information; 2024. Pp. 125–137.

⁷ Huttenbach H.R. Post-Soviet Crisis and Disorder in Transcaucasia: The Search for Regional Stability and Security. In: *The International Politics of Eurasia*. New York: Routledge; 2024. Pp. 337–368.

⁸ Avdalani E. *New World Order and Small Regions: the Case of South Caucasus*. Singapore: Palgrave Macmillan; 2022. Pp. 165–190.

⁹ Neset S., Aydin M., Ergun A., Giragosian R., Kakachia K., Strand A. *Changing Geopolitics of the South Caucasus after the Second Karabakh War. Prospects for Regional Cooperation and/or Rivalry*. Bergen: Chr. Michelsen Institute; 2023. 72 p.

¹⁰ Tashjian Y. How External Factors are Complicating the “Gordian Knot” of the South Caucasus? In: *New Security Arrangements for the South Caucasus?* Vienna: Study Group Information; 2024. Pp. 107–125.

Долгосрочный взгляд на регион предлагает Д. Резапур, анализируя эволюцию внешней политики России и США в южнокавказском регионе с 2004 по 2024 гг. Однако его исследование ограничивается двусторонними отношениями, исключая вклад других мировых держав [12].

Завершает обзор публикация А. Айвазяна¹¹, в которой проводится анализ перспективы лидерства России, ЕС и Китая в регионе и отмечается его двойственная природа – как вызова, так и возможности. При этом остается не вполне ясным потенциал новых экономических инициатив.

Таким образом, анализ литературы показывает, что геополитическая ситуация на Южном Кавказе остается сложной из-за пересечения интересов глобальных и региональных акторов. После Второй карабахской войны вопросы безопасности и экономического сотрудничества приобрели новое звучание, но в связи с нерешенными конфликтами и внешним влиянием в регионе сохраняется нестабильность. В этом контексте американо-грузинское партнерство играет важную роль: США оказывают Грузии политическую, экономическую и военную поддержку, укрепляя ее позиции. Однако остается открытым ряд вопросов, в том числе долгосрочная устойчивость этих отношений и их влияние на внутренние процессы, что требует дальнейшего изучения.

Материалы и методы. Методологическая база настоящего исследования опирается на смешанный дизайн с приоритетом качественного анализа, что позволяет рассматривать изучаемый феномен в рамках междисциплинарного подхода. Используются элементы структурного и дискурсивного анализа, историко-политической реконструкции, а также кейс-метода. Теоретические основания заложены в трудах представителей критической теории международных отношений и постструктуралистского направления, разрабатывающих подходы к политической идентичности и дискурсивным практикам¹².

Первоначально применялся историко-политический метод, что позволило зафиксировать хронологию формирования партнерства начиная с 2008 г., включая подписание Хартии о стратегическом партнерстве¹³ (2009), развитие военно-дипломатического диалога и участие в западных интеграционных инициативах. Затем – сравнительный анализ стратегий России, Турции, Ирана, Армении и Азербайджана по следующим параметрам: степень военного взаимодействия с внешними центрами силы; политическая риторика в отношении Запада; инфраструктурная связанность с международными проектами. Благодаря этому были выявлены особенности американо-грузинской модели как институционализированного вектора евро-атлантической ориентации¹⁴.

Контент-анализ охватил документы госструктур, аналитические отчеты и публикации в средствах массовой информации за 2008–2024 гг., классифицированные по блокам: безопасность, транзит, оборона, внешнеполитическая

¹¹ Ayvazyan A. The South Caucasus: a Challenge and an Opportunity: Russia, EU and China's Prospects for Regional Leadership. In: Regional Leadership in Post-Soviet Eurasia. New York: Routledge; 2023. Pp. 124–143.

¹² Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press; 1992. 259 p. ; Van Dijk T.A. Ideology and Discourse [Электронный ресурс]. Available at: <https://discourses.org> (accessed 03.11.2024).

¹³ Хартия о стратегическом партнерстве США – Грузия [Электронный ресурс]. Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/1107970> (дата обращения: 03.11.2024).

¹⁴ Барабанов О.Н., Токарев А.И. Геополитика Южного Кавказа: соперничество и партнерство. М.: Аспект Пресс; 2018. 208 с.

идентичность. Учитывались частотность ключевых понятий, тональность высказываний и динамика риторических конструкций.

Дискурсивный анализ политических текстов строился на базе критического дискурса-анализа. Работа осуществлялась в логике трех этапов: описание, интерпретация, объяснение – с фиксацией лингвистических маркеров идентичности, поляризации и символического противостояния. При этом использовались методологические разработки зарубежных исследователей, прежде всего классическая трехэтапная модель анализа, предложенная Н. Фэркло¹⁵, а также современные подходы, представленные в коллективной монографии Р. Водак и М. Мейера¹⁶.

Особое внимание уделялось источникам, раскрывающим специфику проектирования дискурса в политических текстах, о чем пишет Ю. Ирхин¹⁷; когнитивным механизмам идеологической репрезентации, рассмотренным в монографии А. Чудинова¹⁸; а также анализу дискурса в цифровом контексте, представленному в исследовании под редакцией В. Ачкасовой и Г. Мельник¹⁹.

Важный элемент методологии – ивент-анализ, сосредоточенный на оценке влияния отдельных событий (подписания стратегических документов, визитов лидеров, совместных учений) на динамику взаимодействия. Кроме того, применялся кейс-анализ, включавший изучение трех направлений: энергетических проектов (участие США в поддержке Южного газового коридора); транспортной инфраструктуры (программы Millennium Challenge Corporation); оборонного сотрудничества (военные поставки, обучение персонала). Каждый кейс анализировался в разрезе его влияния на устойчивость и зависимость Грузии по отношению к американской повестке.

Обработка эмпирического материала проводилась путем тематического кодирования, контентной категоризации и частотного анализа средствами Microsoft Excel. Дискурсивные конструкции интерпретировались с учетом политического контекста и нарративной функции.

Результаты исследования. *Формирование внешнеполитической идентичности Грузии.* Грузино-американское сотрудничество, начавшееся в 1990-е гг., оказало значительное влияние на формирование внешнеполитической идентичности Грузии в постсоветский период. Признание независимости Грузии в 1991 г. и установление дипломатических отношений в 1992 г. озаменовали стремление США укрепить влияние на Южном Кавказе как в стратегически важном регионе. Предоставляя финансовую и институциональную поддержку, США позиционировали себя в качестве «демократического наставника» страны и активно привлекали международные организации – Национальный демократический институт по международным вопросам (англ. *National Democratic Institute for International Affairs*) и Международный республиканский институт²⁰ (англ. *International*

¹⁵ Fairclough N. *Language and Power*. London: Longman; 1989. 259 p.

¹⁶ Wodak R., Meyer M. (eds.) *Methods of Critical Discourse Analysis*. 2nd ed. London: Sage; 2009. 212 p.

¹⁷ Ирхин Ю.В. *Политический дискурс: анализ, интерпретация, практика*. М.: Аспект Пресс; 2014. 223 с.

¹⁸ Чудинов А.П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)*. Екатеринбург: УрГПУ; 2001. 238 с.

¹⁹ *Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации*. Под ред. В.А. Ачкасовой, Г.С. Мельник. СПб.: Изд-во СПбГУ; 2023. 424 с.

²⁰ Входит в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Republican Institute) – для укрепления прозападных институтов, мониторинга выборов и активизации гражданского общества.

Однако наряду с прозападными изменениями нарастала зависимость грузинской политической системы от американских структур, что породило политическую поляризацию и ограничило самостоятельность страны в выборе курса развития. Это, в свою очередь, сузило пространство для национальных инициатив и усилило американское влияние в ключевых секторах экономики. Например, в 2004 г. США выделили 1 млрд долл. на восстановление экономики и реформы [13], демонстрируя приверженность укреплению стратегического партнерства; программа «Миллениум челлендж» (англ. *Millennium Challenge*), действовавшая с 2006 по 2019 г., предоставила более 420 млн долл. на модернизацию инфраструктуры, включая реконструкцию автодорог и развитие образовательной системы²¹. Названные инициативы способствовали интеграции западных стандартов в управление и образование, значительно повышая институциональный потенциал Грузии.

Ограничение экономической автономии. Экономическая зависимость от западных финансовых структур сделала Грузию уязвимой к внешним изменениям. Реформы, направленные на внедрение стандартов финансового контроля и отчетности, способствовали интеграции молодого государства в глобальные рынки, но при этом ограничили его экономическую автономию. Инвестиции, ориентированные на приоритеты западных партнеров, укрепили энергетическую безопасность Европы и модернизировали грузинскую инфраструктуру, однако уменьшили гибкость страны в выборе собственных экономических стратегий. Это усилило уязвимость Грузии к внешнему экономическому и политическому давлению, заставив балансировать между национальными интересами и обязательствами перед союзниками²².

Программы Агентства США по международному развитию (англ. *United States Agency for International Development, USAID*) оказали значительное влияние на развитие рыночной экономики Грузии и либерализацию ее ключевых секторов, в том числе дерегуляцию и привлечение иностранных инвестиций²³. Налоговые реформы 2006 г.²⁴ создали более благоприятный инвестиционный климат, что способствовало увеличению притока иностранного капитала. Однако такая экономическая открытость усугубила долгосрочную зависимость страны от западных экономических систем, что ограничило ее автономию и сделало уязвимой перед глобальными кризисами²⁵.

Внедрение западных стандартов управления стало центральным элементом американской экономической поддержки, направленной на приведение грузинской

²¹ Avdaliani E. Shifting Global Balance of Power and the South Caucasus. In: *New World Order and Small Regions: The Case of South Caucasus*. Singapore: Springer Nature Singapore; 2022. Pp. 17–71.

²² Дудайти А.К. Геополитическая динамика Южного Кавказа в постсоветскую эпоху. В кн.: *Россия и Иран на Южном Кавказе: опыт исторического взаимодействия и современные проблемы*. Владикавказ: СОГУ им. К. Л. Хетагурова; 2024. С. 196–338.

²³ ჯარაია ვ., შატკიშვილი დ. ამერიკის შეერთებული შტატების როლი ქართულ ეკონომიკაში. თბილისი: თსუ; 2020. 22 გვ.

²⁴ ჰაპასკირი რ. საგადასახადო სისტემის რეფორმა საქართველოში [Электронный ресурс]. საქართველოს ეკონომიკა. Available at: <https://geoeconomics.ge/?p=4097> (accessed 03.11.2024).

²⁵ ცხადაძე ქ. საერთაშორისო სავალუტო ბაზრის ზეგავლენა საქართველოს ეკონომიკაზე. თბილისი: თსუ; 2019. Available at: <https://www.tsu.ge/assets/media/files/48/disertaciebi4/> (accessed 03.11.2024).

политики в соответствии с рекомендациями международных финансовых институтов, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк [14, с. 170–171]. Особенно это проявилось в период пандемии COVID-19²⁶, когда Грузия получила кредит в размере 200 млн долл. для преодоления бюджетного кризиса. Условием предоставления помощи послужила реализация структурных реформ, включая фискальную консолидацию. Данный шаг также относится к числу ограничивающих возможности страны в проведении независимой экономической политики и соответственно усиливающих ее зависимость от внешних заемных средств.

Экономика и геополитическая уязвимость. Экономическое сотрудничество с США в большой мере определило внешнеполитическую траекторию Грузии. Стратегическая ориентация на Вашингтон открывала перспективы модернизации и развития, а вместе с тем обостряла напряженность в отношениях с соседними государствами [15]. Например, разногласия на саммите в Баку в 2019 г. по вопросам распределения энергоресурсов показали трудности в балансировании интересов различных региональных акторов, что частично обуславливалось экономическими инициативами американских партнеров [16].

Стремление США интегрировать экономику Южного Кавказа в глобальные энергетические сети упрочило стратегическое значение Грузии в качестве главного транзитного узла для поставок каспийских энергоресурсов в Европу²⁷, что подтверждено переговорами в Вашингтоне в 2021 г.²⁸. Инвестиции в нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан и газопровод Баку–Тбилиси–Эрзурум не только укрепили экономическое сотрудничество Грузии с западными партнерами, но и повысили зависимость от американских инициатив, а равно и уязвимость перед международными изменениями. Эти проекты выступили основой для диверсификации маршрутов энергопоставок, снижая потребность Европы в российских ресурсах. Однако данная стратегия привела к росту зависимости грузинской экономики от глобальных энергетических рынков и усилила уязвимость страны перед международными кризисами, такими как санкции против России или конфликты на Ближнем Востоке.

В итоге, хотя экономическое сотрудничество с США способствовало укреплению стратегических интересов Вашингтона и трансформации геополитического положения Грузии, оно также ограничило ее стратегическую автономию (табл. 1). Иначе говоря, сделало экономику страны еще более зависимой от глобальной политической и экономической ситуации, что усугубило риски политической нестабильности на фоне возможного обострения международных отношений.

Эволюция военно-технического сотрудничества. Военно-техническое сотрудничество с США – стержневой элемент двусторонних отношений, оказавший значительное влияние на модернизацию вооруженных сил страны (табл. 2). Введении их к стандартам Организации Североатлантического договора (НАТО) и интеграции в западные системы военного планирования важную роль сыграла

²⁶ МВФ одобрил выделение Грузии 200 млн долларов на борьбу с пандемией и ее последствиями [Электронный ресурс]. Новости. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30588928.html> (дата обращения: 03.11.2024).

²⁷ Moghani A.M., Tisheyar M. The Impact of Georgia's Geopolitics on its Regional Position. *Journal of Iran and Central Eurasia Studies*. 2024;7(1):59–80.

²⁸ U.S. Congressmen Call for Stronger Trade, Investment Ties with Georgia [Электронный ресурс]. Civil.ge. Available at: <https://civil.ge/archives/461906> (accessed 03.11.2024).

запущенная в 2002 г. программа «Обучение и оснащение» с бюджетом более 64 млн долл.²⁹ [17, с. 157]. Совместные учения Noble Partner способствовали повышению профессионализма и оперативных способностей армии. После «революции роз» нарастание объемов американской помощи подчеркнуло стратегическую значимость Грузии для Запада, особенно в контексте участия грузинских военных в операциях НАТО («Несокрушимая свобода» и «Свобода Ираку»).

Таблица 1. Экономическое сотрудничество США и Грузии: ключевые проекты и их влияние³⁰
Table 1. Economic Cooperation between the United States and Georgia: Key Projects and their Impact

Годы / Years	Программы / Programs	Сумма, млн долл. / Amount, million \$	Цели и результаты / Goals and Outcomes
1991–2010	Начало помощи через USAID / Start of Assistance through USAID	250	Поддержка независимости, реформы / Support for Independence and Reforms
2001–2010	«Миллениум челлендж», программы безопасности / Millennium Challenge and Security Programs	1000	Инфраструктурные проекты, оборонные программы / Infrastructure Projects and Defense Programs
2011–2020	Финансирование инфраструктуры, поставки вооружений / Infrastructure Funding and Arms Supplies	2000	Образование, модернизация армии / Education and Army Modernization
2021–2023	Обучение военных, модернизация техники / Military Training and Equipment Modernization	500	Укрепление обороноспособности, рост зависимости / Strengthening Defense Capabilities, Increased Dependence

Тем не менее военные поставки современного вооружения требовали тесного взаимодействия с американскими структурами, что усилило зависимость Грузии и ограничило ее военную автономию. Переломным моментом в отношениях между Грузией и США стала война 2008 г., которая привела к признанию Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Она ясно продемонстрировала уязвимость Грузии перед внешними угрозами и акцентировала необходимость активного сотрудничества с западными партнерами. «Хартия о стратегическом партнерстве» закрепила обязательства Вашингтона по обеспечению суверенитета и территориальной целостности Грузии, заложив основу для долгосрочного сотрудничества в сфере безопасности.

В 2011 году в Вазиани был создан учебный центр для подготовки грузинских военных по стандартам НАТО, что улучшило взаимодействие с западными структурами. В 2016 году, с подписанием «Декларации о сотрудничестве в оборонной

²⁹ Georgia Training and Equipping Program (GTEP) [Электронный ресурс]. Global Security. Available at: <https://www.globalsecurity.org/military/ops/gtep.htm> (accessed 03.11.2024).

³⁰ Таблица составлена автором на основе данных: Глобальные инфраструктурные проекты Грузии [Электронный ресурс]. Geoln.com. URL: <https://geoln.com/ru/invest-in-georgia/global-investment> (дата обращения: 03.11.2024) ; США и Грузия подписали Хартию о стратегическом сотрудничестве [Электронный ресурс]. Civil Georgia. URL: <https://civil.ge/ru/archives/174312> (дата обращения: 03.11.2024) ; США – Грузия: попытка союза [Электронный ресурс]. Голос Америки (Внесен в Реестр иностранных агентов). URL: <https://www.golosameriki.com/a/us-georgia-bilateral-relationships-history/7848004.html> (дата обращения: 03.11.2024).

сфере»³¹, которая зафиксировала регулярные поставки современного вооружения и проведение масштабных учений, сотрудничество вышло на новый уровень. Совместные программы позволили грузинским вооруженным силам не только укрепить оборонительные возможности, но и адаптироваться к современным требованиям проведения международных операций³². Однако такая зависимость от технической и логистической помощи со стороны США вызвала критику в связи с ограничением возможностей для Грузии развивать собственную военную инфраструктуру.

Таблица 2. Военно-техническое сотрудничество США и Грузии: ключевые этапы и результаты³³
Table 2. US-Georgia Military-Technical Cooperation: Key Stages and Outcomes

Год / Year	Событие / Event	Содержание / Content
2002	Программа обучения и оснащения Грузии / Georgia Train and Equip Program (GTEP)	Запуск программы стоимостью 64 млн долл. для подготовки и оснащения грузинских вооруженных сил с целью повышения их боеспособности и соответствия стандартам НАТО / Launch of a \$64 million program for training and equipping the Georgian armed forces to enhance their combat readiness and align with NATO standards
2006	Программа поддержки стабильности и устойчивости в Грузии / Georgia Sustainment and Stability Operations Program	Продолжение GTEP, направленное на дальнейшее укрепление грузинских вооруженных сил и подготовку к участию в международных операциях / Continuation of GTEP aimed at further strengthening the Georgian armed forces and preparing them for participation in international operations
2009	Хартия о стратегическом партнерстве / Charter on Strategic Partnership	Подписание документа, закрепляющего обязательства США по поддержке суверенитета и территориальной целостности Грузии, включая развитие оборонной инфраструктуры / Signing of a document reaffirming US commitments to support Georgia's sovereignty and territorial integrity, including the development of defense infrastructure
2017	Поставка комплексов Javelin / Delivery of Javelin Systems	Поставка Грузии противотанковых ракетных комплексов Javelin, что значительно увеличило оборонный потенциал страны / The US supplied Georgia with Javelin anti-tank missile systems, significantly enhancing the country's defense capabilities
2022	Концепция военного сотрудничества на 10 лет / 10-Year Military Cooperation Concept	Утверждение нового документа, определяющего направления сотрудничества в военной сфере на ближайшее десятилетие / Approval of a new document outlining the directions for military cooperation over the next decade
2024	Продолжение военного сотрудничества / Continuation of Military Cooperation	Несмотря на перенос совместных учений «Noble Partner-2024», США подтвердили намерение продолжать военное сотрудничество с Грузией / Despite the postponement of the «Noble Partner-2024» joint exercises, the US reaffirmed its commitment to continuing military cooperation with Georgia

³¹ Joint Statement of the U.S.-Georgia Defense and Security Working Group July 20, 2016 [Электронный ресурс]. U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/08/260838.htm> (accessed 03.11.2024).

³² Military Exercises «Worthy Partner» Have Ended: «Georgian Soldiers Demonstrated High Professionalism and Compatibility with NATO» [Электронный ресурс]. The Embassy of Georgia to the United States of America. Available at: <https://georgiaembassyusa.org/> (accessed 03.11.2024).

³³ Таблица составлена автором на основе данных: Грузия и США углубляют военное сотрудничество [Электронный ресурс]. Civil Georgia. URL: <https://civil.ge/ru/archives/159465> (дата обращения: 03.11.2024) ; США заявили, что продолжат поддерживать военное сотрудничество с Грузией [Электронный ресурс]. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21379039> (дата обращения: 03.11.2024) ; Ветров А. Военное сотрудничество США и Грузии. *Зарубежное военное обозрение*. 2017;(2):44–48.

Для США Грузия оставалась стратегически важным партнером, расположенным в непосредственной близости от регионов с высоким геополитическим напряжением, что оправдывало высокую степень вовлеченности Вашингтона в укрепление грузинской безопасности. Регулярные военные учения (Noble Partner и Agile Spirit) усилили стратегическое присутствие США в регионе, превратив Грузию в ключевой элемент инфраструктуры Вашингтона на Южном Кавказе.

Влияние на региональный баланс сил. Активизация американо-грузинского сотрудничества в экономической и военной сферах вызвала заметную реакцию со стороны главных региональных акторов – России, Турции и Ирана, а также привлекла внимание Китая (табл. 3). Каждый из них рассматривал это сотрудничество через призму изменений в балансе сил и региональной стабильности. Так, для России углубление связей между Тбилиси и Вашингтоном стало вызовом ее доминированию в регионе. Поддержка США оборонного потенциала Грузии, а именно поставки вооружений и проведение совместных учений, изменила расстановку сил, ограничив возможности Москвы. В ответ она расширила взаимодействие с Арменией, продлив срок пребывания своей военной базы в Гюмри до 2044 г., что демонстрирует стремление противодействовать усилению западного влияния.

Таблица 3. Причинно-следственные связи американо-грузинского взаимодействия и его влияние на Южный Кавказ³⁴

Table 3. Causative Chains and Implications of U.S.-Georgian Cooperation on the South Caucasus Region

Действия Грузии и их результаты / Georgia's Actions and their Outcomes	Реакция региональных акторов / Regional Actor's Reactions	Последствия для Южного Кавказа / South Caucasus Implications
Поставка вооружений, совместные учения, модернизация / Arms deliveries, joint exercises, modernization	Россия наращивает военное присутствие; Турция сохраняет баланс; Иран обеспокоен влиянием США / Russia strengthens its military presence; Turkey maintains balance; Iran concerned about U.S. influence	Рост напряженности, изменение баланса сил / Increased tensions, shift in the balance of power
Финансирование инфраструктурных проектов, привлечение инвестиций / Financing infrastructure projects, attracting investments	Рост конкуренции за ресурсы с Азербайджаном; усиление экономических связей с Турцией / Increased competition over resources with Azerbaijan; strengthening economic ties with Turkey	Модернизация инфраструктуры, усиление зависимости от внешних акторов / Infrastructure modernization, growing dependence on external actors
Участие в проектах Баку–Тбилиси–Джейхан, Баку–Тбилиси–Эрзерум / Participation in Baku–Tbilisi–Ceyhan, Baku–Tbilisi–Erzurum pipelines	Сопrotивление со стороны России; поддержка Турцией диверсификации поставок / Resistance from Russia; Turkey supports supply diversification	Рост стратегической значимости региона для Запада, региональной конкуренции / Growing strategic importance of the region for the West, regional competition
Интеграция в западные политические структуры, зависимость от стандартов США / Integration into Western political structures, dependence on U.S. standards	Поляризация отношений в регионе; противодействие России и Ирана / Polarization of regional relations; opposition from Russia and Iran	Ограничение внешнеполитической автономии Грузии / Limitations on Georgia's foreign policy autonomy

³⁴ Составлена автором.

Турция, будучи членом НАТО, поддерживает американские инициативы по обеспечению стабильности в энергетических и транспортных коридорах, важных для ее экономики. Однако пытается избежать активизации США в регионе, что отражается в ее осторожной позиции в вопросах безопасности и энергетики [18, с. 45–46]. Эта стратегия позволяет сохранять независимость в региональной политике и минимизировать риски конкуренции с крупными акторами.

Для Ирана интенсивное вовлечение США в дела Южного Кавказа также представляет серьезный вызов. Тегеран традиционно воспринимает данный регион как стратегически значимый и расценивает развитие американо-грузинского партнерства, включая проекты в энергетической и транспортной сферах, как часть политики сдерживания. В качестве ответных действий на попытки США интегрировать Южный Кавказ в западные энергетические и логистические сети со стороны Ирана участились визиты высокопоставленных делегаций в Армению; состоялось подписание меморандума о транспортном коридоре Персидский залив – Черное море, что укрепило его позиции³⁵.

С точки зрения Китая Южный Кавказ тоже выглядит перспективным транзитным регионом, точкой расширения влияния в Европе и Центральной Азии. Это приводит к появлению новой динамики в региональной геополитике: усиливается конкуренция за влияние, возникают новые вызовы для традиционных игроков – России, Турции и Ирана, а также для США³⁶.

Последствия и стратегические дилеммы. Потенциал дальнейшего развития американо-грузинских отношений указывает на их углубление в стратегической и экономической сферах. Это могло бы укрепить роль Грузии как значимого партнера США и существенного транзитного узла для каспийских энергоресурсов, что подтверждается последними исследованиями и аналитическими докладами³⁷. Находясь на перекрестке важных энергетических маршрутов, Грузия играет стратегическую роль в усилиях США по диверсификации энергетических поставок в Европу, минимизируя потребность в российских ресурсах.

Однако зависимость от американской поддержки, как уже говорилось выше, делает Грузию более чувствительной к изменениям внешнеполитического курса Вашингтона. Она ограничивает маневренность Тбилиси в условиях непредсказуемой геополитической обстановки, повышая риски политической нестабильности. Это становится особенно актуальным на фоне возможного обострения отношений США и России, что повлечет за собой осложнение ситуации, связанное с экономическими или военными угрозами со стороны Москвы.

Кроме того, развитие событий в регионе зависит от позиции других акторов, в частности от ЕС, который заинтересован в стабильности и безопасности энергетических маршрутов через южнокавказские территории. Вовлеченность ЕС может обеспечить дополнительную поддержку Грузии, но также требует от Тбилиси строгого соблюдения демократических и экономических стандартов.

³⁵ Kaleji V. Iran and the Role of Transit Corridors in the South Caucasus in the Context of the War against Ukraine. *Caucasus Analytical Digest*. 2023;(132):14–20.

³⁶ Karapetyan R. China's Policy in the South Caucasus: Challenges and Opportunities. *Armenological Issues*. 2024;1(2):67–82.

³⁷ Azhgaliyeva D., Kalyuzhnova Y. Unlocking Transport Connectivity in the Trans-Caspian Corridor. Tokyo: Asian Development Bank Institute; 2021. 228 p.

Наконец, необходимо учитывать Китай, который рассматривает Грузию в качестве важного стратегического партнера для расширения своего присутствия в Европе и Центральной Азии и стремится укрепить влияние в этом регионе, что также затрудняет поддержание паритета интересов.

Грузии предстоит найти баланс между укреплением долгосрочного партнерства с западными странами и поддержанием добрососедских отношений с региональными державами, способствующий сохранению суверенитета и стратегической автономии страны. Для этого требуется тщательно взвешивать внешнеполитические и внутренние решения, чтобы избежать усугубления зависимости и повышения уязвимости перед лицом региональных и глобальных вызовов.

Обсуждение и заключение. Анализ грузино-американского взаимодействия позволяет оценить его влияние на политико-экономическую архитектуру Южного Кавказа в условиях нарастающей внешнеполитической конкуренции. Актуализация роли Грузии как стратегического транзитного узла и военного партнера США сопровождалась значительной модернизацией инфраструктуры страны и ростом международной поддержки. Однако параллельно усилилась ее зависимость от внешних акторов, в первую очередь в сфере безопасности и энергетики, что делает государство уязвимым к колебаниям глобальной политической конъюнктуры.

В современных условиях ориентация на одного стратегического партнера провоцирует внутривнутриполитическую напряженность, рост поляризации и снижение институциональной устойчивости. Это особенно заметно на фоне оживления оппозиционных дискурсов и увеличения идеологического давления в публичной сфере. Подобная динамика требует перехода к более гибкой внешнеполитической модели, основанной на принципах диверсификации и региональной координации.

Особое значение приобретает социальное измерение сотрудничества. Влияние грузино-американских отношений ощущается не только на уровне политических институтов, но и в повседневной жизни населения через образовательный и культурный обмен, реализацию международных грантовых программ, деятельность неправительственных организаций. Эти процессы способствуют формированию новых форм гражданской активности, однако одновременно могут усиливать социальную поляризацию и формировать зависимость общества от внешних доноров.

В региональном контексте выводы исследования подтверждают необходимость комплексного подхода к развитию Южного Кавказа, предполагающего согласование интересов не только крупных внешних игроков, но и государств региона. Усиление транспортной и энергетической взаимосвязанности, совместные инфраструктурные проекты, кооперация в сфере безопасности и гуманитарного сотрудничества могут стать залогом формирования более устойчивой архитектуры взаимодействия, в которой влияние одного актора не будет доминирующим.

Полученные результаты могут быть востребованы в практической дипломатике и экспертном сопровождении интеграционных инициатив. Они позволяют очертить возможные сценарии развития: от сохранения нынешнего уровня двустороннего сотрудничества до формирования многоуровневых альянсов с участием США, ЕС, Турции и других государств. Для научного сообщества это открывает перспективы дальнейших исследований, связанных с анализом трансформации идентичности, политической культуры и институциональной среды в условиях многополярного мира.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать его материалы при подготовке национальных и региональных стратегий устойчивого развития, в том числе стран Южного Кавказа и их партнеров. В частности, для выработки решений, направленных на снижение зависимости от внешнего влияния, укрепление внутренней устойчивости перед лицом внешнеполитических вызовов, поддержку сбалансированных механизмов регионального взаимодействия. Выводы будут востребованы в контексте энергетической и транспортной интеграции, а также при оценке влияния гуманитарных и культурных программ, спонсируемых извне.

Таким образом, формирование самостоятельной и адаптивной внешнеполитической стратегии на основе внутреннего потенциала и партнерских форматов взаимодействия представляет собой ключевое условие сохранения устойчивости государств Южного Кавказа в ситуации глобальной нестабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chavleishvili G., Japharidze E. Problems and Prospects of Regional Development of the South Caucasus. *History. Archeology. Ethnology*. 2024;(12):515–527. Available at: <http://www.sciencejournals.ge/index.php/HAE/article/view/641> (accessed 03.11.2024).
2. Malikova Z. Russia's South Caucasus Policy in the Context of Geopolitical Interests. *Georgian Scientists*. 2024;6(3):18–26. <https://doi.org/10.52340/gi.2024.06.03.03>
3. Asadov M. The “New Great Game” Conflict and Cooperation Area South Caucasus: From Competition to Cooperation between Turkey and Russia. *Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi*. 2023;13(2):1955–1974. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/2769556> (accessed 03.11.2024).
4. Gelashvili P. Interests of Foreign Countries in the Regions of Georgia Populated by Ethnic Minorities and their Impact on Demographic Situation and Stability in the South Caucasus. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 2022;16(1):135–142. Available at: http://science.org.ge/bnas/t16-n1/21_Gelashvili_Demology.pdf (accessed 03.11.2024).
5. Буторов А.С., Румянцев А.К. Особенности внешней политики США на Южном Кавказе на современном этапе. *Постсоветские исследования*. 2023;6(5):556–566. URL: <https://www.postussr.org/journals/230605/Буторов%20А.С.pdf> (дата обращения: 03.11.2024).
6. Gachechiladze R. The Making of the South Caucasus Region: a Geographical Approach. *Environment and Society*. 2024;(14):156–177. Available at: <http://es.tsu.ge/index.php/es/article/view/230/79> (accessed 03.11.2024).
7. Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021;21(3):498–516. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>
8. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2024;24(1):7–22. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65443590>
9. Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023;23(4):643–661. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59563898>
10. Manukyan V. From Conflict to Peace? Stateness Assessment of the South Caucasus Countries at the Crossroads of Political Processes from 2017 to 2022. *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*. 2023;2(2):11–33. <https://doi.org/10.46991/JOPS/2023.2.5.011>

11. Kruessmann T. The “Russian Factor”: Implications for the EU’s Policy in the Black Sea / Caucasus Region. *Southeast European and Black Sea Studies*. 2024;24(3):447–450. <https://doi.org/10.1080/14683857.2024.2387412>
12. Rezapour D. The Foreign Policy of Russia and the United States of America in the South Caucasus Region (2004–2024). *The Review of International Affairs*. 2024;75(1192):361–381. https://doi.org/10.18485/iipe_ria.2024.75.1192.3
13. Poghosyan B. Thirty Years of Interaction: The US Policy in the South Caucasus after the End of the Cold War. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2021;52(1):67–87. <https://doi.org/10.31857/S2686673022010059>
14. Yatsenko A., Tkeshelashvili I., Hurak I. NGOs’ Development in Ukraine and Georgia: Social and Political Dimensions. *Przegląd Europejski*. 2022;(1):161–176. <https://doi.org/10.31338/1641-2478pe.1.22.11>
15. Markhulia G. West or East – Georgia’s Geopolitical Trajectory. *The Caucasus and the World*. 2024;(27):125–133. <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.20>
16. Museyibzade J. International Organizations as a Means of Building Image and Reputation: the Case of Azerbaijan. *Eurasian Research Journal*. 2024;6(3):75–89. <https://doi.org/10.53277/2519-2442-2024.3-05>
17. Крылов А.Б. Южный Кавказ: этапы постсоветской истории. *Россия и новые государства Евразии*. 2021;(2):147–162. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-2-147-162>
18. Davtyan V., Khachikyan S. The U.S. Energy Diplomacy in the Condition of World Energy Markets Transformation (South Caucasus Vector). *Vectors of Social Sciences*. 2022;(4):38–50. <https://doi.org/10.51895/VSS4/Davtyan/Khachikyan>

REFERENCES

1. Chavleishvili G., Japharidze E. Problems and Prospects of Regional Development of the South Caucasus. *History. Archeology. Ethnology*. 2024;(12):515–527. Available at: <http://www.sciencejournals.ge/index.php/HAE/article/view/641> (accessed 03.11.2024).
2. Malikova Z. Russia’s South Caucasus Policy in the Context of Geopolitical Interests. *Georgian Scientists*. 2024;6(3):18–26. <https://doi.org/10.52340/g.s.2024.06.03.03>
3. Asadov M. The “New Great Game” Conflict and Cooperation Area South Caucasus: From Competition to Cooperation between Turkey and Russia. *Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi*. 2023;13(2):1955–1974. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/2769556> (accessed 03.11.2024).
4. Gelashvili P. Interests of Foreign Countries in the Regions of Georgia Populated by Ethnic Minorities and their Impact on Demographic Situation and Stability in the South Caucasus. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 2022;16(1):135–142. Available at: http://science.org.ge/bnas/t16-n1/21_Gelashvili_Demology.pdf (accessed 03.11.2024).
5. Butorov A.S., Rumiantseva A.K. Features of US Foreign Policy in the South Caucasus at the Present Stage. *Post-Soviet Studies*. 2023;5(6):556–566. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.postussr.org/journals/230605/Быровов%20А.С.pdf> (accessed 03.11.2024).
6. Gachechiladze R. The Making of the South Caucasus Region: a Geographical Approach. *Environment and Society*. 2024;(14):156–177. Available at: <http://es.tsu.ge/index.php/es/article/view/230/79> (accessed 03.11.2024).
7. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991–2019. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(3):498–516. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-498-516>
8. Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E. Turkish Balance, or Türkiye’s Foreign Policy Strategy in the Black Sea Region Following the Special Military Operation. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2024;24(1):7–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65443590>
9. Moskalenko O.A., Muradov G.L., Irkhin A.A., Demeshko N.E., Nagornyak K.I. The Montreux Convention after the Beginning of the Special Military Operation. Status Quo or Denunciation: Discourse of International Actors and Possible Geopolitical Implications for the Black Sea Region. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2023;23(4):643–661. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59563898>

10. Manukyan V. From Conflict to Peace? Stateness Assessment of the South Caucasus Countries at the Crossroads of Political Processes from 2017 to 2022. *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*. 2023;2(2):11–33. <https://doi.org/10.46991/JOPS/2023.2.5.011>
11. Kruessmann T. The “Russian Factor”: Implications for the EU’s Policy in the Black Sea/Caucasus Region. *Southeast European and Black Sea Studies*. 2024;24(3):447–450. <https://doi.org/10.1080/14683857.2024.2387412>
12. Rezapour D. The Foreign Policy of Russia and the United States of America in the South Caucasus Region (2004–2024). *The Review of International Affairs*. 2024;75(1192):361–381. https://doi.org/10.18485/iipe_ria.2024.75.1192.3
13. Poghosyan B. Thirty Years of Interaction: The US Policy in the South Caucasus after the End of the Cold War. *USA and Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021;52(1):67–87. <https://doi.org/10.31857/S2686673022010059>
14. Yatsenko A., Tkeshelashvili I., Hurak I. NGOs’ Development in Ukraine and Georgia: Social and Political Dimensions. *Przegląd Europejski*. 2022;(1):161–176. <https://doi.org/10.31338/1641-2478pe.1.22.11>
15. Markhulia G. West or East-Georgia’s Geopolitical Trajectory. *Caucasus and the World*. 2024;(27):125–133. <https://doi.org/10.52340/isj.2024.27.20>
16. Museyibzada J. International Organizations as a Means of Building Image and Reputation: the Case of Azerbaijan. *Eurasian Research Journal*. 2024;6(3):75–89. <https://doi.org/10.53277/2519-2442-2024.3-05>
17. Krylov A. South Caucasus: Stages of Post-Soviet History. *Russia and New States of Eurasia*. 2021;(2):147–162. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-2-147-162>
18. Davtyan V., Khachikyan S. The U.S. Energy Diplomacy in the Condition of World Energy Markets Transformation (South Caucasus Vector). *Vectors of Social Sciences*. 2022;(4):38–50. <https://doi.org/10.51895/VSS4/Davtyan/Khachikyan>

Об авторе:

Дудайти Альберт Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова (362025, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7103-959X>, Researcher ID: [HRC-3837-2023](https://orcid.org/0000-0002-7103-959X), Scopus ID: [59479344100](https://orcid.org/0000-0002-7103-959X), SPIN-код: 8088-1683, adudaiti@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 01.04.2024; одобрена после рецензирования 30.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.

About the author:

Albert K. Dudaiti, Dr.Sci. (Hist.), Professor, Head of the Chair of World History, North Ossetian State University (44–46 Vatutin St., Vladikavkaz 362025, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7103-959X>, Researcher ID: [HRC-3837-2023](https://orcid.org/0000-0002-7103-959X), Scopus ID: [59479344100](https://orcid.org/0000-0002-7103-959X), SPIN-code: 8088-1683, adudaiti@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 01.04.2024; revised 30.01.2025; accepted 06.02.2025.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ /
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.500-517><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/cymfra>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 323 (430)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Электоральный успех в Восточной
Германии (2024 г.) и последующий спад «Союза
Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость»****А. Д. Лисенкова**

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация),
Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
alena.denisovna@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Создание партии «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» (ССВ) на рубеже 2023–2024 годов изменило расклад сил в партийной системе Германии, особенно в восточных землях. Цель статьи – исследование динамики электоральной поддержки партии «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» в Восточной Германии.

Материалы и методы. Исследование базируется на комплексном анализе данных официальных результатов выборов в ландтаги Саксонии, Тюрингии и Бранденбурга, Европейский парламент (2019, 2024 гг.) и Бундестаг (2025 г.). Сравнивалась электоральная статистика до и после появления ССВ (2019 и 2024 гг.). Динамика популярности партии рассматривалась с использованием информации регулярных социологических опросов ведущих немецких институтов (Forschungsgruppe Wahlen, Infratest dimap, INSA). Также учитывались программные документы ССВ и коалиционные соглашения в федеральных землях.

Результаты исследования. Установлено, что партия создавалась в кризисный момент, когда выборов в Западной Германии не предполагалось. Консервативная и пророссийская риторика, критикующая миграцию и климатическое управление, положительно воспринималась именно на востоке. Определено, что ССВ оказал влияние на падение рейтингов левых в 2024 г., хотя запустила этот процесс «Альтернатива для Германии». Выявлено, что, несмотря на близость взглядов по ряду вопросов между С. Вагенкнехт и более радикальными в восприятии граждан правыми популистами, их коалиция маловероятна.

Обсуждение и заключение. «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» закрепился в Восточной Германии. Однако необходимость идти на уступки в рамках коалиционного пар-

© Лисенкова А. Д., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

терства и разногласия с лидерами земельных отделений негативно сказались на его рейтинге. Результаты исследования могут быть применены для анализа трансформации партийной системы Германии и прогнозирования электоральных процессов. Перспективные направления исследований связаны с дальнейшими изменениями на левом фланге партийной системы Германии.

Ключевые слова: «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость», ССВ, партия «Левая», «Альтернатива для Германии», правящая коалиция, популизм, партийная система Германии, европейские выборы, выборы в ландтаги, политический кризис

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лисенкова А.Д. Электоральный успех в Восточной Германии (2024 г.) и последующий спад «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость». *Регионология*. 2025;33(3):500–517. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.500-517>

Electoral Success in East Germany (2024) and Subsequent Decline of the Sahra Wagenknecht Alliance – Reason and Justice

A. D. Lisenkova

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation),*

*North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Saint Petersburg, Russian Federation)
alena.denisovna@yandex.ru*

Abstract

Introduction. At the turn of 2023-2024, the creation of the the Sahra Wagenknecht Alliance – Reason and Justice (SWA) changed the balance of power in Germany's party system, especially in the eastern states. The aim of this study is to explain the factors behind the SWA's initial electoral success in the 2024 state and European elections in eastern Germany, as well as the reasons for its subsequent decline in support.

Materials and Methods. The study is based on a comprehensive analysis of official election results in the state parliaments of Saxony, Thuringia, and Brandenburg, the European Parliament (2019, 2024), and the Bundestag (2025). Electoral statistics before and after the emergence of the Alternative for Germany (AfG), 2019 and 2024, were compared. The dynamics of the party's popularity were examined using information from regular opinion polls conducted by leading German institutes (Forschungsgruppe Wahlen, Infratest dimap, INSA). The AfG's policy documents and coalition agreements in the federal states were also taken into account.

Results. It is proved that the party was created at a favorable time of crisis, when elections in West Germany were not expected. Conservative and pro-Russian rhetoric criticizing migration and climate governance is most favorably perceived in the East. It was revealed that in 2024 the Sahra Wagenknecht Alliance – Reason and Justice had a decisive influence on the decline in the ratings of the left, which once ruled in the GDR, although the Alternative for Germany had previously launched the process. It is determined that, despite the closeness of views on a number of issues between Sahra Wagenknecht and the more radical right-wing populists in the perception of citizens, their coalition cooperation is unlikely.

Discussion and Conclusion. The Sahra Wagenknecht Alliance – Reason and Justice has gained a foothold in East Germany. Nevertheless, the need to make concessions within the framework of the coalition partnership and disagreements with the leaders of the land offices had a negative impact on the rating. The results of the study can be applied in the activities of relevant departments dealing with political parties and electoral processes. Further changes on the left flank of the German party system are a promising area for the next research.

Keywords: the Sahra Wagenknecht Alliance – Reason and Justice, the SWA, the Left Party, the Alternative for Germany, governing coalition, populism, party system in Germany, European elections, state elections, political crisis

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Lisenkova A.D. Electoral Success in East Germany (2024) and Subsequent Decline of the Sahra Wagenknecht Alliance – Reason and Justice. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(3):500–517. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.500-517>

Введение. Осенью 2024 года были избраны созывы трех земельных парламентов Германии: 1 сентября голосовали жители Саксонии и Тюрингии, 22 сентября – Бранденбурга. Срок полномочий данных ландтагов – 5 лет. Кампании объединяет близость дат (следующая прошла в 2025 г. в Гамбурге) и географического положения, а также совместное прошлое земель в составе Германской Демократической Республики (ГДР). Мекленбург – Передняя Померания, Саксония-Ангальт и Берлин, прежде тоже целиком или частично входившие в ГДР, проведут выборы лишь в 2026 г.

Отличием от ситуации 2019 года, когда проводились предыдущие избирательные кампании в данных землях, стало участие «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость», появившегося на рубеже 2023–2024 гг. Создание партий в стране – явление нередкое. Например, из 35 сил, участвовавших в европейских выборах 2024 г., за последние пять лет появились девять (~2–3 в год)¹. Обычно они крайне малы, не преодолевают барьер в 5 % ни на земельных, ни на федеральных выборах. Некоторым удастся пройти в Европейский парламент (в частности, Семейной партии), где с 2011 г. процентного порога нет².

Прежде, до ССВ, последней партией, закрепившейся в числе основных («Христианско-демократический союз Германии / Христианско-социальный союз в Баварии» (ХДС/ХСС), Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Свободная демократическая партия (СвДП) Германии, «Союз 90/Зеленые» и «Левая»), была «Альтернатива для Германии» (АдГ). Отсутствие подобной силы ранее объясняется историей Германии, где после Второй мировой войны любая претензия на правый радикализм воспринималась неоднозначно. Под влиянием кризисов, особенно миграционного, изначально либерально-консервативные евроскептики стали сдвигаться вправо³, став «нерукопожатными» [1]. На земельном уровне к ключевым партиям условно можно добавить «Свободных избирателей» (СИ), но в Бундестаг они традиционно не проходят.

После появления «Альтернативы для Германии» в стране оформилась сравнительно стабильная система с тремя достаточно равно распределенными партиями левее и двумя партиями и блоком правее центра. Тем примечательней факт раскола в стане левых, посредством которого Сара Вагенкнехт, некогда один из самых популярных левых политиков, образовала свою партию. Так сразу две силы начали претендовать на крайне левую нишу политического спектра Германии.

Популярность «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» росла, что позволило уже в первый год пройти в Европарламент и три ландтага. В землях партия набрала двузначные показатели⁴ и попала в правительства Бранденбурга

¹ Parteien und Kandidaturen [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.bundeswahlleiterin.de/europawahlen/2024/wahlbewerber.html> (accessed 17.03.2025).

² Румянцев А.Г. Пятипроцентный барьер на выборах в Европарламент признан в Германии неконституционным. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2011;6(85):94–102.

³ Лисенкова А.Д. Основные особенности современной экологической повестки «Альтернативы для Германии». *Управленческое консультирование*. 2022;4(160):146–158.

⁴ Ergebnisse früherer Landtagswahlen [Электронный ресурс]. 2025. Available at: https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/a333e523-0717-42ad-a772-d5ad7e7e97cc/ltw_erg_gesamt.pdf (accessed 27.09.2024).

и Тюрингии. Однако подобная популярность не была свойственна ССВ повсеместно и вскоре стала стремительно снижаться⁵. Барьер 5 % для вхождения в Бундестаг преодолен не был.

Цель данной статьи – исследование динамики электоральной поддержки партии «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» в Восточной Германии.

Обзор литературы. «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» – явление новое, но ряд авторов уже опубликовали связанные с ним исследования. Текущий интерес определяется появлением потенциально сильного игрока, а также отношением партии к вопросам, касающимся специальной военной операции, антироссийских санкций и т. д. [2].

Работы, оценивающие предпосылки создания ССВ, его перспективы и вызовы для партийно-политической системы Германии, актуальны в настоящее время. Так, в 2019 году В. В. Пушкарёва подробно рассмотрела цели движения «Вставайте!», отметив неоднозначность его развития, в том числе из-за разногласий по миграционному и другим направлениям у сил левее центра и внутри «Левой» [3]. В 2024 году руководство движения, по мнению эксперта, учло негативный опыт и действовало в благоприятный момент [4; 5]. В. Б. Белов, Н. В. Павлов, Д. А. Дмитриев, Б. А. Ночвина и др. считают, что ССВ имел возможность заменить левых, лишив их шансов на фракцию в Бундестаге [6–8].

Положительные оценки перспектив ССВ также можно найти в зарубежных исследованиях, например С. Вагнер и др. определяли новую силу в рейтингах выше левых [9]. В некоторых текстах (преимущественно экспертов из Германии) проблематика развития партий под влиянием различных обстоятельств раскрыта комплексно. Й. Ф. Томечек успех ССВ объясняет ролью лидера, левоавторитарной программой и популизмом [10]. Л. Хекманн и соавторы предполагают, что ССВ мог бы «...заполнить левоконсервативный пробел в немецкой партийной системе» [11], хотя, по мнению Н. Штейнера и С. Хиллена, в отличие от левых экономических и националистических взглядов, моральная приверженность консервативным ценностям существенно менее значима при выборе С. Вагенкнехт [12].

Из конкурентов партии угрозу новый игрок представлял скорее для левых, чем для АдГ или тоже социально настроенной СДПГ [13]. Й. М. Досталь отмечает, что «прогрессивная политика благосостояния» и «консервативная миграционная политика» открыли положительные перспективы для «левого консерватизма» [2]. Эксперт негативно оценивает как наследие «большой коалиции» А. Меркель, так и деятельность «светофорной коалиции» О. Шольца, критикуя последнюю за безуспешные попытки одновременно финансировать вооружение, энергетический поворот, инфраструктурные проекты и миграционную политику [2].

Учитывая значимость оппозиционной конкуренции, С. В. Погорельская раскрывает вопрос потенциального сотрудничества евроскептиков, чьи взгляды на правительственные проблемы частично сходны [14]. Н. В. Работяжев подробно объясняет причины популярности АдГ (миграционный кризис и политика мультикультурализма, последствия глобализации, консервативные настроения восточных жителей и др.) [1]. Разобщи́нная и неоднородная «Левая», по мнению С. В. Погорель-

⁵ Neueste Wahlumfragen im Wahltrend zur Bundestagswahl [Электронный ресурс]. Available at: <https://dawum.de/Bundestag/> (accessed 04.01.2025).

ской, не была в состоянии предложить альтернативу [15]. Проводилось сравнение двух партий в контексте Восточной Германии, посредством которого объясняется отток избирателей к АдГ до появления ССВ (сокращение электората времен ГДР, миграционная открытость «Левой» и др.) [16]. Некоторые ученые рассмотрели исторические разногласия между СДПГ и «Левой», а также сопоставили потенциал их взаимодействия на разных уровнях⁶.

Отдельный блок посвящен исследованию дискурса. Так, М. Г. Цуцьева, М. М. Баранова, Е. Ю. Мошанская обратили внимание на стремление С. Вагенкнехт к агрессивной критике и провокациям с вовлечением в них аудитории. Это позволяет объединить сторонников и продемонстрировать отличающееся видение⁷ [17].

Таким образом, анализируя деятельность С. Вагенкнехт, влияние кризисов на рейтинг и рост евроскептицизма, авторы преимущественно положительно оценили перспективы ССВ, однако это оказалось преждевременным. Добавляет актуальности проблематике и то, что тенденциям на земельном уровне внимания уделяется недостаточно, хотя прошедшие в 2024 г. выборы и их последствия показательны. Данное исследование направлено на ликвидацию обозначенного пробела.

Материалы и методы. *Статистика.* Материалом исследования послужили статистические данные, отражающие итоги земельных кампаний в три ландтага. Проведен сравнительный анализ сведений за 2019 г., когда состоялось последнее голосование, где ССВ не участвовал⁸, и 2024 г. По аналогии были задействованы результаты выборов в Европарламент за 2019 и 2024 гг.⁹ Европейская кампания 2024 г. стала первой проверкой голосованием в истории «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость», потому ее результаты показательны. Статистические рамки системного анализа закрыли итоги голосования в Бундестаге 2025 г.¹⁰.

В контексте обозначенной статистики стоит уточнить, что на европейском и федеральном уровнях блок ХДС/ХСС действует сообща, тогда как в трех землях представлен только ХДС. Кроме того, несмотря на восприятие европейских выборов в качестве второстепенных в сравнении с федеральными, они нагляднее демонстрируют среднюю ситуацию по стране, чем земельные. В настоящем исследовании различие между западными и восточными землями имеет определяющее значение, поскольку жители данных субъектов традиционно имеют разные партийные предпочтения.

Результаты социологических опросов. Для системного понимания уровня электоральной поддержки «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» методом вторичного анализа данных дополнительно оценивались результаты соцопросов¹¹, проведенных ведущими профильными ведомствами Германии (Forschungsgruppe

⁶ Jesse E. SPD and PDS Relationships. *German Politics*. 1997;6(3):89–102 ; Olsen J. The Left Party in the 2017 German Federal Election. *German Politics*. 2018;27(1):131–135.

⁷ Баранова М.М., Мошанская Е.Ю. Реализация апеллятивной функции в политической речи (на примере речей С. Вагенкнехт). В кн.: Перевод, реклама и PR в современной коммуникации: материалы III Всероссийской студенческой научно-практической конференции, 8–9 дек. 2022 г. Пермь: Изд-во ПНИПУ; 2023. С. 32–35.

⁸ Ergebnisse früherer Landtagswahlen...

⁹ Comparative tool [Электронный ресурс]. Available at: <https://results.elections.europa.eu/en/tools/comparative-tool/> (accessed 27.09.2024).

¹⁰ Bundestagswahl 2025 [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.bundeswahlleiterin.de/bundestagswahlen/2025/ergebnisse/bund-99.html> (accessed 16.04.2025).

¹¹ Все респонденты были проинформированы об участии в опросах.

Wahlen, Infratest dimap, INSA). Они были необходимы для отслеживания изменений в популярности (на определенном этапе достигала 10 %) с момента создания партии, так как рейтингу новых партий свойственны колебания¹². Материалы опросов задействовались и при сравнении обеспокоенности граждан различными вопросами на федеральном¹³ и земельном¹⁴ уровнях. Наконец, учитывалось количество перешедших к ССВ избирателей¹⁵.

Особое внимание уделялось результатам основных конкурентов ССВ: АдГ и левых. От «Левой» новая партия откололась, и соперничество стало неминуемым. При этом «Альтернатива для Германии» давно борется за протестную аудиторию, что наиболее явно как раз в Восточной Германии [16].

Партийные документы. Также в ходе работы использовалось содержание отдельных пунктов программ¹⁶ и коалиционных правительственных соглашений¹⁷. Сравнительный анализ их текстов позволил оценить, во-первых, сущность предлагаемых ССВ инициатив, а во-вторых, в какой степени ССВ удалось отстоять свои интересы перед более влиятельными игроками.

Теория подковы. В основу исследования положена теория подковы (от англ. *horseshoe theory*), согласно которой политический спектр не линейен. В связи с этим находящиеся на краях двух флангов силы не противоположны во взглядах, а, подобно концам подковы, достаточно близки. Сходство правых и левых популистов в Германии эксперты отмечали неоднократно [14; 18]. Определенное соответствие можно проследить в создании АдГ и ССВ: первая заняла пустующую нишу, второй своим появлением обязан состоянию левых. Это объясняет, почему у других сил почти не было шансов закрепиться. Вспомним зарегистрированный в 2024 г. протестный правоконсервативный «Союз ценностей» с сильным лидером в лице Х.-Г. Маасена, ранее главы Федеральной службы защиты Конституции. Промежуточное положение между ХДС/ХСС и АдГ в момент роста рейтинга последней, а также наличие СвДП оставили союз практически без внимания избирателей. Этот пример можно расценивать как негативный для С. Вагенкнехт, в случае которой создание партии тоже во многом основано на личной популярности¹⁸.

Результаты исследования. Сара Вагенкнехт и «Левая». Уроженка Тюрингии, С. Вагенкнехт в 1989 г. вступила в правящую в ГДР Социалистическую единую партию Германии, впоследствии ставшую Партией демократического социализма (ПДС). Корни Социалистической единой партии Германии можно найти в вос-

¹² Neueste Wahlumfragen im Wahltrend zur Bundestagswahl...

¹³ Welches ist Ihrer Meinung nach das wichtigste politische Problem in Deutschland, das vordringlich gelöst werden muss? Und welches ist das zweitwichtigste? [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3N8H8w> (accessed 04.01.2025).

¹⁴ Welches ist Ihrer Meinung nach das wichtigste politische Problem in Thüringen, das vordringlich gelöst werden muss? [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3N8Fvo> (accessed 04.01.2025).

¹⁵ Brandenburg. Landtagswahl 2024 [Электронный ресурс]. Tagesschau. Available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2024-09-22-LT-DE-BB/index.shtml> (accessed 19.04.2025).

¹⁶ Brandenburg – vernünftig und gerecht [Электронный ресурс]. Available at: https://bb.bsw-vg.de/wp-content/uploads/2024/07/BSW_Wahlprogramm_Brandenburg.pdf (accessed 04.01.2025).

¹⁷ Mut zur Verantwortung. Thüringen nach vorne bringen [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3N8HSR> (accessed 04.01.2025).

¹⁸ Никифоров О. «Дело экс-контрразведчика Маасена» угрожает коалиции в ФРГ [Электронный ресурс]. Независимая : сайт. URL: https://www.ng.ru/world/2018-09-24/7_7317_german.html (дата обращения: 16.04.2025).

созданных после окончания Второй мировой войны Коммунистической партии Германии и Социал-демократической партии Германии¹⁹.

В 2005 году Партия демократического социализма и «Труд и социальная справедливость – Избирательная альтернатива» образовали альянс «Левая. ПДС», а в 2007 г. – «Левую». Последняя не просто включала в себя социал-демократов, разочаровавшихся политикой третьего пути Г. Шрёдера [19], но и привлекла бывшего председателя СДПГ (1995–1999 гг.) О. Лафонтена. Он возглавил «Левую» с Л. Биски, а в 2014 г. стал супругом С. Вагенкнехт. За время пребывания в стане левых она была членом правления (1991–1995, 2000–2007, 2007–2014 гг.) и заместителем председателя партии (2010–2014 гг.), депутатом Европарламента (2004–2009 гг.), ведущим кандидатом на федеральных выборах от земли Северный Рейн – Вестфалия (2013, 2017, 2021 гг.) и лидером фракции в Бундестаге (2015–2019 гг.)²⁰.

На фоне краха социалистического лагеря, «популистских заигрываний» с западными трендами и естественного сокращения населения, заставшего ГДР, рейтинги «Левой» снижались. Партия не предложила ничего привлекательного в глазах населения для противодействия кризисам [16]. В западных землях у левых не было влияния исторической памяти, и консервативная АдГ вырвалась вперед. На западе бóльшим спросом пользовались СвДП и «зеленые».

В январе 2018 года О. Лафонтен озвучил идею проекта «Новое коалиционное движение левых», а в июне С. Вагенкнехт анонсировала надпартийную инициативу. Об оппозиционном движении «Вставайте!», которое генерировало социально справедливые идеи и не стремилось быть политической партией, что не препятствовало сохранению его членами основных аффилиаций, было официально объявлено 4 сентября. К этому подтолкнули как размышления о национальном коалиционном сотрудничестве всех социально ориентированных сил, что уже было возможно на земельном уровне, так и рост рейтингов правых популистов. Несмотря на готовность отойти от консервативных левых идей и изначально положительные результаты (согласно опросам), движение провалилось. Сказались недостаток институционализации и сближение во взглядах (в частности, по теме миграции) с АдГ [3; 14]. Феномен «Вставайте!» послужил катализатором к осознанию необходимости партии.

В 2021 году вышла книга С. Вагенкнехт «Самодовольные: моя контрпрограмма за общественный дух и сплоченность». По мнению политика, за тезисами о расовой, гендерной и другой политкорректности, или экологичности, сил левее центра скрывались ощущение морального превосходства и нацеленность на интересы образованного среднего класса. Разница между слоями населения росла. Проблемы миграции проявлялись не только в отсутствии интеграции, но и в недостаточной помощи странам исхода. Нехватка терпимости к другим точкам зрения подрывала леволиберальные начала. Кризисом воспользовалась АдГ. За нее проголосовали не только ксенофобы, но и разочарованные жители небольших городов или сельской местности, сделавшие ее «новой рабочей партией»²¹.

¹⁹ Decker F. Etappen der Parteigeschichte der LINKEN [Электронный ресурс]. bpb.de : сайт. Available at: <https://elck.ru/3N8J3A> (accessed 02.11.2024).

²⁰ Sahra Wagenknecht [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.sahra-wagenknecht.de/de/topic/12.ueber-mich.html> (accessed 02.11.2024).

²¹ Wagenknecht S. Die Selbstgerechten: Mein Gegenprogramm – für Gemeinsinn und Zusammenhalt. Frankfurt am Main: Campus Verlag; 2021. 345 p.

Отношения С. Вагенкнехт и «Левой» усугубились в 2022-2023 гг. На Change.org 10 февраля 2023 года был опубликован так называемый «Манифест мира», подготовленный С. Вагенкнехт и журналисткой А. Шварцер. Авторы текста призвали к прекращению огня и поставок оружия на Украину, а также к мирным переговорам. Его подписал почти 1 млн чел.²². Уже 25 февраля состоялся митинг «Восстание за мир» численностью 13 тыс. чел.²³.

«Левая», напротив, имела слабую позицию, близкую с транслируемой правящими партиями (например, по вопросу санкций)²⁴. Немногим ранее С. Вагенкнехт публично раскритиковала результаты выборов сопредседателей в Эрфурте 2022 г., выразив недовольство назначением Я. Висслер и М. Ширдевана и обвинив их в неудачах в 2019 и 2021 гг., а партию – в потере идентичности. По ряду вопросов, будь то украинский кризис или пандемия, острые споры велись с Я. Висслер, что просачивалось в публичное пространство. Когда муж С. Вагенкнехт в начале 2022 года покинул «Левую», потребность в собственной партии стала очевидной.

Создание ССВ и выборы в Европарламент. В 2023 году произошел раскол в «Левой» и было объявлено о создании «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость», а в Бундестаге на основе бывшей «Левой» фракции образовались две парламентские группы (численностью 10 и 28 депутатов) с ограниченным списком предпочтений, включая уровень финансирования²⁵. В 2024 году ССВ получил статус политической партии, для чего был выбран объективно наиболее удачный момент.

Во-первых, страна и правительство столкнулись с чередой миграционных, экономических, энергетических и внешнеполитических проблем. Согласно данным опросов, только в Тюрингии из трех земель в середине 2024 года сложности миграции опустились на вторую строчку, уступив школьному образованию. Другими значимыми темами были выбраны проблемы роста правых и разочарованность в политике, инфраструктура и экономическая ситуация²⁶. За ССВ голосовали из-за позиции в отношении Украины и России, социальной справедливости и восточногерманских интересов. На первый план выдвинулся обострившийся, хотя и не профильный для уровня управления внешнеполитический вектор, тогда как социальная справедливость – профиль партии, а восточногерманские интересы – норма для земельных выборов²⁷. Миграционная повестка подталкивала избирателей голосовать за АдГ²⁸, однако ССВ по крайней мере не транслировал чрезмерную левую открытость.

²² Manifest für Frieden [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.change.org/p/manifest-f%C3%BCr-frieden> (accessed 16.04.2025).

²³ Солопов М. Сара Вагенкнехт: Красная ведьма и ее борьба за мир [Электронный ресурс]. Ведомости : сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2023/02/27/964345-krasnaya-vedma-i-ee-borba-za-mir> (дата обращения: 02.11.2024).

²⁴ Zeit für Gerechtigkeit. Zeit für Haltung. Zeit für Frieden.

²⁵ Bundestag beschließt Gruppenstatus für Die Linke und BSW [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2024/kw05-de-gruppenbildung-988204> (accessed 02.11.2024).

²⁶ Welches ist Ihrer Meinung nach das wichtigste politische Problem in Thüringen?..

²⁷ Wer wählte das BSW – und warum? [Электронный ресурс]. Tagesschau. Available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2024-09-01-LT-DE-SN/umfrage-bsw.shtml> (accessed 04.01.2025).

²⁸ Wer wählte die AfD – und warum? [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2024-09-01-LT-DE-SN/umfrage-afd.shtml> (accessed 04.01.2025).

Во-вторых, ССВ появился накануне четырех кампаний 2024 г., что дало шанс зарекомендовать себя на нескольких второстепенных выборах. С. Вагенкнехт не ошиблась, решив не пропускать евровыборы, где нет процентного барьера. Это, учитывая рейтинги политика и данные предшествовавших опросов о ССВ²⁹, гарантировало попадание в парламент, а представленность в нем положительно влияла на последующий выбор восточных избирателей, на что и был расчет.

Сопредседателем С. Вагенкнехт стала А. М. Али, прежде один из двух лидеров левой фракции в Бундестаге. Другой тяжеловес, О. Лафонтен, на разных этапах являлся лидером СДПГ и «Левой». Помимо перешедших с С. Вагенкнехт членов Бундестага ССВ со временем пополнили избранные бывшие члены «Союза 90/Зеленые» (А. Хартенфельс в Рейнланд-Пфальце) и «Левых» (А. Кинг в Берлине и М. Кая в Гамбурге).

Ведущие кандидаты как в Европарламент, так и в земельные ландтаги не отличались известностью на федеральном уровне. Речь преимущественно о членах «Левой», которая в национальных коалициях не участвовала. На европейских выборах это были Ф. Де Маси, в прошлом депутат Европарламента и Бундестага от «Левой», и Т. Гайзель, ранее мэр Дюссельдорфа от СДПГ. На земельных выборах в Саксонии – это профсоюзный деятель, бывший депутат федерального уровня от левых З. Циммерман, в Бранденбурге – прежде профсоюзный деятель и судья социал-демократ Р. Крумбах, в Тюрингии – экс-мэр Айзенаха от левых К. Вольф. Примечательна последняя фигура. Если в Бранденбурге коалиция сформировалась с СДПГ, а в Саксонии ССВ в правительстве нет, то в Тюрингии К. Вольф пошла как на сотрудничество с правоцентристским ХДС, так и на компромиссные формулировки, несмотря на недовольство сопредседателей³⁰.

Кроме того, ССВ характеризовался малочисленностью. В его состав входили порядка 1 тыс. чел. С одной стороны, уже представленные в Бундестаге силы насчитывали от десятков до сотен тысяч членов; с другой, – количество заявок в ССВ, поступивших только к весне 2024 года, составило 8 000. Руководство ССВ объясняло немногочисленность тщательным отбором претендентов на основе анализа их прошлого и взглядов³¹. Такое решение обоснованно, учитывая опыт АдГ.

Основные приоритеты (социальная справедливость, свобода, грамотное государственное и экономическое управление, равенство) были изложены на сайте в публикации, озаглавленной как Учредительный манифест³². Впоследствии он был расширен до программного документа со следующими приоритетами:

– инновационная, конкурентная, социальная экономическая система с развитой инфраструктурой, достойной оплатой труда и качественным образованием, что предполагает негативное отношение к санкциям и нереалистичным климатическим амбициям;

²⁹ Könnten Sie sich grundsätzlich vorstellen, eine von Sahra Wagenknecht (Linke) gegründete neue Partei zu wählen? [Электронный ресурс]. Available at: <https://clck.ru/3N8JrW> (accessed 04.01.2025).

³⁰ Alisch L. Machtkampf im BSW? Thüringer Spitze antwortet auf Wagenknecht-Kritik [Электронный ресурс]. Merkur.de. Available at: <https://www.merkur.de/politik/bsw-konflikt-thueringer-spitze-auf-wagenknecht-kritik-koalition-93389044.html> (accessed 19.04.2025).

³¹ Steidele Ch. BSW: "Mitglieder? Nein danke!" – Eine parteienrechtliche Einordnung [Электронный ресурс]. Junge Wissenschaft im Öffentlichen Recht : сайт. Available at: <https://www.juwiss.de/55-2024/> (accessed 02.11.2024).

³² Unser Gründungsmanifest. Bündnis Sahra Wagenknecht [Электронный ресурс]. Available at: <https://web.archive.org/web/20231027115711/https://buendnis-sahra-wagenknecht.de/bsw/> (accessed 19.04.2025).

– меритократическое общество социальной сплоченности, равенства и защиты;
– отказ от излишнего военного финансирования, использования военных из Германии как в международных конфликтах, так и на границах (в том числе с Россией) с инициативой по оборонительному альянсу вместо «...инструмента силы для достижения геополитических целей»³³ во главе с США;

– поддержка демократии и личных свобод с критикой радикальных идеологий и неприятием миграции как «решения проблемы бедности»³⁴.

Несмотря на яркий социальный профиль, сближающий ССВ с левыми, заметны отличительные черты, например отношение к миграции и России. В этом сходны позиции ССВ и АдГ. В частности, по мнению В. И. Васильева, руководство двух партий сближает осознание невозможности построить систему европейской безопасности при включении Украины в состав НАТО [20].

Практически все идеи сохранились в Программе для выборов в Европейский парламент, где проявилась сравнительно мягкая евроскептическая риторика: независимый, технологичный и социальный Европейский союз с прозрачным управлением и пересмотренными финансово-экономической и торговой системами со сниженным участием европейских институтов. Партия представила Евросоюз частью многополярного мира, борющегося с причинами миграции, без санкций, дальнейших милитаризации и экспорта вооружения, а также без необоснованных дорогостоящих климатических ограничений и переговоров о восточных расширениях³⁵.

По результатам выборов в Европарламент (табл. 1) подтвердилось, что ССВ претендует на нишу «Левой» [5; 6]. У АдГ, в отличие от последних, тоже произошел рост показателей.

Таблица 1. Результаты европейских выборов для основных партий Германии в 2019 и 2024 гг., %³⁶
Table 1. European election results for Germany's main parties in 2019 and 2024, %

Год / Year	ХДС/ ХСС / CDU/CSU	СДПГ / SDP	АдГ / AfG	«Зеленые» / Greens	СвДП / FDP	Левые / Left	ССВ / SWA
2019	28,9	15,8	11,0	20,5	5,4	5,5	–
2024	30,0	13,9	15,9	11,9	5,2	2,7	6,2

Примечания / Notes. 1. Составлено автором на основе данных Европейского парламента. 2. Здесь и далее в таблицах ХДС/ХСС – «Христианско-демократический союз Германии / Христианско-социальный союз в Баварии» / CDU/CSU – Christian Democratic Union of Germany / Christian Social Union in Bavaria; СДПГ – Социал-демократическая партия Германии / SDP – Social Democratic Party of Germany; АдГ – «Альтернатива для Германии» / AfG – Alternative for Germany; «Зеленые» – «Союз 90 / Зеленые» / Greens – Alliance 90/The Greens; СвДП – Свободная демократическая партия Германии / FDP – Free Democratic Party; Левые – «Левая» / Left – Left; ССВ – «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» / SWA – Sahra Wagenknecht Alliance – for Reason and Justice.

Голосование в Восточной Германии, создание коалиций и их последствия. Европейские тенденции были закреплены выборами в Восточной Германии (табл. 2), где «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» получил двузначные показатели

³³ UserGründungsmanifest [Электронный ресурс]. Available at: https://buendnis-sahra-wagenknecht.de/wp-content/themes/bsw/assets/files/BSW_Gruendungsmanifest.pdf (accessed 19.04.2025).

³⁴ Ibid.

³⁵ Programm für die Europawahl 2024 [Электронный ресурс]. Available at: https://web.archive.org/web/20250304235508/https://bsw-vg.de/wp-content/uploads/2024/02/BSW_Europawahlprogramm_2024.pdf (accessed 19.04.2025).

³⁶ Comparative tool...

и занял третье место. «Альтернатива для Германии» выступила удачнее, чем в 2019 г., тогда как рейтинг «Левой», наоборот, упал. Если бы тенденция сохранилась, число основных конкурентов могло сократиться до одной партии. Только в Саксонии произошел отток в пользу ССВ 73 тыс. избирателей, что являлось наибольшим показателем. На втором месте оказалась категория ранее не голосовавших – 45 тыс. Однако у АдГ подобных избирателей насчитывалось 89 тыс., на втором месте – победитель выборов ХДС с 78 тыс. голосов³⁷.

Т а б л и ц а 2. Результаты земельных выборов в Бранденбурге, Саксонии и Тюрингии для основных партий Германии в 2019 и 2024 гг., %³⁸

Table 2. State elections results (in %) in Brandenburg, Saxony and Thuringia for the main Germany's parties in 2019 and 2024, %

Год / Year	Голос / Vote													
	ХДС / CDU		СДПГ / SDP		АдГ / AfD		«Зеле- ные» / Greens		СвДП / FDP		Левые / Left		ССВ / SWA	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
<i>Земля Бранденбург / State Brandenburg</i>														
2019	17,5	15,6	25,8	26,2	22,2	23,5	10,3	10,8	3,6	4,1	12,2	10,7	–	–
2024	16,0	12,1	33,6	30,9	31,5	29,2	3,4	4,1	1,4	0,8	5,2	3,0	–	13,5
<i>Земля Саксония / State Saxony</i>														
2019	32,5	32,1	7,7	7,7	28,4	27,5	8,9	8,6	4,7	4,5	12,3	10,4	–	–
2024	34,4	31,9	6,2	7,3	34,0	30,6	5,1	5,1	1,4	0,9	6,4	4,5	6,3	11,8
<i>Земля Тюрингия / State Thuringia</i>														
2019	27,2	21,7	10,8	8,2	22,0	23,4	6,5	5,2	5,4	5,0	25,8	31,0	–	–
2024	33,5	23,6	7,8	6,1	34,3	32,8	1,6	3,2	1,6	1,1	15,2	13,1	2,4	15,8

Примечание / Note. Составлено автором на основе данных Федеральной избирательной комиссии / Compiled by the author based on data from the Federal Returning Officer.

На фоне «Альтернативы для Германии» «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» – новый и не такой радикальный, по мнению граждан, игрок. С одной стороны, может показаться, что он недостаточно яркий; с другой, – отделения АдГ в ряде восточных земель (в том числе в Саксонии и Тюрингии) действительно имели статус правозкстремистских, а сама партия рассматривалась как «нерукопожатная» [1]. Аккуратность С. Вагенкнехт, явно опасавшейся быть обвиненной в радикализме, в публичных заявлениях о готовности сотрудничать с АдГ лишь по содержательным вопросам обоснована³⁹. Сохранение приоритетной роли в восприятии избирателей за С. Вагенкнехт связано не со слабостью других кандидатов от ССВ, а скорее с личными качествами председателей основных конкурентов на федеральном уровне (особенно у «Левой») [4].

Содержательно три программы («Будущее Саксонии: мирное, разумное, справедливое», «Новый старт для Тюрингии» и «Бранденбург – разумный и справедливый») близки: ССВ призывал к сокращению бюрократии, повышению пенсий

³⁷ Wählerwanderung [Электронный ресурс]. Tagesschau. Available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2024-09-01-LT-DE-SN/index.shtml> (accessed 04.01.2025).

³⁸ Ergebnisse früherer Landtagswahlen...

³⁹ Wagenknecht wirbt für anderen Umgang mit AfD [Электронный ресурс]. Tagesschau. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/wagenknecht-umgang-afd-100.html> (accessed 04.01.2025).

и минимальной заработной платы, трансформации образовательной системы (запрету мобильных телефонов, увеличению персонала, сохранению обучения базовым компетенциям – чтению, письму, арифметике в начальной школе и т. д.), прекращению неконтролируемой миграции с депортацией, непринятию отказа от угля ранее 2038 г., созданию Комитета по расследованию антикоронавирусных мер, сокращению расходов на вооружение, отказу от санкций и переговорам о прекращении украинского конфликта⁴⁰.

Специфика земель учитывалась, но скорее в конкретизации практически идентичных положений по обозначенным темам. Так, в программе для Тюрингии шла речь о дипломатии и недопущении милитаризации школ, поскольку для этого есть соответствующие информационные центры. Относительно Саксонии также критиковались идеи создания на территории оборонных предприятий (например, порохового завода в Гросенхайне), говорилось о развитии регионального миротворчества и продвижении гласности при выполнении университетами заказов на военные исследования. За исключением последнего, аналогичные пункты присутствовали и в программе для Бранденбурга. Центральная тема совпадала: во всех случаях текст начинался с мира. Встречались разделы, хотя и не противоречившие основным идеям, но и не повторявшиеся в других программах (например, «Свобода мысли, слова и печати» в Тюрингии)⁴¹.

«Альтернатива для Германии» (основные ориентиры: «Чтобы Саксония оставалась домом!», «Все для Тюрингии», «Пришло время для другой политики»), однако, была куда более агрессивно настроена в рамках решения накопившихся вопросов. Она продвигала ограничения миграции и традиционную семейную политику, а также отказ от антироссийских санкций и климатической политики. В образовании приоритетами стали ограничение доли мигрантов в классах и обязательное знание немецкого языка⁴².

Наконец, «Левая» (характерные лозунги: «Наша предвыборная программа: социальная насквозь!», «Наша Тюрингия. Человечная. Сильная. Справедливая», «Мужество для Бранденбурга. Страна. Народ. Самое главное») сосредоточилась на социальной справедливости (оплате труда, образовательной, транспортной и другой доступности)⁴³. Она продолжала осуждать Россию и параллельно продвигала дипломатические механизмы и миграционную открытость, хотя и не в качестве центральной темы⁴⁴, а также дорогостоящие и потому менее популярные на востоке климатические меры⁴⁵. По историческим причинам тема России популярнее именно в восточных землях, где обусловленные решениями «светофорной» коалиции политические кризисы проходили более болезненно. Рост цен на энергоносители

⁴⁰ Neustart für Thüringen. Damit sich was ändert [Электронный ресурс]. Available at: https://bsw-th.de/wp-content/uploads/2024/06/240608_LWP_fin-2.pdf (accessed 16.02.2025); Sachsens Zukunft: friedlich, vernünftig, gerecht [Электронный ресурс]. Available at: <https://bsw-vg-sachsen.de/wp-content/uploads/2024/05/landtagswahlprogramm2024.pdf> (accessed 16.03.2025).

⁴¹ Ibid.

⁴² Es ist Zeit für andere Politik [Электронный ресурс]. Available at: https://web.archive.org/web/20240916160426/https://afd-brandenburg.de/wp-content/uploads/2024/08/LTW24_RP.pdf (accessed 04.01.2025).

⁴³ Mut für Brandenburg. Das Land. Die Leute. Was zählt [Электронный ресурс]. Available at: <https://wahlprogramm.dielinke-brandenburg.de/> (accessed 04.01.2025).

⁴⁴ Unser Wahlprogramm: Durch und durch sozial! [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.dielinke-sachsen.de/wahlen/landtagswahl-2024/durch-und-durch-sozial/> (accessed 04.01.2025).

⁴⁵ Mut für Brandenburg. Das Land. Die Leute. Was zählt...

из-за отказа от российских поставок и энергетический переход неблагоприятно сказывались на промышленных регионах, особенно в области машиностроения⁴⁶.

Ландтаг Бранденбурга сформировали СДПГ (32 депутата), АдГ (30), ССВ (14) и ХДС (12 депутатов). Математически, при условии, что АдГ не участвует, коалиция большинства без ССВ исключалась. Так появилась «пурпурная коалиция» (СДПГ и ССВ). Ландтаг Тюрингии образовали АдГ (32 депутата), ХДС (23), ССВ (15), левые (12), СДПГ (6 депутатов), и равная по числу депутатов оппозиции «ежевичная коалиция» была создана из ХДС, ССВ и СДПГ. «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» здесь выигрывал по численности, а его сотрудничество с левыми сразу после раскола было маловероятным. В Саксонии же ландтаг составили ХДС (41 депутат), АдГ (40), ССВ (15), СДПГ (10), «зеленые» (7), левые (6) и беспартийный (1 депутат). После провала переговоров с ССВ образовалось правительство меньшинства из ХДС и СДПГ («черно-красная коалиция»).

Суммарно «зеленые» и левые являлись более малочисленными, чем один ССВ, а коалиция из четырех разрозненных партий, где три левее центра, представляла собой трудное решение для правоцентристского ХДС. Более того, глава земельного представительства христианских демократов М. Кречмер отрицал возможность сотрудничества с «Левой»⁴⁷. Размышлять о коалиции ССВ и АдГ было нецелесообразно, так как победа второй состоялась лишь в Тюрингии. Только там математически могло образоваться большинство. После создания такого правительства имела вероятность для партии С. Вагенкнехт оказаться и «нерукопожатной», и без шансов на пост главы правительства.

Оценить результаты ССВ можно и по числу перешедших к ней сторонников других партий (табл. 3). Согласно опросам, наибольший отток произошел от «Левой». На втором месте – категория ранее не голосовавших, что говорит о высоком, но не экстраординарном мобилизационном эффекте. Для сравнения: в 2019 г. к АдГ только в Бранденбурге перешли 107 тыс. чел. ранее не голосовавших, а к СДПГ – 46 тыс. Сходного оттока от левых не было, но и аналогичных расколов в 2019 г. не происходило⁴⁸. Третье место в Бранденбурге (СДПГ) и Саксонии (ХДС) заняли партии, возглавлявшие уходящие коалиции. В обоих случаях между ХДС и СДПГ имелся разрыв примерно в два раза. В Тюрингии же от обеих партий перешло сравнительно близкое число сторонников, но и правительство до 2024 г. возглавляла «Левая». От главного конкурента АдГ избиратели, если и переходили, то только к ССВ, но постепенно. Недостаток данных по СвДП и низкие показатели «зеленых» связаны с невысокой популярностью сил в Восточной Германии. «Свободные избиратели» – партия земельного уровня и пользуется переменным успехом.

⁴⁶ Белов В.Б. Выборы в Саксонии и Тюрингии – проверка устойчивости партийно-политической системы Германии [Электронный ресурс]. РСМД : сайт. URL: <https://clck.ru/3N8Leg> (дата обращения: 04.01.2025).

⁴⁷ Sondierung zwischen CDU, BSW und SPD gescheitert [Электронный ресурс]. Tagesschau. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/sachsen-sondierungen-scheitern-100.html> (accessed 04.01.2025).

⁴⁸ Wählerwanderungen [Электронный ресурс]. Tagesschau. Available at: https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2019-09-01-LT-DE-BB/analyse-wanderung.shtml#11_Wanderung_SPD (accessed 19.04.2025).

Таблица 3. Количество избирателей, перешедших к ССВ на земельных выборах 2024 г., чел.⁴⁹
 Table 3. Number of voters who switched to the SWA in the 2024 land state elections, people

Партия / Party	Земля / State		
	Бранденбург / Brandenburg	Саксония / Saxony	Тюрингия / Thuringia
ХДС / CDU	14 000	43 000	18 000
СДПГ / SDP	26 000	16 000	12 000
АдГ / AfD	16 000	23 000	11 000
«Зеленые» / Greens	5 000	10 000	4 000
СвДП / FDP	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A	6 000
Левые / Left	44 000	73 000	84 000
СИ / FV	12 000	Н/Д / N/A	Н/Д / N/A
Ранее не голосовали / Previously not voted	41 000	45 000	27 000

Примечание / Note. 1) Составлено автором на основе данных Infratest dimap / Compiled by the author based on data from the Infratest dimap; 2) СИ – Свободные избиратели / FV – Free voters.

Несмотря на удачу в четырех кампаниях и последующее попадание в правительства, рейтинги ССВ стали снижаться⁵⁰. Это можно связать с ролью младшего партнера, что предполагает уступки, а в ряде случаев и отсутствие единства. Так, в коалиционном соглашении в Тюрингии, с одной стороны, была прописана поддержка «всех дипломатических инициатив», а с другой, – что ХДС и СДПГ «... видят себя в традициях западного курса и восточной политики», хотя «... ССВ выступает за бескомпромиссный мирный курс»⁵¹. В соглашении в Бранденбурге обозначалось, что у партий «... разные взгляды на необходимость поставок оружия Украине для защиты ее территориальной целостности и суверенитета», а правительство «... поощряет широкие дебаты (по размещению гиперзвуковых ракет и ракет средней дальности на своей территории. – *Примечание автора*)», но санкции не упоминались⁵². Прделанная работа позволила ССВ стать частью правительств, но отстоять позиции союз не смог. Появились сведения и об отсутствии контроля С. Вагенкнехт ситуации, так как ее собственная риторика не предполагала уступок⁵³.

Напротив, опасение слабой позиции привело к прекращению переговоров в Саксонии, где ССВ отказался участвовать в «ежевичной коалиции». Спорными моментами послужили «формула мира», миграционная политика и финансы. Проблемной стала и ситуация с Комитетом по расследованию антикоронавирусных мер, за который после предложения АдГ «Союз Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» проголосовал практически единогласно. Данная тема, как и российский вопрос, была аспектом доверия ССВ со стороны избирателей, хотя потенциальные

⁴⁹ Sachsen. Landtagswahl 2024 [Электронный ресурс]. Tagesschau. Available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2024-09-01-LT-DE-SN/index.shtml> (accessed 19.04.2025) ; Thüringen. Landtagswahl 2024 [Электронный ресурс]. Tagesschau. Available at: <https://www.tagesschau.de/wahl/archiv/2024-09-01-LT-DE-TH/index.shtml> (accessed 19.04.2025).

⁵⁰ Neueste Wahlumfragen im Wahltrend zur Bundestagswahl...

⁵¹ Mut zur Verantwortung. Thüringen nach vorne bringen...

⁵² Ibid. ; Brandenburg voranbringen – Bewährtes sichern. Neues schaffen [Электронный ресурс]. Available at: https://spd-brandenburg.de/wp-content/uploads/sites/111/2024/11/241127_Koalitionsvertrag_SPD_BSW_Ergebnis.pdf (accessed 16.02.2025).

⁵³ Palzer K. “Palastrevolution” im Bündnis Wagenknecht [Электронный ресурс]. Tagesschau. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/bsw-streit-100.html> (accessed 04.01.2025).

партнеры по коалиции были недовольны сотрудничеством с «правыми экстремистами» и обозначили голосование «согласием на трибунал»⁵⁴.

Тем не менее решение вступать в коалиции с партиями мейнстрима (особенно с ХДС), проблемы с подчинением региональных лидеров центральному руководству, а также готовность исключить принципиальные вопросы из коалиционных соглашений привели к падению рейтингов. На федеральных выборах ССВ набрал лишь 4,98 % и не прошел в Бундестаг⁵⁵. Избиратели не поверили, что партия сможет представить решительную альтернативу и реализовать ее.

Обсуждение и заключение. Проверкой для «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» стали четыре кампании, прошедшие в 2024 г. Партия привлекла внимание на европейских выборах, а затем улучшила результат в трех землях Восточной Германии. Это связано с кризисом «Левой», от которой ССВ откололся, а также с самостоятельной деятельностью С. Вагенкнехт – одного из самых популярных левых политиков, вызывающего на востоке ностальгические чувства и отказывающегося от антироссийских настроений.

На фоне АдГ ССВ кажется избирателям силой, менее агрессивной, что по-прежнему важно в контексте исторического прошлого страны, и расположенной к сотрудничеству, но потому и менее яркой. В отличие от «Левой» ССВ выбрал темы, популярные именно на востоке: сокращение расходов на вооружение, снятие санкций, ограничение неконтролируемой миграции, не отказываться от угля до 2038 г. и т. д. Достаточно много общего было с позицией АдГ, жестко выступавшей за миграционные ограничения, снятие санкций и т. д. Однако существенная доля избирателей, вероятно, понимая слабые перспективы прихода к власти АдГ, предпочла С. Вагенкнехт.

Не имея репутации «нерукопожатной», ССВ вступил в две коалиции: в Тюрингии и Бранденбурге. Однако коалиционные соглашения оказались проигрышными. Приоритетные темы либо не были упомянуты (например, санкции), либо обозначались как содержащие разногласия (в частности, поставки оружия). Недовольство также вызвали сотрудничество с партиями мейнстрима и отсутствие единства между различными уровнями управления партии. Учитывая роль младшего партнера, вероятно, ССВ придется и дальше подчиняться, что уже негативно сказалось на их рейтинге: на выборах в Бундестаг 2025 г. партия не преодолела барьер в 5 %.

Результаты проведенного исследования можно применить в научно-исследовательской и экспертно-аналитической деятельности, касающейся влияния актуальных политических тем на избирательные кампании и развития партийных систем. Исследование, ограниченное рамками четырех кампаний 2024 г. и периодом формирования правительственных коалиций, лишь частично затрагивает федеральные выборы 2025 г. В качестве перспективной тематики можно рассматривать участие «Союза Сары Вагенкнехт – за разум и справедливость» и других упомянутых партий в кампаниях разного уровня. Так, в 2025 г. снова заметен прирост рейтинга «Левой», что может отразиться на результатах уже ближайших земельных выборов.

⁵⁴ Michaelis N. BSW stimmt mit AfD: SPD unterbricht Sondierungsgespräche in Sachsen [Электронный ресурс]. Vorwärts. Available at: <https://vorwaerts.de/inland/neue-koalition-fuer-sachsen-spd-unterbricht-sondierungsgespraeche-mit-bsw> (accessed 05.01.2025).

⁵⁵ Bundestagswahl 2025...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Работяжев Н.В. «Альтернатива для Германии»: между консерватизмом и правым популизмом. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2022;3(106):158–178. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-158-178>
2. Dostal J.M. Left Conservatism: Sahra Wagenknecht's Challenge to the German Party System. *The Political Quarterly*. 2024;95(4):634–644. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.13447>
3. Пушкарева В.В. Новое политическое движение в Германии: цели, перспективы. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2019;3(1):62–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-politicheskoe-dvizhenie-v-germanii-tse-li-perspektivy> (дата обращения: 04.01.2025).
4. Пушкарева В.В. Новый проект Сары Вагенкнехт. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2024;8(3):389–402. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-3-389-402>
5. Пушкарева В.В. Фактор Сары Вагенкнехт в современной политической жизни Германии. *Социально-гуманитарные знания*. 2024;(6):179–184. URL: <https://clck.ru/3NnJmS> (дата обращения: 04.01.2025).
6. Белов В.Б. Партийный проект Сары Вагенкнехт – новая протестная альтернатива? *Аналитические записки Института Европы РАН*. 2023;4(28):43–48. <https://doi.org/10.15211/analytics42820234348>
7. Павлов Н.В., Дмитриев Д.А. «Левая»: кризис идеи или врожденный дефект? *Современная Европа*. 2024;(3):82–94. <https://doi.org/10.31857/S0201708324030070>
8. Ночвина Б.А. Партия «Левые» в современной партийно-политической системе ФРГ: поиск идентичности. *Власть*. 2024;(5):259–264. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-259-264>
9. Wagner S., Wurthmann L.C., Thomeczek J.P. Bridging Left and Right? How Sahra Wagenknecht Could Change the German Party Landscape. *Politische Vierteljahresschrift*. 2023;(64):621–636. <https://doi.org/10.1007/s11615-023-00481-3>
10. Thomeczek J.P. Bündnis Sahra Wagenknecht (BSW): Left-Wing Authoritarian – and Populist? An Empirical Analysis. *Politische Vierteljahresschrift*. 2024;(65):535–552. <https://doi.org/10.1007/s11615-024-00544-z>
11. Heckmann L., Wurthmann L.C., Wagner S. Who's afraid of Sahra – Understanding the Shift in Votes towards Germany's Bündnis Sahra Wagenknecht. *Research and Politics*. 2025;12(1):1–7. <https://doi.org/10.1177/20531680241311504>
12. Steiner N.D., Hillen S. Voting for the Bündnis Sahra Wagenknecht (BSW) from a Policy Space Perspective. *German Politics*. 2025:1–25. <https://doi.org/10.1080/09644008.2025.2502100>
13. Thomeczek J.P. The Voting Potential of Bündnis Sahra Wagenknecht. *Political Studies Review*. 2024;23(1):409–417. <https://doi.org/10.1177/14789299241264975>
14. Погорельская С.В. Антивоенные силы ФРГ в 2022–2023 гг.: возможен ли их союз? *Общественные науки и современность*. 2024;(1):106–119. <https://doi.org/10.31857/S0869049924010082>
15. Погорельская С.В. Левая альтернатива для Германии. *Актуальные проблемы Европы*. 2019;(4):78–92. <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.05>
16. Лисенкова А.Д. Партии «Альтернатива для Германии» и «Левая» в восточных землях: трансформация электоральных предпочтений. *Регионология*. 2023;31(3):426–441. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441>
17. Цуциева М.Г. Дискурсивная реализация индивидуальной стратегии конфликта немецкого политика Сары Вагенкнехт. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020;13(12):152–156. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.31>
18. Погорельская С.В. Современный германский популизм: общее и особенное. *Перспективы. Электронный журнал*. 2019;4(20):92–102. <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2019-4-92-102>
19. Щербаков В.Ю. Иммиграционная политика ПДС – «Левой партии» Германии: генезис, эволюция и перспективы. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016;11(73):205–210. URL: <https://www.gramota.net/article/hss20161456/fulltext> (дата обращения: 04.01.2025).
20. Васильев В.И. Германия и проблемы европейской безопасности. *Обозреватель*. 2025;(1):15–28. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2025_1_15

REFERENCES

1. Rabotyazhev N.V. Alternative for Germany: Between Conservatism and Right-Wing Populism. *Politeia – Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. 2022;3(106):158–178. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-158-178>
2. Dostal J.M. Left Conservatism: Sahra Wagenknecht's Challenge to the German Party System. *The Political Quarterly*. 2024;95(4):634–644. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.13447>
3. Pushkareva V.V. A New Political Movement in Germany: Goals and Perspectives. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International Relations*. 2019;3(1):62–72. (In Russ., abstract in Eng.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-politicheskoe-dvizhenie-v-germanii-tseli-perspektivy> (accessed 04.01.2025).
4. Pushkareva V.V. Sarah Wagenknecht's New Project. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2024;8(3):389–402. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2024-8-3-389-402>
5. Pushkareva V.V. Sahra Wagenknecht' Influence in the Modern Political Life of Germany. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2024;(6):179–184. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3NnJmS> (accessed 04.01.2025).
6. Belov V.B. Sahra Wagenknecht's Party Project – a New Protest Alternative? *Analytical Papers of the Institute of Europe RAS*. 2023;4(28):43–48. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.15211/analytics42820234348>
7. Pavlov N.V., Dmitriev D.A. The Left Party: Crisis of Ideas or Inherited Defect? *Sovremennaya Evropa*. 2024;(3):82–94. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.31857/S0201708324030070>
8. Nochvina B.A. «The Left» Party in the Modern Party and Political System of Germany: The Search for Identity. *Vlast'*. 2024;(5):259–264. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-259-264>
9. Wagner S., Wurthmann L.C., Thomeczek J.P. Bridging Left and Right? How Sahra Wagenknecht Could Change the German Party Landscape. *Politische Vierteljahresschrift*. 2023;(64):621–636. <https://doi.org/10.1007/s11615-023-00481-3>
10. Thomeczek J.P. Bündnis Sahra Wagenknecht (BSW): Left-Wing Authoritarian – and Populist? An Empirical Analysis. *Politische Vierteljahresschrift*. 2024;(65):535–552. <https://doi.org/10.1007/s11615-024-00544-z>
11. Heckmann L., Wurthmann L.C., Wagner S. Who's Afraid of Sahra – Understanding the Shift in Votes towards Germany's Bündnis Sahra Wagenknecht. *Research and Politics*. 2025;12(1):1–7. <https://doi.org/10.1177/20531680241311504>
12. Steiner N.D., Hillen S. Voting for the Bündnis Sahra Wagenknecht (BSW) from a Policy Space Perspective. *German Politics*. 2025:1–25. <https://doi.org/10.1080/09644008.2025.2502100>
13. Thomeczek J.P. The Voting Potential of Bündnis Sahra Wagenknecht (BSW). *Political Studies Review*. 2024;23(1):409–417. <https://doi.org/10.1177/14789299241264975>
14. Pogorelskaya S.V. Anti-War Forces of the FRG in 2022–2023: is their Alliance Possible? *Social Sciences and Contemporary World*. 2024;(1):106–119. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.31857/S0869049924010082>
15. Pogorelskaya S.V. Left Alternative for Germany. *Current Problems of Europe*. 2019;(4):78–92. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.05>
16. Lisenkova A.D. The Alternative for Germany and the Left Parties in the Eastern States: Transformation of Electoral Preferences. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):426–441. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.426-441>
17. Teutcieva M.G. Discursive Realisation of the German Politician Sahra Wagenknecht's Individual Conflict Strategy. *Philology. Theory and Practice*. 2020;13(12):152–156. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.31>
18. Pogorelskaya S.V. Modern German Populism: The General and the Specific. *Perspectives and Prospects. E-Journal*. 2019;4(20):92–102. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.32726/2411-3417-2019-4-92-102>

19. Shcherbakov V.Yu. Immigration Policy of the German “Left Party – PDS”: Genesis, Evolution and Prospects. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2016;11(73):205–210. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.gramota.net/article/hss20161456/fulltext> (accessed 04.01.2025).
20. Vasilyev V.I. Germany and European Security Problems. *Observer*. 2025;(1):15–28. (In Russ., abstract in Eng.). https://doi.org/10.48137/2074-2975_2025_1_15

Об авторе:

Лисенкова Алена Денисовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76); старший преподаватель кафедры международных отношений Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2457-3466>, Researcher ID: GRF-1214-2022, Scopus ID: 57878750700, SPIN-код: 1837-3284, alena.denisovna@yandex.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 21.04.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 26.06.2025.

About the author:

Alena D. Lisenkova, Cand.Sci. (Polit.), Senior Researcher, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (76 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation); Senior Lecturer, Department of International Relations, North-West Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Srednii Prospekt V.O., St. Petersburg 199178, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2457-3466>, Researcher ID: GRF-1214-2022, Scopus ID: 57878750700, SPIN-code: 1837-3284, alena.denisovna@yandex.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 21.04.2025; revised 19.06.2025; accepted 26.06.2025.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ /
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.518-530><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/dbhkyx>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 355.2 (4) "2030"

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Переворужение Европы к 2030 году:
вызовы и перспективы

С. Н. Гриняев

*Институт Европы Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
sgreen@csef.ru*

Аннотация

Введение. Резкий рост глобальной нестабильности, изменение баланса сил в мире вынуждают Европейский союз (ЕС) пересматривать подходы к обеспечению собственной безопасности. Цель статьи – проанализировать военно-стратегическую трансформацию ЕС в контексте перевооружения к 2030 г. и оценить ее последствия для международных отношений, включая эскалацию напряженности с Россией, США, а также усиление влияния Китая.

Материалы и методы. Использованы системный анализ, сравнительный подход и экспертные оценки. Источниками послужили официальные документы ЕС (в том числе содержащие сведения о стратегии внутренней безопасности, Белая книга европейской оборонной готовности к 2030 г., план «Готовность 2030»), открытые данные, аналитика российских и зарубежных исследователей.

Результаты исследования. Выявлены вызовы для ЕС: ограниченность ресурсов, зависимость от американских технологий, экономические диспропорции, отсутствие консенсуса по формированию европейских ядерных сил. Выполнение поставленных задач к 2030 г. вызывает сомнения в связи с недостатком координации и финансирования. Определены риски для России и потенциальные последствия для глобальной стабильности.

Обсуждение и заключение. Переворужение ЕС – не только реакция на внешние угрозы, но и адаптация к внутренним вызовам. Практическая значимость исследования заключается в подготовке аналитической базы для прогнозирования оборонной политики ЕС и выработки стратегий реагирования для национальных и международных акторов. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом взаимодействия ЕС и глобальных держав (США, Китая), оценкой влияния новых инициатив на архитектуру международной безопасности. Ограничения обусловлены недостаточной прозрачностью данных о военных бюджетах и неопределенностью политических решений внутри ЕС.

Ключевые слова: перевооружение Европы, международная безопасность, Европейский союз, военно-стратегическая автономия, «Готовность 2030», ядерные силы, экономика ЕС, Россия, США, Китай

© Гриняев С. Н., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гриняев С.Н. перевооружение Европы к 2030 году: вызовы и перспективы. Регионоведение. 2025;33(3):518–530. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.518-530>

Rearming Europe by 2030: Challenges and Prospects

S. N. Grinyayev

*Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
sgreen@csef.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of this research stems from the sharp increase in global instability and the shifting balance of power, which compel the European Union (EU) to reconsider its security strategies. The aim of this article is to provide a comprehensive analysis of the EU's military-strategic transformation in the context of its rearmament plans by 2030 and to assess the potential implications for international relations, particularly given the escalation of tensions with Russia, the United States, and the growing influence of China.

Materials and Methods. The study employs systemic analysis, comparative methodology, and expert assessments. The research is based on open-source materials, official EU documents (such as the White Paper on European Defence, the "Readiness 2030" Rearmament Plan, and the EU Internal Security Strategy), as well as analytical reports from leading Russian and international scholars. This methodological approach enabled the identification of key trends and constraints affecting the implementation of EU defense initiatives.

Results. The research reveals that the EU faces significant challenges, including limited resources, dependence on US technologies, internal economic disparities, and a lack of consensus on critical issues such as the formation of European nuclear forces. The analysis indicates that achieving the stated objectives by 2030 is questionable, and that current strategic initiatives require additional coordination and funding. Special attention is given to the risks posed to Russia and the broader implications for global stability.

Discussion and Conclusion. The article concludes that the EU's rearmament is not only a response to external threats but also an attempt to adapt to internal challenges. The practical significance of the study lies in providing an analytical foundation for forecasting the development of European defense policy and for devising response strategies for national and international actors. Future research should focus on the EU's interactions with global powers (the US, China) and on assessing the impact of new initiatives on the architecture of international security. The study's limitations include insufficient transparency of military budget data and uncertainty regarding political decision-making within the EU.

Keywords: European rearmament, international security, European Union, military-strategic autonomy, Readiness 2030, nuclear forces, EU economy, Russia, USA, China

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Grinyayev S.N. Rearming Europe by 2030: Challenges and Prospects. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(3):518–530. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.518-530>

Введение. Современная военно-политическая ситуация характеризуется глубокой трансформацией, что обусловлено ростом геополитической напряженности, эскалацией региональных конфликтов и усиливающейся конкуренцией между ведущими мировыми державами. Подобные обстоятельства вынуждают Европейский союз (ЕС), который традиционно полагался на партнерство с Соединенными Штатами Америки и коллективную безопасность в рамках Организации Североатлантического договора (англ. *North Atlantic Treaty Organization, NATO*), радикально пересматривать подходы к обеспечению безопасности, актуализировать стратегические приоритеты, чтобы адаптироваться к новым вызовам, возникающим в условиях глобальных изменений [1; 2].

В 2025 году лидеры стран ЕС приняли ряд стратегически значимых документов, в том числе Белую книгу европейской оборонной готовности к 2030 г., план перево-

оружия «Готовность 2030»¹ и описывающие стратегию внутренней безопасности ЕС², которые направлены на укрепление военного потенциала, создание системы обороны, способной противостоять как внешним, так и внутренним угрозам, что отражает намерения ЕС в области безопасности [3; 4]. Эти инициативы знаменуют собой отход от традиционной зависимости от США и НАТО, подчеркивая стремление ЕС к достижению полной военно-стратегической автономии, что является значительным шагом в эволюции европейской безопасности и реализует цель стать самостоятельным игроком на мировой арене, готовым адекватно реагировать на вызовы XXI века [5].

Актуальность данной проблемы обусловлена как изменением баланса сил на международной арене, так и внутренними вызовами, с которыми сталкивается ЕС: экономическими ограничениями, политической фрагментацией, технологической зависимостью от США, а также необходимостью адаптироваться к новым видам угроз – от гибридных атак и киберугроз до энергетической и ресурсной уязвимости. В этих условиях ускоренно формируется новая парадигма европейской безопасности, в рамках которой ЕС стремится не только реагировать на внешние угрозы, но и преодолевать внутренние противоречия, обеспечивая координацию стран-членов и поиск баланса национальных и наднациональных интересов.

Подобная многозадачность подчеркивает неоднозначность текущей ситуации и предполагает комплексный подход, который существенно отличается от ранее господствовавших представлений о пассивной роли Европы в глобальной системе безопасности, где основная ответственность возлагалась на США. При этом акцентируется переход к более активной позиции ЕС на международной арене [6], что требует глубокого анализа.

Общая тема исследования – военно-стратегическая трансформация Европейского союза в контексте реализации планов перевооружения к 2030 г. и ее последствия для международной безопасности. Теоретическая значимость работы заключается в анализе эволюции концепции стратегической автономии ЕС, выявлении новых тенденций в развитии европейской оборонной политики и оценке их влияния на глобальную архитектуру безопасности. Практическая значимость определяется возможностью использовать полученные результаты при прогнозировании развития европейской оборонной политики, выработке рекомендаций для национальных и международных акторов, а также для оценки рисков и перспектив взаимодействия ЕС с Россией, США и Китаем.

Цель статьи – на основе анализа текущей военно-стратегической обстановки в мире и Европе оценить реальные возможности ЕС по реализации планов перевооружения к 2030 году и определить их последствия для международных отношений, включая перспективу формирования европейских ядерных сил, что может существенно повлиять на будущую архитектуру безопасности и требует учета множества факторов.

¹ Commission unveils the White Paper for European Defence and the ReArm Europe Plan / Readiness 2030 [Электронный ресурс]. European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_25_793 (accessed 20.03.2025).

² Commission Presents a European Internal Security Strategy [Электронный ресурс]. European Commission. Available at: https://commission.europa.eu/news/commission-presents-european-internal-security-strategy-2025-04-01_en (accessed 04.04.2025).

Новизна исследования заключается во введении в научный оборот аналитики последних стратегических документов ЕС, их влияния на глобальную и региональную безопасность, а также в оценке потенциальных рисков для России как ключевого актора в европейском пространстве. Это дополняет существующие подходы к изучению темы, предложенные, например, К. Жушк, фокусирующейся на стратегических последствиях для НАТО³.

Обзор литературы. Среди работ по рассматриваемой теме следует отметить публикации таких авторов, как М. Аландер, С. Дж. Брукс и Х. Мейер, чьи исследования эволюции европейской оборонной политики получили признание в международных кругах [7; 8]. А. Гечиу также анализирует аспекты политической консолидации НАТО и вопросы управления внутренними разногласиями, которые, по ее мнению, осложнились в связи с подъемом радикально-консервативных политических сил в ряде союзных государств [9].

Значительный вклад в изучение темы внесли публикации А. Громыко, посвященные текущей геополитической трансформации в контексте европейской безопасности [10] и предоставляющие данные для ее анализа. Российские эксперты А. Фененко и Д. Данилов перевооружение ЕС воспринимают как элемент антироссийской стратегии, что отражает более широкий геополитический контекст и подчеркивает поляризацию взглядов, характерную для современной аналитики [11; 12]. Серьезные исследования также проводились А. Алёшиным, который рассматривает последствия европейских инициатив для России и глобальной стабильности⁴ [13].

Современные исследования в области международной безопасности подчеркивают значительные перемены в роли Европейского союза на фоне роста геополитической напряженности, что отражено в ряде научных публикаций последних лет, посвященных как европейской, так и глобальной безопасности. В частности, К. Г. Якоб, утверждает, что перевооружение Европы – прямой ответ на стремительные преобразования обстановки в мире, что создает серьезные вызовы для ЕС [14]. Этот процесс понимается как часть более широкой стратегии, направленной на обеспечение безопасности Европы в условиях изменения ситуации в НАТО, что актуализирует необходимость для ЕС адаптироваться к новым реалиям.

Аналогичный вывод делает М. Аландер, которая отмечает, что Россия за последние годы более эффективно наращивала военный потенциал по сравнению с Западом и это вынуждает ЕС ускорять оборонные реформы в поисках пути повышения собственной обороноспособности⁵. Он подкреплён анализом динамики военных расходов и модернизации вооруженных сил, проведенным Н. Милорадовичем, который подчеркивает неизбежность перевооружения Европы в условиях текущей геополитической конкуренции, особенно в контексте конфликта в Украине и других региональных вызовов [15]. Об этом же пишет К. Г. Якоб, акцентируя внимание на глобальных последствиях [14].

³ Zysk K. Struggling, Not Crumbling: Russian Defence AI in a Time of War [Электронный ресурс]. RUSI. Available at: <https://clck.ru/3NnFSU> (accessed 04.04.2025).

⁴ Степанова Е.А. Между войной и миром: мирные процессы и вооруженное насилие. М.: ИМЭ; 2023. 198 с.

⁵ Ålander M., Paul M. Moscow Threatens the Balance in the High North. In Light of Russia's War in Ukraine, Finland and Sweden Are Moving Closer to NATO [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.18449/2022C24>

Н. Кондратьева акцентирует внимание на экономических ограничениях ЕС, препятствующих реализации масштабных программ перевооружения [16]. По данным П. Дермина⁶, военные расходы стран ЕС в 2024 г. составили 457 млрд долл., что значительно ниже совокупных затрат США (886 млрд долл.). Подобный разрыв отражает, с одной стороны, финансовые и структурные проблемы европейской экономики, необходимость поиска дополнительных источников финансирования для реализации планов перевооружения; с другой – недостаток инвестиций в оборонную промышленность, зависимость от внешних поставок. А. Калькара подчеркивает зависимость ЕС от американских технологий, что ограничивает его стратегическую автономию и делает уязвимым перед возможными изменениями в политике США [17].

Ряд публикаций поднимает проблему «ядерной трилеммы» Европы⁷. Отмечается, что создание собственных ядерных сил требует пересмотра отношений с НАТО, для чего, как отмечает Л. Фридман, необходимо преодоление политических разногласий внутри ЕС, связанных с отсутствием единого видения среди стран-членов относительно ядерной политики и ее практической реализации [18]. В дискуссии о будущем европейского подхода к стратегическому сдерживанию эту позицию разделяют Э. Файе, А. Фаттер и У. Кюн [19]. Сложность достижения стратегической автономии ЕС в условиях текущих политических и экономических реалий, что подчеркивает данная дискуссия, требует дальнейшего изучения.

Сравнительный анализ показывает существенные различия в подходах к интерпретации действий ЕС, что отражает глубокие идеологические и стратегические расхождения между Россией и Западом, о чем пишут и российские, и зарубежные авторы, представляющие ведущие научные центры. Отечественные исследователи склонны интерпретировать перевооружение как часть долгосрочной антироссийской политики, направленной на сдерживание Москвы и укрепление позиций Запада в глобальной системе безопасности. Они ссылаются на исторические прецеденты, например холодную войну, и подчеркивают потенциальные риски для стабильности в регионе. Западные эксперты акцентируют внимание на прагматичных целях ЕС, связанных с обеспечением внутренней стабильности и защитой от многообразных современных угроз, что делает их подход ориентированным на внутренние потребности ЕС.

Основные трудности при изучении темы связаны с недостаточной прозрачностью данных о военных бюджетах стран ЕС, что мешает точной оценке их реальных возможностей, пониманию финансовой базы перевооружения и может быть отнесено к ограничениям исследования. Отсутствует консенсус относительно готовности европейской экономики к мобилизационному производству, что вызывает споры о реалистичности сроков, установленных в стратегических документах, и о том, насколько ЕС способен преодолеть имеющиеся сложности. Нерешенными остаются вопросы о степени зависимости ЕС от США в области высокотехнологичного

⁶ Dermine P. Funding Europe's Defence: A First Take On the Commission's ReArm Europe Plan [Электронный ресурс]. Verfassungsblog. Available at: <https://verfassungsblog.de/rearm-europe-law/> (accessed 03.05.2025).

⁷ Bell M.S., Hoffmann F.R. Europe's Nuclear Trilemma: The Difficult and Dangerous Options for Post-American Deterrence. *Foreign Affairs*. 2025;104(5). Available at: <https://www.foreignaffairs.com/europe/europes-nuclear-trilemma> (accessed 04.04.2025).

вооружения, включая системы управления и разведки, а также о выполнимости задачи по формированию европейских ядерных сил в условиях действительности.

Пробелы в знаниях обуславливают необходимость более глубокого исследования, которое могло бы объединить сведения из различных источников и предложить целостную картину происходящего. Настоящая статья восполняет некоторые из этих пробелов, предлагая системный анализ стратегических инициатив ЕС, их экономических и политических основ, а также их последствий для международной безопасности в целом и для отношений с Россией в частности, что дополняет работы ведущих российских и зарубежных ученых.

Материалы и методы. В качестве эмпирической базы исследования выступали официальные стратегические документы Европейского союза в области обороны и безопасности. Дополнительно были проанализированы открытые статистические данные по военным расходам стран ЕС, отчеты специализированных международных организаций (Стокгольмского международного института исследований проблем мира, НАТО, Евростата), публикации ведущих исследовательских институтов (Института Европы Российской академии наук, Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук), экспертные оценки профильных специалистов по вопросам безопасности и обороны.

Объектом исследования является военно-стратегическая политика Европейского союза в контексте реализации планов перевооружения к 2030 г., изложенных в Белой книге европейской оборонной готовности к 2030 г., плане «Готовность 2030» и стратегии внутренней безопасности ЕС ProtectEU⁸, которые представляют собой основные документы, определяющие будущее европейской обороны и ее роль в глобальной системе безопасности.

Анализ охватывает текущую военно-политическую обстановку в мире и Европе, включая продолжающийся конфликт в Украине, потенциальные угрозы со стороны России и растущее влияние Китая в европейском регионе, что делает исследование многогранным и актуальным в контексте современных вызовов. Внимание уделено динамике отношений ЕС и США; отмечаются такие факторы, как угроза введения пошлин на европейские товары и ограничение доступа к американским военным технологиям, что может существенно повлиять на реализацию планов ЕС и требует учета при анализе. Также учитываются итоги встреч лидеров европейских государств в 2025 г., на которых обсуждались вопросы будущего европейской обороны, в том числе финансирование, координация и стратегические приоритеты.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом осуществлялся сбор информации из открытых источников, включая названные официальные документы ЕС, что позволило сформировать базу для анализа и обеспечить достоверность исходных данных.

На втором этапе реализовывался сравнительный анализ военного потенциала стран ЕС (общая численность вооруженных сил ЕС была оценена в 1,3 млн чел.),

⁸ Communication from The Commission to The European Parliament, The Council, The European Economic and social committee and The Committee of the Regions on ProtectEU: a European Internal Security Strategy [Электронный ресурс]. EUR-Lex. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52025DC0148> (accessed 23.08.2025).

что дало возможность сопоставить их с другими глобальными акторами, такими как Россия и США, и оценить относительные возможности.

Третий этап предусматривал экспертную оценку экономической готовности ЕС к мобилизационному производству, что выявило ключевые ограничения и подчеркнуло проблему кадрового дефицита. Выяснилось, что в 2024 г. оборонная промышленность ЕС насчитывала лишь 120 тыс. специалистов.

Четвертый этап был посвящен анализу ресурсного обеспечения, в частности доступа к редкоземельным металлам, необходимым для производства вооружения. Подтвердились зависимость ЕС от внешних поставок и важность поиска альтернативных источников.

На пятом этапе изучались протоколы встреч лидеров ЕС в 2025 г., на которых обсуждались вопросы финансирования и координации оборонных усилий, что позволило уточнить политические приоритеты и задачи ЕС в области обороны.

На шестом этапе оценивалось влияние внешних факторов, связанных с политикой США и Китая, на реализацию планов ЕС. Благодаря этому произошло расширение контекста исследования и были учтены международные аспекты проблемы.

Выбор методов обуславливался необходимостью комплексного подхода к проблеме, которая сочетает в себе военно-стратегические, экономические и политические аспекты, что требует привлечения разнообразных аналитических инструментов. Системный анализ выявил взаимосвязи между этими факторами, обеспечивая целостное понимание ситуации и ее сложности; рассмотреть трансформацию оборонной политики ЕС как многоуровневый процесс, учитывающий помимо названных технологические факторы.

Использование сравнительного метода обеспечило сопоставление аналогичных показателей (в частности, военных расходов, темпов модернизации и структурных особенностей оборонных систем) стран ЕС, России, США и Китая, что дало возможность оценить относительную позицию ЕС в глобальной системе безопасности, выявить ее сильные и слабые стороны.

Дополнительно применялся тематический анализ заявлений лидеров ЕС на встречах 2025 г. для выявления приоритетов в оборонной политике, что позволило уточнить политическую волю и стратегические намерения ЕС, а также оценить степень их согласованности.

Результаты исследования. *Военно-стратегическая обстановка.* Современная военно-стратегическая обстановка в мире (и в Европе, в частности) в 2025 г. определяется высокой степенью нестабильности, вызванной эскалацией региональных конфликтов и трансформацией системы международной безопасности. При этом ключевыми акторами остаются США, Китай, Россия и Европейский союз, между которыми обостряется борьба за влияние в различных регионах мира. С 2022 года наблюдается тенденция к наращиванию военных расходов, что отражает не только количественный рост, но и качественное обновление вооруженных сил, включая развитие высокоточных, кибер- и гиперзвуковых систем, а также совершенствование средств ядерного сдерживания.

Специфической чертой современного этапа становится размывание границ между традиционными и гибридными угрозами: наряду с классическими военными конфликтами возрастают риски кибератак, экономического давления, информа-

ционных операций и использования частных военных компаний. Это требует от государств и международных организаций новых подходов к обеспечению безопасности, усиления координации и адаптации к быстро меняющимся условиям.

В европейском регионе военно-стратегическая обстановка определяется несколькими событиями, наиболее важным из которых остается конфликт в Украине, ставший катализатором ускоренного пересмотра оборонной политики Евросоюза. Последнее в совокупности со стремлением ЕС к стратегической автономии может спровоцировать новые гонки вооружений там, где ведущие державы будут стремиться укрепить позиции. Это ведет к дальнейшей фрагментации системы международной безопасности и усложняет поиск компромиссов по основным вопросам глобальной стабильности.

Политические и институциональные барьеры. В условиях динамично развивающихся угроз национальные армии стран ЕС демонстрируют неоднородную готовность, что затрудняет достижение единого уровня обороноспособности и требует усилий по выравниванию возможностей. Так, Германия выделяет на оборону 100 млрд евро в рамках специального фонда, что делает ее одним из лидеров в этом процессе и подчеркивает ее ключевую роль в перевооружении. Франция же обладает ядерным потенциалом в 290 боеголовок, что дает ей преимущество в области стратегического сдерживания и выделяет ее среди стран-членов. Однако государства Восточной Европы (например, Литва) имеют ограниченные силы (около 20 тыс. военнослужащих) и полностью зависят от внешней поддержки.

Идея формирования европейских ядерных сил, предложенная Э. Макроном⁹, столкнулась с политическими барьерами, в первую очередь с отсутствием консенсуса в ЕС и зависимостью от американского «ядерного зонтика», который обеспечивает 80 % ядерного сдерживания. Обсуждение на встречах лидеров ЕС показало, что лишь 40 % участников готовы поддержать данную инициативу. Это свидетельствует о серьезных разногласиях по обозначенной идее внутри союза и политической сложности ее реализации.

Промышленный и экономический потенциал. Экономика ЕС испытывает давление из-за роста военных расходов. План «Готовность 2030» предусматривает увеличение производства вооружения, включая выпуск 2 млн артиллерийских снарядов ежегодно. Однако текущие мощности европейской оборонной промышленности способны обеспечить лишь 50 % данного целевого показателя. Другими словами, имеются значительные производственные ограничения, индустриальная база недостаточна. Кроме того, мобилизационное производство ограничено в связи с нехваткой ресурсов, в частности редкоземельных металлов, 70 % которых импортируется из Китая, а также в связи с дефицитом кадров, что в совокупности создает дополнительные риски и осложняет достижение установленных показателей. Без внешней поддержки сроки перевооружения могут быть растянуты до 2035 г. и дольше. Тем не менее встречи лидеров ЕС в 2025 г. подтвердили намерение увеличить военные бюджеты на 20 % к 2027 г. Это демонстрирует определенную

⁹ Macron will open debate about extending French nuclear protection to European allies [Электронный ресурс]. Reuters. Available at: <https://www.reuters.com/world/europe/frances-macron-address-nation-late-wednesday-2025-03-05/> (accessed 23.08.2025).

политическую волю к реализации планов, но одновременно актуализирует необходимость поиска дополнительных источников финансирования.

Влияние на Россию и международную безопасность. Перевооружение Европейского союза к 2030 г. оказывает существенное воздействие на военно-стратегическую обстановку в Европе и мире, формируя новые вызовы для России и всей системы международной безопасности в целом.

Осуществление европейских программ перевооружения, включая создание автономных сил быстрого реагирования, модернизацию военной инфраструктуры, и обсуждение перспектив формирования европейских ядерных сил воспринимается Россией как элемент долгосрочной стратегии по укреплению позиций Запада в регионе. Увеличение численности войск и военной техники на восточных рубежах ЕС, а также расширение военного присутствия НАТО вызывают обеспокоенность российского руководства по поводу потенциальной угрозы национальной безопасности и повышают риск возникновения инцидентов на линии соприкосновения.

Несмотря на провозглашенный ЕС курс на стратегическую автономию, сохраняется высокая степень зависимости от США в вопросах ядерного сдерживания и военных технологий. Это ограничивает самостоятельность европейской оборонной политики, однако способствует дальнейшей интеграции западного военного блока, что воспринимается Россией как фактор усиления конфронтационного потенциала в регионе. Попытки отдельных стран ЕС инициировать создание европейских ядерных сил в отсутствие консенсуса внутри союза рассматриваются в Москве как потенциальная угроза стратегическому паритету.

В контексте международной безопасности увеличение военных расходов, расширение военной инфраструктуры и модернизация вооруженных сил способствуют росту конфронтационной логики в отношениях между Россией и Западом, что повышает вероятность военных инцидентов и осложняет диалог по вопросам контроля над вооружениями. Усиление военного присутствия НАТО и ЕС в Восточной Европе приводит к размыванию прежних договоренностей о мерах доверия и снижает уровень предсказуемости в регионе. Для России это означает необходимость адаптации военной доктрины, развития собственных средств сдерживания и поиска новых форматов диалога с ЕС и НАТО.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что Европейский союз ускоренно выстраивает новую систему управления вооруженными силами и военно-промышленным комплексом в ответ на внешние и внутренние вызовы, что отражено в принятии таких документов, как план «Готовность 2030» и связанных со стратегией внутренней безопасности, а также в итогах встреч лидеров ЕС в 2025 г., где подчеркивалась потребность в укреплении обороны. Этот процесс обусловлен не только ростом напряженности в отношениях с Россией, но и неизбежностью приведения действующей системы в соответствие с результатами происходящей глобальной трансформации, а именно усилением влияния Китая и потенциальным ослаблением трансатлантических связей с США, что делает перевооружение многофакторной задачей, требующей комплексного подхода.

Однако достижение целей перевооружения к 2030 г. осложняется рядом факторов, которые нуждаются в детальном изучении для понимания их влияния и поиска решений. Экономика ЕС не готова к полномасштабному мобилизационному произ-

водству из-за дефицита ресурсов и кадров, что акцентирует структурную слабость европейской промышленности и целесообразность значительных инвестиций для ее преодоления. Зависимость от США в технологиях сохраняется, поскольку большая часть высокотехнологичного вооружения ЕС импортируется из Америки, что ставит под сомнение возможность достижения полной стратегической автономии, инициирует поиск альтернативных источников технологий, а также развитие собственной индустрии. Без пересмотра структуры НАТО и согласия всех членов ЕС формирование ядерных сил остается маловероятным, что делает эту инициативу скорее политическим заявлением, чем реалистичным планом, учитывая имеющиеся трудности в достижении консенсуса.

Практическая значимость работы заключается в выявлении уязвимости европейской стратегии, что может быть использовано для прогнозирования действий ЕС и разработки контрмер, особенно в контексте отношений с Россией. Для последней перевооружение Европы представляет потенциальную угрозу, требующую стратегического ответа, который может быть связан с укреплением собственной обороны. При этом ограниченные возможности ЕС снижают непосредственную угрозу до конца текущего десятилетия, что дает время на стратегическое планирование и подготовку к долгосрочным изменениям.

Экономические и политические аспекты современной ситуации в ЕС не позволяют ему быстро нарастить военный потенциал до уровня, который мог бы представлять реальную опасность в краткосрочной перспективе, но долгосрочные последствия требуют мониторинга и анализа. В дальнейшем целесообразно исследовать влияние Китая, поставляющего ЕС значительную часть редкоземельных металлов, а также возможности кооперации ЕС с третьими странами, прежде всего с Турцией, которая может сыграть ключевую роль в обеспечении ресурсной базы и производственных мощностей, что будет способствовать реализации планов перевооружения и повышению их эффективности.

Прогноз развития ситуации указывает на постепенное усиление военного потенциала ЕС к 2035 г. при условии преодоления имеющихся ограничений и увеличения инвестиций до 600 млрд долл. к 2030 г., что потребует определенных усилий со стороны стран-членов и координации их действий. Этот сценарий предполагает, что ЕС сможет решить внутренние противоречия и наладить эффективное сотрудничество между странами-участницами, что пока остается под вопросом из-за политической фрагментации и экономических диспропорций.

Альтернативный сценарий, при котором экономические и политические проблемы ЕС сохраняются, чреват затягиванием сроков перевооружения и снижением его эффективности, что ослабит позиции Евросоюза как самостоятельного актора на международной арене и создаст новые вызовы. Для России это означает необходимость подготовки к различным вариантам развития событий, включая как усиление военного присутствия НАТО на границах, так и ослабление ЕС из-за внутренних кризисов, что может привести к появлению дополнительных возможностей для влияния в регионе и требует гибкости в стратегическом планировании.

В международном масштабе возрастает значимость укрепления механизмов контроля над вооружениями, предотвращения инцидентов и поддержания каналов коммуникации между основными центрами силы.

Перевооружение Европы к 2030 г. становится одним из основных факторов, формирующих новую конфигурацию международной безопасности. Для России это вызов, предполагающий комплексный ответ на стратегическом, дипломатическом и технологическом уровнях. В то же время для всей системы международных отношений актуализируется поиск баланса между обеспечением национальной безопасности и поддержанием глобальной стабильности, что требует иных подходов к управлению конфликтами и развитию механизмов коллективной безопасности.

Настоящее исследование основано преимущественно на анализе открытых источников, стратегических документов и экспертных оценок, что обуславливает определенные ограничения. Так, отсутствие прозрачности данных о военных бюджетах и планах отдельных стран ЕС затрудняет проведение комплексной количественной оценки реальных возможностей союза. Кроме того, динамичность политической и экономической ситуации в Европе и мире может привести к изменению приоритетов и корректировке стратегических планов, что снижает прогностическую точность полученных выводов. Наконец, работа не в полной мере охватывает вопросы взаимодействия ЕС с третьими странами (например, Турцией), а также влияния современных технологических угроз.

Указанные направления (с учетом не только текущих данных, но и потенциальных изменений в глобальной системе безопасности в ближайшие годы) составляют поле дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешин А.А. Сотрудничество ЕС и НАТО после начала специальной военной операции России. *Современная Европа*. 2024;(5):189–200. <https://doi.org/10.31857/S0201708324050152>
2. Żebrowski A. Threats to the European Security Space of the Third Decade of the XXI Century (Selected Aspects). *Security Dimensions*. 2024;48(48):165–206. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0055.0514>
3. Miszczak K. “Strategiczny Kompas” Unii Europejskiej. Większe bezpieczeństwo i skuteczniejsza obrona UE – plan działań do 2030 r. *Politeja*. 2024;21(1):139–156. <https://doi.org/10.12797/Politeja.20.2024.88.1.09>
4. Cuong N.M., Chelabi K., Hadziahmetovic N., Sateeshchandra N.G., Nghiem T. Institutional Constraints and Reform: European Union’s Responses to the Ukraine Conflict Challenges. *International Journal of Innovative Research and Scientific Studies*. 2025;8(1):1254–1266. <https://doi.org/10.53894/ijirss.v8i1.4577>
5. Varma T. European Strategic Autonomy: The Path to a Geopolitical Europe. *The Washington Quarterly*. 2024;47(1):65–83. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2024.2327820>
6. Béraud-Sudreau L., Giegerich B. NATO Defence Spending and European Threat Perceptions. *Survival*. 2018;60(4):53–74. <https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1495429>
7. Ålander M., Paul M., Swistek G. Zeitenwende im Arktisch-Nordatlantischen Raum. Außen- und Sicherheitspolitische Folgen des NATO-Beitritts von Finnland und Schweden. *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*. 2022;(15):361–371. <https://doi.org/10.1007/s12399-022-00930-8>
8. Brooks S.G., Meijer H. Europe Cannot Defend Itself: The Challenge of Pooling Military Power. *Survival*. 2021;63(1):33–40. <https://doi.org/10.1080/00396338.2021.1881251>
9. Gheciu A. NATO, Liberal Internationalism, and the Politics of Imagining the Western Security Community. *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2019;74(1):32–46. <https://doi.org/10.1177/0020702019834645>
10. Громыко А.А. Куда идет мир? Летопись грандиозной трансформации. *Современная Европа*. 2023;(2):180–185. <https://doi.org/10.31857/S0201708323020146>
11. Фененко А.В. Войны в структуре мировых порядков. Анализ и прогноз. *Журнал ИМЭМО РАН*. 2022;(3):13–36. <https://doi.org/10.20542/afij-2022-3-13-36>
12. Данилов Д.А. НАТО в Арктике: импульсы и ограничения. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2024;(5):7–17. <https://elibrary.ru/item.asp?id=77441694>

13. Алёшин А. Роль научного дискурса в стратегическом развитии НАТО. *Международные процессы*. 2022;20(4):136–156. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.1>
14. Iacob C.-G. The Strategic Repositioning of the European Union in the New Global Geopolitical Context. *The Romanian Economic Journal*. 2023;26(86):88–100. Available at: <https://clck.ru/3NjaNN> (accessed 10.01.2025).
15. Miloradović N.M. Contemporary Security Challenges and their Impact on the Increase of the Military Spending and the Budget for the Development and Procurement of Weapons and Military Equipment. *Vojno delo*. 2023;75(3):30–47. <https://doi.org/10.5937/vojdelo2303030M>
16. Кондратьева Н.Б. Трансатлантические экономические отношения на перепутье. *Современная Европа*. 2024;(6):89–99. <https://doi.org/10.31857/S0201708324060081>
17. Calcara A. Cooperation and Conflict in the European Defence-Industrial Field: The Role of Relative Gains. *Defence Studies*. 2018;18(4):474–497. <https://doi.org/10.1080/14702436.2018.1487766>
18. Freedman L. Europe's Nuclear Deterrent: The Here and Now. *Survival*. 2025;67(3):7–24. <https://doi.org/10.1080/00396338.2025.2508078>
19. Fayet H., Futter A., Kühn U. Forum: Towards a European Nuclear Deterrent. *Survival*. 2024;66(5):67–98. <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2403218>

REFERENCES

1. Aleshin A.A. The EU–NATO Cooperation after the Start of the Special Military Operation. *Sovremennaya Evropa*. 2024;(5):189–200. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0201708324050152>
2. Żebrowski A. Threats to the European Security Space of the Third Decade of the XXI Century (Selected Aspects). *Security Dimensions*. 2024;48(48):165–206. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0055.0514>
3. Miszczak K. “Strategiczny Kompas” Unii Europejskiej. Większe bezpieczeństwo i skuteczniejsza obrona UE – plan działań do 2030 r. *Politeja*. 2024;21(1):139–156. (In Polish, abstract in Eng.) <https://doi.org/10.12797/Politeja.20.2024.88.1.09>
4. Cuong N.M., Chelabi K., Hadziahmetovic N., Sateeshchandra N.G., Nghiem T. Institutional Constraints and Reform: European Union's Responses to the Ukraine Conflict Challenges. *International Journal of Innovative Research and Scientific Studies*. 2025;8(1):1254–1266. <https://doi.org/10.53894/ijirss.v8i1.4577>
5. Varma T. European Strategic Autonomy: The Path to a Geopolitical Europe. *The Washington Quarterly*. 2024;47(1):65–83. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2024.2327820>
6. Béraud-Sudreau L., Giegerich B. NATO Defence Spending and European Threat Perceptions. *Survival*. 2018;60(4):53–74. <https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1495429>
7. Ålander M., Paul M., Swistek G. Zeitenwende im arktisch-nordatlantischen Raum. Außen- und Sicherheitspolitische Folgen des NATO-Beitritts von Finnland und Schweden. *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*. 2022;(15):361–371. (In German, abstract in Eng.) <https://doi.org/10.1007/s12399-022-00930-8>
8. Brooks S.G., Meijer H. Europe Cannot Defend Itself: The Challenge of Pooling Military Power. *Survival*. 2021;63(1):33–40. <https://doi.org/10.1080/00396338.2021.1881251>
9. Gheciu A. NATO, Liberal Internationalism, and the Politics of Imagining the Western Security Community. *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2019;74(1):32–46. <https://doi.org/10.1177/0020702019834645>
10. Gromyko A.A. Where is the World Heading? The Chronicle of Grand Transformation. *Sovremennaya Evropa*. 2023;(2):180–185. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0201708323020146>
11. Fenenko A.V. Wars in the World Orders' Structure. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2022;(3):13–36. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/afij-2022-3-13-36>
12. Danilov D.A. NATO in the Arctic: Incentives and Impediments. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*. 2024;(5):7–17. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=77441694>
13. Aleshin A. Scientific Discourse on NATO's Strategic Evolution. *International Trends Journal*. 2022;20(4):136–156. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.4.71.1>
14. Iacob C.-G. The Strategic Repositioning of the European Union in the New Global Geopolitical Context. *The Romanian Economic Journal*. 2023;26(86):88–100. Available at: <https://clck.ru/3NjaNN> (accessed 10.01.2025).

15. Miloradović N.M. Contemporary Security Challenges and their Impact on the Increase of the Military Spending and the Budget for the Development and Procurement of Weapons and Military Equipment. *Vojno delo*. 2023;75(3):30–47. (In Bosnian., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.5937/vojdela2303030M>
16. Kondratieva N.B. Transatlantic Economic Relations at a Crossroads. *Sovremennaya Evropa*. 2024;(6):89–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0201708324060081>
17. Calcara A. Cooperation and Conflict in the European Defence-Industrial Field: The Role of Relative Gains. *Defence Studies*. 2018;18(4):474–497. <https://doi.org/10.1080/14702436.2018.1487766>
18. Freedman L. Europe's Nuclear Deterrent: The Here and Now. *Survival*. 2025;67(3):7–24. <https://doi.org/10.1080/00396338.2025.2508078>
19. Fayet H., Futter A., Kühn U. Forum: Towards a European Nuclear Deterrent. *Survival*. 2024;66(5):67–98. <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2403218>

Об авторе:

Гриняев Сергей Николаевич, доктор технических наук, главный научный сотрудник Отдела страновых исследований Центра арктических исследований Института Европы Российской академии наук (125009, Российская Федерация, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6511-9553>, Researcher ID: ADQ-8034-2022, Scopus ID: 57513756200, SPIN-код: 4645-8700, sgreen@csef.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.08.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 13.05.2025.

About the author:

Sergey N. Grinyaev, Dr.Sci. (Engr.), Chief Researcher, Department of Country Studies, Center for Arctic Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (11 Bldg. 3 Mokhovaya St., Moscow 125009, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6511-9553>, Researcher ID: ADQ-8034-2022, Scopus ID: 57513756200, SPIN-код: 4645-8700, sgreen@csef.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 26.08.2024; revised 06.05.2025; accepted 13.05.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.531-548>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/zntncx>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 008-027.45

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Модели взаимодействия социальных субъектов и акторов в обеспечении социокультурной безопасности муниципалитетов

Ю. С. Маркова ✉

С. С. Гордеева

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(г. Пермь, Российская Федерация)*

✉ julyamarkova@gmail.com

Аннотация

Введение. Возрастающие социальная дифференциация и риск усиления межгрупповой напряженности обуславливают острую нехватку на уровне муниципалитетов эффективных механизмов для поддержания общественного согласия и интеграции. Цель исследования – проанализировать взаимодействие политических субъектов и акторов гражданского общества как механизм поддержания социокультурной безопасности в территориальных социумах (на примере Пермского края).

Материалы и методы. Методология эмпирического исследования представлена стратегией кейс-стади. В качестве кейсов выступили шесть муниципальных округов Пермского края. Материалом послужили результаты экспертного опроса представителей органов муниципальной власти, руководителей социально ориентированных некоммерческих организаций, молодежных и добровольческих объединений в отобранных муниципальных образованиях (всего 32 интервью). Методика экспертного опроса, проведенного в октябре–декабре 2024 г., строилась по классической схеме качественного глубинного интервью. В основу анализа полученных сведений положен метод аналитической индукции, с помощью которого выделены и охарактеризованы модели взаимодействия субъектов и акторов в муниципалитетах.

Результаты исследования. Определены три модели взаимодействия различных социальных акторов в социокультурных проектах, дифференцированные по уровню зрелости партнерства: от ограниченной низовой мобилизации до институционализированного межсекторного партнерства. Выявлена критическая роль общественных организаций и социально ответственного бизнеса как катализаторов низовой активности; значимость систематического диалога и вовлечения локальных лидеров мнений для укрепления доверия, повышения легитимности проектов и обеспечения социальной сплоченности территориальных сообществ.

Обсуждение и заключение. Эффективность взаимодействия различных акторов, участвующих в социокультурных проектах, в значительной степени зависит от социально-экономического потенци-

© Маркова Ю. С., Гордеева С. С., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ала территории, доступности финансовых ресурсов, информационно-коммуникативных технологий и низкой активности местного населения. Общественные организации и социально ответственный бизнес играют важную роль в активизации местных сообществ и создании эффективного взаимодействия с государственными структурами. Результаты исследования могут быть применены для разработки и поддержки социокультурных проектов, а также активизации местных жителей, что в конечном счете будет способствовать укреплению социокультурной безопасности территорий.

Ключевые слова: социокультурная безопасность, социальное проектирование, гражданское общество, партиципаторный подход, муниципальные образования

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10117 (<https://rscf.ru/project/24-78-10117/>).

Для цитирования: Маркова Ю.С., Гордеева С.С. Модели взаимодействия социальных субъектов и акторов в обеспечении социокультурной безопасности муниципалитетов. *Регионоведение*. 2025;33(3):531–548. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.531-548>

Models of Interaction of Social Subjects and Actors in Ensuring Socio-Cultural Security of Municipalities

Yu. S. Markova ✉ S. S. Gordeeva
Perm State University
(Perm, Russian Federation)
✉ julyamarkova@gmail.com

Abstract

Introduction. In the realities of modern Russian society, characterized by increasing social differentiation and the risk of increased intergroup tension, there is an acute shortage of effective mechanisms for maintaining public consensus and integration at the municipal level. This is why studying the models of interaction between local governments and civil society structures in the process of social design becomes particularly relevant, as it represents a potential tool for reducing the risks of social disintegration.

Materials and Methods. The methodology of the empirical study is based on a case study strategy. Six municipal districts of the Perm Territory were used as case studies. The materials were based on the results of an expert survey of representatives of municipal authorities, heads of socially oriented non-profit organizations, as well as youth and volunteer associations in the selected municipalities (a total of 32 interviews were conducted between October and December 2024). The expert survey was conducted using the classic method of qualitative in-depth interviews. The analysis of the data obtained was based on the method of analytical induction. This method made it possible to identify and characterize models of interaction between subjects.

Results. A typology of models of interaction between various social actors in sociocultural projects was developed, identifying three distinct models: from limited mobilization at the grassroots level to institutionalized cross-sectoral partnerships. The important role of public organizations and socially responsible enterprises as catalysts for grassroots activities was identified, as well as the importance of systematic dialogue and the involvement of local opinion leaders in strengthening trust, increasing the legitimacy of projects, and ensuring social cohesion in territorial communities.

Discussion and Conclusion. The effectiveness of interaction between various social actors involved in sociocultural projects largely depends on the socioeconomic potential of the territory itself, the availability of financial resources, information and communication technologies, and the activity of the local population. Public organizations and socially responsible enterprises play an important role in activating local communities and establishing effective interaction with government agencies. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results to the development and support of socio-cultural projects and the activation of local residents, which will ultimately contribute to strengthening socio-cultural security in the territories.

Keywords: sociocultural security, social engineering, civil society, participatory approach, municipal entities

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was conducted with the support of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-78-10117 (<https://rscf.ru/project/24-78-10117/>).

For citation: Markova Yu.S., Gordeeva S.S. Models of Interaction of Social Subjects and Actors in Ensuring Socio-Cultural Security of Municipalities. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(3):531–548. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.531-548>

Введение. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ)¹, в России наблюдается тревожная тенденция: институционализированные формы участия, такие как деятельность в политических партиях, профсоюзах и общественных организациях, привлекают лишь 2–4 % населения. Это свидетельствует о низком уровне вовлеченности граждан в процессы, которые могли бы способствовать улучшению их повседневной жизни и решению актуальных проблем на территории проживания. Одной из главных причин подобной пассивности является занятость людей насущными проблемами, что отмечают 44 % опрошенных. Кроме того, сопоставимая доля россиян (43 %) не верит в результативность своей общественной деятельности, полагая, что она не приведет к реальным изменениям. Это создает замкнутый круг: отсутствие доверия в отношении возможности влиять на ситуацию ведет к еще большей пассивности. Однако совместные усилия государственных структур и институтов гражданского общества могли бы стать фундаментальным механизмом, содействующим активизации и углублению участия различных социальных групп в решении социально значимых проблем, что позволит укрепить демократические процессы в современной России.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² (с изменениями относительно единой системы публичной власти) интенсифицирует взаимодействие различных заинтересованных сторон в обеспечении социокультурной безопасности муниципальных образований. Он устанавливает общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы формирования местного самоуправления в Российской Федерации, в рамках которых наряду с двухуровневой системой были введены новые формы муниципальных образований – единые городские или муниципальные округа (МО). При этом законодательство позволяет регионам сохранять существующие структуры территориальной организации или выбирать новые, что дает возможность местным органам власти адаптировать имеющиеся подходы к решению социальных проблем с учетом специфических потребностей сообществ и уникальных социально-экономических и социокультурных характеристик.

Ввиду специфики исследуемой проблематики, несмотря на широкое применение в социологической литературе понятия «социальная безопасность» [1; 2], представляется целесообразным использовать дефиницию «социокультурная безопасность», которая понимается как состояние, обеспечивающее защиту, сохранение и развитие социокультурных идентичностей, ценностей и норм, имеющих принципиальное значение для различных социальных групп и сообществ на определенных территориях, а также для государства в целом. Данный концепт

¹ Гражданское общество и власть [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskoe-obshchestvo-i-vlast> (дата обращения: 03.05.2025).

² Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. С. 3822.

включает в себя не только предотвращение воздействия внешних и внутренних социокультурных рисков, но и создание условий для активного взаимодействия социальных акторов, таких как государственные органы, работодатели, бизнес-сообщество, некоммерческие организации и население. Это взаимодействие функционирует в виде механизма преодоления социокультурных угроз, способствуя укреплению сплоченности населения и увеличению его потенциала.

Развитие гражданского общества – неотъемлемая часть стратегии преодоления социокультурных рисков и формирования социальной безопасности. Оно способствует становлению устойчивых социальных институтов, повышению уровня гражданской ответственности и формированию общества на принципах справедливости, солидарности и взаимной поддержки.

Цель настоящей статьи – выделить и проанализировать модели взаимодействия различных политических субъектов и акторов гражданского общества в процессе реализации социального проектирования как механизма поддержания социокультурной безопасности в территориальных социумах (на примере Пермского края).

Обзор литературы. В современной России конструктивный диалог между государственными и гражданскими структурами приобрел первостепенное значение для эффективного управления и общественного благополучия [3]. Уровень вовлеченности и степень доверия граждан государственным институтам [4–6] выступают критически важными индикаторами, позволяющими оценить потенциал развития российского демократического общества [7]. Включение населения в процессы принятия решений, формирования общественного контроля и механизмов социального партнерства способствует снижению уровня социальной напряженности и стабилизации общества [8].

Исследователи указывают, что и формальные структуры (в том числе муниципальное самоуправление, кооперация собственников жилья, партиципаторное бюджетирование), и сформировавшиеся стихийно (такие как сети знакомых и друзей) играют важную роль в росте гражданской активности, а также городском развитии³ [9–11]. Взаимодействие этих структур создает динамичную среду, в которой население получает возможность влиять на процессы, непосредственно затрагивающие его жизнь.

По оценкам зарубежных исследователей [12], гражданские объединения часто возникают на основе низовых инициатив, спланированных людьми для решения локальных проблем, особенно в условиях, когда традиционные политические структуры не реагируют или оказываются неэффективными.

Вовлечение акторов в социальное проектирование через участие в так называемых инициативах снизу способствует накоплению социального капитала [13], позволяет гражданам активно сотрудничать с государственными учреждениями, повышает доверие к органам публичной власти [14].

Государственные структуры, по мнению Ю. А. Скоковой [15], по-прежнему сохраняют патерналистское отношение к институтам гражданского общества. В частности, последние в значительной степени зависят от государственного финансирования, предоставляемого в виде грантов, субсидий и других форм

³ Scott J. Structure and Social Action: On Constituting and Connecting Social Worlds. Bingley: Emerald Publishing; 2022. 120 p.

финансовой помощи, что, ограничивая автономию и свободу действий, вынуждает ряд некоммерческих организаций (НКО) ориентироваться на государственные программы и инициативы.

Важным институтом гражданского общества в современной России выступает территориальное общественное самоуправление (ТОС), которое в условиях ограниченной финансовой и экономической самостоятельности муниципалитетов имеет потенциал для укрепления внутриобщинных связей и содействия более устойчивому экономическому развитию территорий [16]. Так, деятельность ТОС связана с сохранением уникальных социокультурных особенностей, например поддержкой традиционных ремесел, сельскохозяйственных практик и местных кулинарных традиций.

Недавние исследования показывают, что специальная военная операция (СВО) также стала катализатором развития гражданского общества [17]. Это особенно заметно по активности патриотических каналов в Telegram и деятельности лидеров общественного мнения, включая молодежные инициативы, которые в условиях ограничительных политических контекстов используют цифровые платформы как средство коммуникации и инструмент для организации и мобилизации граждан [18].

Вовлеченность граждан в решение социальных проблем на территориях проживания, несмотря на ряд положительных аспектов, характеризуется отсутствием системности, проявляется в формах, которые не обеспечивают устойчивого и долгосрочного участия, реализуется без учета социокультурных особенностей российского общества [19]. Например, участие населения может ограничиваться разовыми благотворительными акциями, которые, имея значимое социальное воздействие, тем не менее не создают условий для постоянной гражданской активности [20]; недостаточны для полноценного диалога между различными гражданскими объединениями и государственными структурами⁴ [21; 22]. Отсутствие системного подхода к вовлечению граждан в решение актуальных проблем приводит к фрагментарности инициатив и снижает их эффективность.

Таким образом, основной объем источников рассматривает роль общественных объединений и признает его значимость в контексте формирования гражданского общества. Однако способы и проблемы поддержания социокультурной безопасности посредством социальных проектов на малых территориях остаются недостаточно изученными.

Материалы и методы. *Концептуализация социокультурной безопасности.* В условиях глобализации и культурного многообразия социокультурная безопасность территорий, подразумевающая защиту социокультурных идентичностей и традиций [23], а также формирование благоприятной среды для взаимодействия различных акторов, представляет собой ключевой аспект устойчивого развития последних [24]. В связи с этим отсутствие теоретического осмысления феномена социокультурной безопасности актуализирует обоснование подходов к исследованию данной предметной области, а именно социокультурного и партиципаторного.

Логика первого большое значение придает человеку как субъекту деятельности, носителю ценностного кода культуры сообщества. Культура при этом выполняет

⁴ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект; 2005. 528 с.

функции смыслополагания и придания ценностного содержания всем видам человеческой деятельности⁵. Состояние культуры, в том числе гражданской, играет решающую роль в поддержании консолидации и сохранении или изменении социальных идентичностей [25; 26].

Партиципаторный подход ориентирован на исследование механизмов формирования социокультурной безопасности; предполагает активное вовлечение различных акторов в процесс принятия решений и реализацию социальных программ; акцентирует внимание на ценностях взаимодействия (доверии, достоинстве, уважении)⁶, соотнося их с принципами равенства и баланса, что позволяет адекватно оценивать валидность совместной работы⁷.

Учитывающий территориальную принадлежность и потребности различных групп населения партиципаторный подход способствует преодолению социально-экономических барьеров и стереотипов, создавая благоприятную среду для сотрудничества и эффективного управления рисками⁸. Кроме того, он позволяет обосновать социальное проектирование как технологию поддержания социокультурной безопасности в обществе и поселенческих общностях. В настоящее время реализация социальных проектов (включая конкурсы грантов, инициативное бюджетирование и волонтерские инициативы) через взаимодействие различных акторов выступает значимым механизмом политического управления и общественного развития.

Методология эмпирического исследования представлена стратегией кейс-стади. На основе целенаправленной выборки, ориентированной на отбор информационно насыщенных случаев, отобраны шесть муниципальных округов (МО⁹) Пермского края в соответствии с уровнем социально-экономического развития и типом поселения.

Выборка кейсов. По уровню социально-экономического развития представлены высокоразвитые (№ 4, 6), средне- (№ 2, 5) и низкоразвитые, депрессивные (№ 1, 3), территории. Основанием для классификации выступил Рейтинг городских округов и муниципальных районов Пермского края¹⁰. По типу поселения выбраны муниципальные округа с преобладающим городским (№ 2–5) или сельским (№ 1, 6) населением.

Методы сбора данных. На первом этапе (во второй половине 2024 г.) проведен экспертный опрос с представителями органов муниципальной власти, руководителями социально ориентированных некоммерческих организаций,

⁵ Лапин Н.И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: «Весь мир»; 2021. 264 с.

⁶ Creighton J.L. The Public Participation Handbook: Making Better Decisions Through Citizen Involvement. San-Francisco: Josey Bass, A Wiley Imprint; 2005. 261 p.

⁷ Партиципаторный подход в повышении качества жизни населения: монография. Под общ. ред. Н.М. Римашиевой, Н.Н. Иващенко. Н. Новгород; М.: Изд-во Нижегородского госуниверситета; 2013. 268 с.

⁸ Riswan M., Beegom B. Participatory Approach for Community Development: Conceptual Analysis. In: COVID 19 Pandemic and Socio-Economic Issues: An Experience of Sri Lanka. Faculty of Arts and Culture, South Eastern University of Sri Lanka: Department of Economics and Statistics. 2021. Pp. 136–146. Available at: <https://clck.ru/3N2kbA> (accessed 03.05.2025).

⁹ Муниципальные образования закодированы и представлены в статье под номерами.

¹⁰ Рейтинг городских округов и муниципальных районов Пермского края по уровню социально-экономического развития и уровню развития рынка недвижимости по состоянию на 31 декабря 2019 года [Электронный ресурс]. ООО «Инвест–аудит». Пермь; 2020. URL: <https://clck.ru/3LYmhu> (дата обращения: 13.07.2025).

молодежных и добровольческих объединений, занимающихся проектной деятельностью (32 интервью). Критериями отбора экспертов выступили: 1) занимаемая должность и соответствующий ей профиль деятельности; 2) опыт работы в сфере реализации социокультурных проектов; 3) инициирование и принятие управленческих решений по осуществлению социокультурного проектирования. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Процедуры сбора и анализа экспертных интервью. Методика экспертного опроса строилась по классической схеме глубинного интервью в качественной традиции социологии. Путеводитель был разделен на два тематических блока: роль социальных проектов в развитии муниципального округа; характеристика организации социальных проектов в муниципалитетах. Блоки включали серию общих («гранд-тур») и детализирующих вопросов. Также задавались дополнительные уточняющие вопросы. Длительность интервью составляла от 40 мин. до 2,5 ч. С согласия экспертов интервью записывались на диктофон, затем были подготовлены их транскрипты.

Для анализа материалов интервью применялся метод аналитической индукции, в рамках которого представлено движение от первичного описания к классификации данных в категориях и субкатегориях с последующим выявлением связей между отдельными субкатегориями, конструированием кластеров и построением концепций. Общая последовательность работы с данными включала в себя выделение инцидентов (событий из опыта информантов) и подготовку мемо (аналитических примечаний), формулирование на их основе «мини-теории» (модели объяснения, опирающейся на эмпирические данные).

Фрагменты интервью приводятся с указанием в скобках номера муниципального округа и номера транскрипта интервью (МО №, и. №).

Результаты исследования. Были выделены три аналитические модели взаимодействия субъектов и акторов, реализующих социокультурные проекты в исследуемых муниципалитетах:

- 1) координационная с фрагментарной низовой мобилизацией (МО № 1, 3);
- 2) координационная с многоакторной низовой мобилизацией (МО № 2, 4, 5);
- 3) межсекторного партнерства (МО № 6).

Анализ каждой модели предполагает выделение ключевых факторов ее формирования, а также ресурсных возможностей и ограничений.

Координационная модель с фрагментарной низовой мобилизацией характерна для кейсов, представленных глубоко дотационными муниципальными образованиями, социально-экономическое развитие которых заторможено по причине, прежде всего, закрытия крупных промышленных предприятий. В подобных территориальных социумах формируется противоречие, когда, с одной стороны, проектная активность воспринимается как крайне важная в условиях острых финансовых ограничений, а с другой, – кадровый дефицит во всех основных сферах жизнедеятельности не позволяет активно развиваться акторному потенциалу.

Социокультурное проектирование является важной частью жизни данных сообществ. Как отмечают информанты, число успешных социально значимых

проектов по предупреждению социокультурных рисков значительно, но их осуществляет лишь ограниченный круг социальных акторов.

Органы местного самоуправления (ОМСУ) осуществляют координирующие функции в выстраивании проектной деятельности в муниципалитете: консультирование и обучение; контроль; селекцию участников проектов по определенным видам конкурсов; организацию работы с подрядчиками. Эти функции закреплены за несколькими отделами в местной администрации, и ее представители подчеркивают важность мобилизации населения «сверху»: «...*Моя задача – это инициативу граждан организовать*» (МО 1, и. 2).

В одном из муниципалитетов, реализующих данную модель, были закрыты, во-первых, учреждение управления проектной деятельности в связи с дефицитом бюджетных средств, а «...*функции социально-культурного проектирования... возложены на отдел культуры*» (МО 3, и. 1), во-вторых, конкурс проектных инициатив, позволявший участвовать организациям и физическим лицам, в том числе учиться писать заявки. Исчезновение этих практик, по мнению экспертов, негативно сказалось на проектной активности как самой администрации, так и акторов гражданского общества, поскольку снизило ресурсный потенциал – кадровый, методический, образовательный: «...*С семинарами кто только не приезжал: и “Лукойл”, и Ресурсный центр, и Фонд грантов от губернатора... Всегда еще помогал “Соликамскбумпром”*» (МО 3, и. 3); «*Я составлением заявок мало занимаюсь... Если бы был человек...*» (МО 3, и. 4).

И ключевыми акторами социальных проектов на рассматриваемых территориях являются и администрации учреждений бюджетной сферы, НКО (в основном Советы ветеранов и Общества инвалидов), молодежные организации (например, Молодежный парламент, «Движение первых») и недавно созданный Добро.Центр.

В целом подобные институты развиты недостаточно. Других НКО, помимо названных, практически нет. Движение ТОС в одном из рассматриваемых муниципалитетов фактически отсутствует, в другом – распространено шире, однако в обоих случаях сращено с иной практикой – институтом старост: «*Не совсем хотят у нас жители организовать этот орган. У нас есть один ТОС в населённом пункте, но там [в ТОС] и староста...*» (МО 3, и. 2).

Большую консолидирующую роль в активизации гражданских практик сыграла СВО, побудив инициативных граждан организовывать волонтерские акции и движение в поддержку участников данной операции: «*Они плетут сети, собирают гуманитарную помощь*» (МО 3, и. 1).

Опорой в проектной деятельности для местной власти в муниципалитетах 1, 3 выступают Советы ветеранов, которые, в свою очередь, ощущают поддержку муниципальных администраций: «*Нам и не выжить без помощи администрации. Мы работаем рука об руку*» (МО 3, и. 4). Большой опыт деятельности, в том числе управленческой, желание и готовность реализовывать свой потенциал, наличие коллективистских ценностей и заинтересованность в развитии малой Родины выступают важными движущими силами ветеранского движения: «*Активные, грамотные, целеустремлённые люди, с большим жизненным опытом. Входят и бывшие руководители различных учреждений*» (МО 3, и. 1); «*Все волонтерство в нашей местности основано на пенсионерах*» (МО 1, и. 2).

Следует отметить, что в силу как социально-демографических (уменьшения численности населения из-за миграции или естественной убыли), так и экономических (закрытия и оптимизации предприятий и организаций) причин наблюдается тенденция к сокращению численности ветеранского движения и соответственно снижению его ресурсного потенциала: *«А сейчас нет в организациях Совета ветеранов. Организаций тоже многих не стало. <...> Только по территориальному признаку остались»* (МО 1, и. 3).

Основные причины ограниченной низовой мобилизации в представленных типах муниципальных образований следующие.

Во-первых, в связи с высоким оттоком населения, в том числе более активного и инициативного, повышается концентрация менее ресурсобеспеченных слоев, нередко закрытых к участию в социальных проектах, ориентированных на частные интересы, а также маргинальных групп: *«Получше, поактивнее кадры уезжают. <...> Остается, кто употребляет алкоголь. <...> Остаётся такой контингент, где родителям ничего не надо, только свои личные потребности»* (МО 3, и. 6).

Во-вторых, повсеместный кадровый дефицит и финансовые ограничения не позволяют институционализировать многие процессы, например вводить должности для специалистов, занимающихся подготовкой проектов, выделять достаточное количество времени на проектную деятельность в организациях или создавать НКО как более эффективную форму работы с проектами: *«Если учитель ведет 2 ставки по 40 часов, потому что некому вести, то проектом ему очень сложно заниматься»* (МО 3, и. 6); *«У нас столько всяких обязанностей, что проекты пишем ночью. Мы просили на Добро.Центр, чтобы нам выделили хотя бы одну ставку»* (МО 3, и. 5); *«У нас нет НКО. Была задумка, но это ляжет очередным грузом»* (МО 3, и. 5).

В-третьих, несмотря на проводимое обучение в сфере проектирования, некоторым инициативным группам по-прежнему недостает знаний и навыков подготовки конкурсной документации: *«Мы писали на гранты губернатора, на президентские гранты, пока не получается. Не хватает нам знаний»* (МО 1, и. 1).

В-четвертых, в массовом сознании преобладают искаженное восприятие роли социального проектирования в жизнедеятельности территории, патерналистские установки в отношении собственной жизненной позиции: *«Многие люди считают, что если я плачу налоги, то я ничего никому больше не обязан, пусть делают администрация, край или Федерация вообще»* (МО 3, и. 2). Это указывает на необходимость широкого просвещения, воспитания и создания особой ценностной среды. Освещение социально значимых практик может стать важным условием уменьшения предубеждений среди населения, повышения его заинтересованности в проектных инициативах. При этом большая роль в передаче информации, по мнению опрошенных экспертов, должна отводиться личным контактам и связям, доверительным беседам, т. е. задействованию социального капитала территориальных сообществ.

Координационная модель с многоакторной низовой мобилизацией характерна для муниципальных округов, имеющих более высокий уровень социально-экономического развития за счет функционирования предприятий крупной промышленности, включая нефтегазодобывающую отрасль и электроэнергетику. Другими словами, высокий

ресурсный потенциал территорий во многом обуславливает более развитую сеть акторов гражданского общества.

С точки зрения роли ОМСУ данная модель похожа на предыдущую: представители местной власти осуществляют преимущественную координацию проектной деятельности в местных сообществах. При этом внедряются различные инновационные подходы, например впервые социальные проекты реализуются на конкурсной основе.

Проекты осуществляются с участием различных ведомств и охватывают основные сферы жизнедеятельности населения: семью, образование и профориентацию, здравоохранение, спорт и здоровый образ жизни, культуру и духовность, доверие к власти, безопасность: *«Мы создали рабочие группы, каждый по своему направлению. <...> Потом мы вместе садились у главы, мозговым штурмом обсуждали»* (МО 2, и. 2). В другом округе планируется изменить форму работы по отбору проектов, организовав предварительные обсуждения с их инициаторами и отбор наиболее важных: *«Мы с общественными организациями и ТОСами подумаем, действительно ли важно именно этот проект реализовывать»* (МО 5, и. 2).

На одной из территорий функционирует, а на другой планируется возобновить муниципальный конкурс на финансовую поддержку НКО. И там, и там действует конкурс, финансируемый из местного бюджета в целях поддержки небольших гражданских инициатив: *«Могут участвовать некоммерческие организации, как бюджетные, так и небюджетные. Последние два года в основном проекты с тематикой СВО»* (МО 5, и. 2). Кроме того, имеются отдельные местные конкурсы для ТОС. В целом подобные незначительные проекты помогают накапливать потенциал, который затем может быть реализован на более высоком уровне.

Крупные проекты, иницируемые ОМСУ в данных муниципалитетах, характеризуются большим количеством акторов, консолидирующихся вокруг решения местных проблем: *«Они во все наши рабочие группы входят, где-то даже свою инициативу проявляют. Вот проект “Открывай интересное новое”: там краеведы, Совет ветеранов, благочиние»* (МО 2, и. 2). Большую поддержку при этом оказывают крупные промышленные предприятия: *«В Управлении культуры есть конкурс проектов при поддержке компании “Уралкалий”»* (МО 4, и. 1).

Рассматриваемым муниципалитетам присуща более развитая сеть институциональных практик гражданского общества, т. е. большее число НКО и ТОС. В одном из них функционирует Фонд поддержки гражданских инициатив: *«Вечный фонд поддержки. Мы стараемся работать командой, независимо: или ты инвалид, или ветеран, спортсмен, молодой ученик»* (МО 5, и. 3). Активно создаются структуры, координирующие работу с детьми и молодежью (Молодежные парламенты, Молодежные центры, движения школьников): *«Молодёжный центр открылся... Они уже провели маленький конкурс, чтобы молодежь могла дальше участвовать в проектах Росмолодёжи»* (МО 4, и. 1).

Эффективность взаимодействия и участия акторов ограничивается проблемами, свойственными и предыдущей модели: кадровым дефицитом, недостатком знаний и мотивации к участию в социокультурном проектировании. Существующие НКО не всегда готовы проявлять нужную активность, а местным администрациям не хватает кадровых ресурсов, чтобы эту активность направлять: *«Сотрудника,*

который при муниципалитете будет писать проекты, нет. Мы проводим работу с НКО, идеи подаем, приглашаем сотрудников Фонда грантов губернатора. <...> Но НКО не очень активны» (МО 5, и. 2). Кроме того, как отмечают опрошенные эксперты, активность молодежи очень низка. Изменение этой ситуации связывается с создаваемыми молодежными организациями.

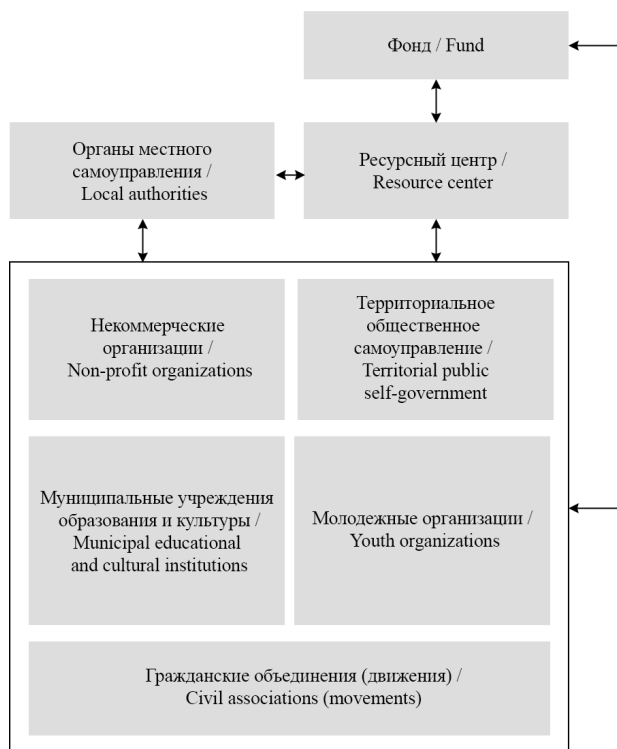
В целом не хватает поддержки местных НКО, включая общественное пространство для встреч их представителей, а также ресурсного центра. Серьезным ограничением для ТОС является отсутствие статуса юридического лица, что не позволяет подавать заявки на определенные виды конкурсов. В ряде случаев ТОСы не готовы к проектной деятельности, могут демонстрировать патерналистский настрой: *«Привыкли наши общественники финансовую помощь просить только у администрации. <...> А чтобы подавать проекты на конкурсы грантов губернатора и президентские, нужно юридическое лицо. <...> У нас из 54 ТОСов ни одного со статусом юридического лица»* (МО 5, и. 2).

Модель межсекторного партнерства присуща муниципальному округу, обладающему сравнительно еще более высоким уровнем социально-экономического развития, и отличается довольно сложной структурой (рисунок). Рассматриваемый округ характеризуется пространственной близостью к краевому центру – г. Перми и выраженной полиэтничностью. На его территории располагаются исключительно сельские населенные пункты.

Выделенной модели свойствен высокий уровень институционализации социальных практик взаимодействия акторов социокультурного проектирования. Опираясь на идеи Э. Гидденса¹¹, можно утверждать, что институционализированные практики создают прочную основу для социальной интеграции органов власти, гражданского общества и бизнеса в совместном решении локальных проблем. В дискурсе как представителей ОМСУ, так и лидеров гражданских объединений звучат идеи о признании социокультурного проектирования в качестве механизма создания партнерских отношений и социальной консолидации в поселенческих общностях: *«Можно путём общественной активности выстраивать взаимоотношения с властью, с депутатами, с администрацией, с бизнесом»* (МО 6, и. 1); *«Люди собираются и выбирают, что им важнее. <...> Затем, например, обращаются к руководителю ТОС. А дальше они переходят с помощью данных субъектов на более высокий уровень и получают поддержку»* (МО 6, и. 2).

Поскольку описываемый муниципальный округ объединяет сельские населенные пункты, где социальные связи очень плотные, лидерами общественности реализованы возможности транслировать идеи по проектным инициативам и при этом активно вовлекать различные категории населения: *«Начали работать с населением точно, то есть в каких-то направлениях поднимать детей, вовлекать учителей, работать с ветеранами, с молодёжью»* (МО 6, и. 1). На ранних этапах мощным фактором активизации населения выступило задействование этнической идентичности, клановых, родственных связей, дающих ресурс поддержки и доверия: *«...там сильная национальность, там татары, башкиры, там очень сильные родословные, четыре рода крупных, которые очень много родственников объединяют, кворум доверия такой»* (МО 6, и. 1).

¹¹ Гидденс Э. Устроение общества...

Р и с у н о к. Модель межсекторного партнерства
F i g u r e. Cross-sector partnership model

В округе сформировались тосовское и ветеранское движения, в составе которых есть институционально сильные организации, имеющие юридический статус, что открывает широкие перспективы для участия в конкурсах грантов, повышает самостоятельность в принятии управленческих решений, например в выборе подрядчика: *«Мы активность ТОСов начали вести, и эта активность пошла по всем соседям. Они (населенный пункт. – Примечание автора) у нас сейчас как стажировочная площадка, туда даже приезжают с разных регионов увидеть, как работать с населением»* (МО 6, и. 1).

Благодаря проектам развиваются общественные объединения. Так создавались, например, отцовское (на основе проекта по созданию хоккейной команды) и материнское (на основе проекта по обучению кулинарии) движения, которые затем инициировали новые социокультурные проекты, поддерживающие местные сообщества. Создание и/или обновление состава молодежных организаций (Молодежного парламента, Молодой гвардии и др.) позитивно отразилось на молодежной политике.

Своеобразной квинтэссенцией институционализации партнерских практик выступило открытие Ресурсного центра поддержки гражданских инициатив физических и юридических лиц. Примечательно, что идея его создания рождалась одновременно и во властных кругах, и среди лидеров гражданской общественности:

«Мы пришли к идее, что нужен ресурсный центр. <...> Администрация тоже понимает, что физическому лицу они не могут помочь. А ТОСу – тоже не всегда. <...> У нас 55 ТОСов было, сейчас 59, и начали даже закрываться... И они понимают, что им нужна организация, которая будет рядом идти» (МО 6, и. 1).

Спектр задач Ресурсного центра охватывает выявление и развитие лидеров – инициаторов социального проектирования; выстраивание взаимодействия между различными акторами; обучение их написанию конкурсных заявок и ведению проектов; внутреннее и внешнее экспертное сопровождение и мониторинг, в том числе привлечение экспертов из других регионов, бухгалтерскую и юридическую помощь; оказание грантовой поддержки путем создания редкой для России практики трехстороннего партнерства между крупным фондом, администрацией округа и собственно центром: *«Они [фонд] увидели наше рвение, поняли наш опыт работы, очень сильный. Мы убедили администрацию зайти в финансовое взаимоотношение с фондом. <...> Мы получаем субсидию от администрации... от фонда и выдаём гранты уже внутри своего муниципального округа» (МО 6, и. 1).*

Есть идеи по развитию сети аналогичных центров, которые будут «вырастать» из конкретных проектных инициатив, имея соответствующую специализацию.

Обсуждение и заключение. Выделены три модели взаимодействия акторов в рамках социокультурных проектов: фрагментарная низовая мобилизация с ограниченными ресурсами и кадровым дефицитом; многоакторная низовая мобилизация с активным вовлечением населения и инновационными подходами; межсекторное партнерство с высоким уровнем институционализации и поддержкой гражданских инициатив.

Эффективность реализации социокультурных проектов во многом определяется социально-экономическим контекстом территории, доступностью финансовых средств, информационно-коммуникативных технологий, а также уровнем активности местного населения. Анализ существующих моделей взаимодействия свидетельствует о необходимости перехода от патерналистской модели, когда органы власти выступают в роли ключевого инициатора и исполнителя социальных проектов, к партиципаторной, которая предполагает активное вовлечение в проекты различных групп населения и других заинтересованных акторов.

Несмотря на высокий уровень институционализации межсекторного взаимодействия, в сфере социокультурного проектирования имеются определенные барьеры и сложности. Отметим в качестве основных недостаточность знаний и компетенций населения и организаций в части реализации проектов, выстраивания партнерских отношений, а также сложность вовлечения в проектную активность некоторых групп населения, например работающей молодежи.

Адаптация моделей взаимодействия различных социальных субъектов и акторов в ходе социального проектирования приобретает особую значимость в контексте обеспечения социокультурной безопасности в России. Регулярные встречи органов местного самоуправления, некоммерческих организаций и граждан могут стать основой для решения актуальных проблем, а также для формирования долгосрочных стратегий развития, учитывающих национальную, культурную и социально-экономическую специфику территорий. Привлечение лидеров мнений (педагогов учебных заведений, представителей различных конфессий, ветеранов военной

службы, предпринимателей) при этом не только повысит доверие населения, но и значительно усилит эффективность работы.

Важную роль в активизации низовой активности на территории округов, на наш взгляд, играют такие акторы, как общественные организации и социально ответственный бизнес. Первые, обладая глубоким пониманием потребностей и интересов местного населения, становятся связующим звеном между гражданами и государственными структурами. Второй может не только финансировать социальные проекты, но и активно участвовать в их реализации, предоставляя необходимую ресурсную поддержку.

Несмотря на некоторые особенности, аналогичные проблемы актуальны для большого числа регионов России. Модели эффективного взаимодействия акторов в социокультурных проектах могут быть успешно тиражированы на других территориях, содействуя формированию устойчивых и взаимовыгодных отношений между социальными акторами в сфере социального проектирования.

Ограничениями исследования можно считать следующие обстоятельства. Хотя достаточная устойчивость выделенных моделей и была зафиксирована благодаря систематической повторяемости инцидентов и категорий в процессе анализа, расширение перечня критериев для отбора кейсов или ориентация на отбор уникальных случаев гипотетически может привести к выявлению иных специфических паттернов взаимодействия субъектов проектной активности. Кроме того, стратегия кейс-стади с целью повышения надежности данных требует применения техник триангуляции, которые пока в полной мере не задействованы. На следующих этапах научно-исследовательских работ будет использована триангуляция данных, методов и информантов посредством анализа документов, массового опроса населения, формализованного опроса и глубинных интервью с участниками проектной деятельности, а также фокус-групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подольская Е.А., Назаркина В.Н. Социальная безопасность: сущность, угрозы и пути обеспечения. *Социологические исследования*. 2016;(11):133–139. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_11/Podolskaya.pdf (дата обращения: 10.02.2025).
2. Антонова Н.С., Бадарев Д.Д., Бадонов А.М. Обсуждение вопросов социальной безопасности и социальной защиты населения в современных условиях. *Вестник Института социологии*. 2021;12(1):188–194. <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.705>
3. Ильичева Л.Е., Паршина Е.В., Лапин А.В., Ильичева М.В. Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2024;(4):315–332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2601>
4. Зубок Ю.А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи. *Научный результат. Социология и управление*. 2022;8(3):10–30. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2>
5. Agamagomedova S., Gamidullaeva L. Trust Creation as a Factor for the Solidarity of Government, Business, and Society in Regional Innovation Development. *International Journal of Innovation Studies*. 2025;9(1):60–76. <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2024.10.002>
6. Фролова Е.В., Рогач О.В. Доверие как фактор развития кооперации в России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023;(6):35–57. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2405>
7. Беяева Л.А., Ракова К.В. Российское общество в 1990–2023 гг.: опыт эмпирической оценки социальной структуры, качества жизни и социально-психологического климата. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2025;(1):29–56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2658>

8. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления. *Власть*. 2018;26(4):15–25. URL: <https://click.ru/3NEqxvB> (дата обращения: 10.02.2025).
9. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019;22(1):162–192. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>
10. Плотникова М.А. Формирование новых социально-групповых общностей на территории муниципального образования с низкой инициативностью граждан в условиях проведения СВО. *Наука. Культура. Общество*. 2023;29(2):18–27. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.2>
11. Crossley N. A Dependent Structure of Interdependence: Structure and Agency in Relational Perspective. *Sociology*. 2022;56(1):166–182. <https://doi.org/10.1177/00380385211020231>
12. Crotty J., Ljubownikow S. Adapting to Survive or Thrive? Civil Society, the Third Sector and Social Movements in 'Post-Soviet' Spaces: An Introduction to the Themed Section. *Voluntary Sector Review*. 2024;15(1):3–11. Available at: <https://bristoluniversitypressdigital.com/view/journals/vsr/15/1/vsr.15.issue-1.xml> (accessed 10.02.2025).
13. Jungsberg L., Copus A., Herslund L.B. et al. Key Actors in Community-Driven Social Innovation in Rural Areas in the Nordic Countries. *Journal of Rural Studies*. 2020;(79):276–285. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.004>
14. Мухаметов Р. Почему граждане доверяют правительству? Истоки политического доверия в современной России. *Социологическое обозрение*. 2023;22(3):196–218. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-196-218>
15. Скокова Ю., Рыбникова М. Размер некоммерческого сектора в регионах России: факторы различий. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022;25(1):70–102. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.3>
16. Соколов А.В., Фролов А.А. Практики низовой гражданской активности в Ярославской области: проблемы и результаты реализации. *Регионоведение*. 2024;32(3):463–483. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.463-483>
17. Макаренко К.М. Векторы трансформации гражданской активности российской молодежи в первой трети XXI века. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2024;29(5):187–198. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.16>
18. Каравай А.В. Социальный капитал российского общества: год в условиях специальной военной операции. *Terra Economicus*. 2023;21(4):91–105. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-91-105>
19. Пантин В.И. Российское общество начала XX и начала XXI вв.: проблемы и риски. *Социологические исследования*. 2019;(11):120–130. <https://doi.org/10.31857/S013216250007456-4>
20. Микиденко Н., Сторожева С. Доверие как ресурс развития благотворительной деятельности. *Журнал исследований социальной политики*. 2024;22(3):433–448. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-433-448>
21. Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2023;23(4):720–739. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739>
22. Botchway T.P. Understanding the Dynamics and Operations of Civil Society in the 21st Century: A Literature Review. *Journal of Politics and Law*. 2019;12(1):108–121. <https://doi.org/10.5539/jpl.v12n1p108>
23. Ракова К.В. Уровни и компоненты социальной идентичности современного российского общества. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024;24(2):510–522. Available at: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/39940> (accessed 10.02.2025).
24. Wu H. Redefining Concepts of Nation and National Security and Establishing their Models for the New Era. *Journal of Safety and Sustainability*. 2025;2(1):45–58. <https://doi.org/10.1016/j.jsasus.2024.12.002>
25. Bidwell D., Schweitzer P.-J. Public Values and Goals for Public Participation. *Environmental Policy and Governance*. 2021;31(4):257–269. <https://doi.org/10.1002/eet.1913>
26. Grunow D., Sachweh P., Schimank U., Traunmüller R. Social Integration: Conceptual Foundations and Open Questions. An Introduction to this Special Issue. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2023;(75):1–34. <https://doi.org/10.1007/s11577-023-00896-1>

REFERENCES

1. Podolskaya E.A., Nazarkina V.N. Social Security: Essence, Threats and Ways of Ensuring. *Sociological Studies*. 2016;(11):133–139. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_11/Podolskaya.pdf (accessed 10.02.2025).
2. Antonova N.S., Badaraev D.D., Badonov A.M. Discussion of Issues of Social Security and Social Protection of the Population in Modern Conditions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021;12(1):188–194. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.1.705>
3. Ilyicheva L.E., Parshina E.V., Lapin A.V., Ilyicheva M.V. Interaction between the State and Civil Society: Assessment of the Effectiveness of Social Partnership Policy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024;(4):315–332. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2601>
4. Zubok Y.A. Changing Social Reality: A Reflection on Theoretical and Empirical Aspects of Sociological Research on Youth. *Research Result. Sociology and Management*. 2022;8(3):10–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2>
5. Agamagomedova S., Gamidullaeva L. Trust Creation as a Factor for the Solidarity of Government, Business, and Society in Regional Innovation Development. *International Journal of Innovation Studies*. 2025;9(1):60–76. <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2024.10.002>
6. Frolova E.V., Rogach O.V. Trust as a Factor of the Development of Cooperation in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(6):35–57. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2405>
7. Belyaeva L.A., Rakova K.V. Russian Society in 1990–2023: An Empirical Assessment of Social Structure, Life Quality, and Socio-Psychological Climate. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025;(1):29–56. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2658>
8. Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. Mechanisms and Principles of Intersectoral Social Partnership as a Basis for Developing the Public-State Governance. *Vlast'*. 2018;26(4):15–25. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3NEqxB> (accessed 10.02.2025).
9. Zhelnina A.A., Tykanova E.V. Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2019;22(1):162–192. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.1.8>
10. Plotnikova M.A. Formation of New Social-Group Communities on the Territory of the Municipality with Low Initiative Citizens in Conditions of Conduction of SMO. *Science. Culture. Society*. 2023;29(2):18–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.2>
11. Crossley N. A Dependent Structure of Interdependence: Structure and Agency in Relational Perspective. *Sociology*. 2022;56(1):166–182. <https://doi.org/10.1177/00380385211020231>
12. Crotty J., Ljubownikow S. Adapting to Survive or Thrive? Civil Society, the Third Sector and Social Movements in 'Post-Soviet' Spaces: An Introduction to the Themed Section. *Voluntary Sector Review*. 2024;15(1):3–11. Available at: <https://bristoluniversitypressdigital.com/view/journals/vsr/15/1/vsr.15.issue-1.xml> (accessed 10.02.2025).
13. Jungsberg L., Copus A., Herslund L.B. et al. Key Actors in Community-Driven Social Innovation in Rural Areas in the Nordic Countries. *Journal of Rural Studies*. 2020;(79):276–285. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.004>
14. Mukhametov R. Why Do Citizens Trust the Government? The Origins of Political Trust in Modern Russia. *Sociological Review*. 2023;22(3):196–218. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-196-218>
15. Skokova Yu., Rybnikova M. The Size of Nonprofit Sector in Russian Regions: Differentiating Factors. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022;25(1):70–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.3>
16. Sokolov A.V., Frolov A.A. Practices of Grassroots Civic Activity in the Yaroslavl Region: Problems and Results of Implementation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):463–483. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.463-483>
17. Makarenko K.M. Vectors of Transformation of Civil Activity of Russian Youth in the First Third of the 21st Century. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2024;29(5):187–198. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.5.16>

18. Karavai A.V. The Social Capital of Russian Society: A Year under a Special Military Operation. *Terra Economicus*. 2023;21(4):91–105. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-91-105>
19. Pantin V.I. Russian Society at the Beginning of the 20th and 21st Centuries: Problems and Risks. *Sociological Studies*. 2019;(11):120–130. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250007456-4>
20. Mikidenko N., Storozheva S. Trust as a Resource for Developing Charitable Participation. *The Journal of Social Policy Studies*. 2024;22(3):433–448. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-433-448>
21. Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Consolidation of the Russian Society under Contemporary Challenges: Social-Historical and Value Contexts. *RUDN Journal of Sociology*. 2023;23(4):720–739. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739>
22. Botchway T.P. Understanding the Dynamics and Operations of Civil Society in the 21st Century: A Literature Review. *Journal of Politics and Law*. 2019;12(1):108–121. <https://doi.org/10.5539/jpl.v12n1p108>
23. Rakova K.V. Levels and Components of the Social Identity of the Contemporary Russian Society. *RUDN Journal of Sociology*. 2024;24(2):510–522. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://journals.rudn.ru/sociology/article/view/39940> (accessed 10.02.2025).
24. Wu H. Redefining Concepts of Nation and National Security and Establishing their Models for the New Era. *Journal of Safety and Sustainability*. 2025;2(1):45–58. <https://doi.org/10.1016/j.jsasus.2024.12.002>
25. Bidwell D., Schweizer P.-J. Public Values and Goals for Public Participation. *Environmental Policy and Governance*. 2021;31(4):257–269. <https://doi.org/10.1002/et.1913>
26. Grunow D., Sachweh P., Schimank U., Traummüller R. Social Integration: Conceptual Foundations and Open Questions. An Introduction to this Special Issue. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 2023;(75):1–34. <https://doi.org/10.1007/s11577-023-00896-1>

Об авторах:

Маркова Юлия Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (614068, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, 15), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-9403>, Researcher ID: ABG-6689-2021, SPIN-код: 9951-6137, julyamarkova@gmail.com

Гордеева Светлана Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета (614068, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, 15), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5309-8318>, Researcher ID: AAJ-6327-2021, Scopus ID: 57208303487, SPIN-код: 2145-2519, SSGordeyeva@mail.ru

Вклад авторов:

Ю. С. Маркова – формулирование замысла/идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: визуализация результатов исследования и полученных данных; получение финансовой поддержки исследовательского проекта, результатом которого является данная публикация; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования.

С. С. Гордеева – создание и подготовка рукописи: визуализация результатов исследования и полученных данных.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 15.03.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 27.05.2025.

About the authors:

Yuliia S. Markova, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Sociology of Perm State University (15 Bukireva St., Perm 614068, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-9403>, Researcher ID: [ABG-6689-2021](#), SPIN-code: [9951-6137](#), julyamarkova@gmail.com

Svetlana S. Gordeeva, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Sociology of Perm State University (15 Bukireva St., Perm 614068, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5309-8318>, Researcher ID: [AAJ-6327-2021](#), Scopus ID: [57208303487](#), SPIN-code: [2145-2519](#), SSGordeeva@mail.ru

Contribution of the authors:

Yu. S. Markova – formulating the research concept/idea, goals, and objectives; creating and preparing the manuscript: visualizing the research results and data obtained; obtaining financial support for the research project, which resulted in this publication; supervising, leading, and mentoring the research planning and implementation process.

S. S. Gordeeva – writing the manuscript: visualization of research results and data obtained.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 15.03.2025; revised 15.05.2025; accepted 27.05.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.549-565>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/rghvoc>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 17.022.1:323-053.81 (470.62/.67) (470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Социально-политический образ современной России в представлениях студенческой молодежи Северного Кавказа

Е. А. Авдеев ✉

С. Н. Бредихин

С. М. Воробьев

*Северо-Кавказский федеральный университет
(г. Ставрополь, Российская Федерация)
✉ ewg.avdeev@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Значимость ценностного содержания, присущего социально-политическому образу современной России, актуализируется в связи с необходимостью общенациональной консолидации на фоне роста гибридных угроз и обострения международной напряженности. В сознании молодого поколения отражаются как общие для молодежи социокультурные тенденции, так и региональная специфика Северного Кавказа. Цель статьи – выявление поколенческой общности и этнокультурной вариативности в представлениях студенческой молодежи Северо-Кавказского региона о социально-политическом образе России.

Материалы и методы. Теоретико-методологической основой выступили социокультурный и поколенческий подходы. Эмпирические данные были получены путем проведения онлайн-анкетирования среди студентов северокавказских вузов (май-июнь 2024 г., $n = 1\,500$, возраст 18–24 года) следующих шести регионов: Ставрополя, Северной Осетии – Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Чечни, Ингушетии. Репрезентативность по полу, национальности и вероисповеданию обеспечивалась соблюдением квот. Оценки респондентов измерялись по 5-балльной шкале. Обработка данных проводилась в SPSS. Для определения влияния этноконфессионального фактора применялись ANOVA и post-hoc анализ.

Результаты исследования. Установлено преобладание общих представлений и оценочных подходов к интерпретации образа России. По большинству эмпирических индикаторов статистически значимые различия в зависимости от этнической и конфессиональной самоидентификации респондентов отсутствуют. Религиозная принадлежность определяет выбор модели государства и характера его взаимоотношений с личностью и обществом; оказывает большее влияние на оценки, чем национальность. Наивысшей значимостью обладает образ государства, обеспечивающего суверенитет, безопасность и сохранение цивилизационной самобытности. При этом его привлекательность снижена в группе нерелигиозных респондентов.

© Авдеев Е. А., Бредихин С. Н., Воробьев С. М., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Исследование представлений северокавказской молодежи о социально-политическом наполнении образа России станет вкладом в формирование «точек сборки» российской идентичности в полиэтническом регионе. Его практическая значимость состоит во введении в научный оборот нового эмпирического материала: оценок и представлений северокавказской молодежи о моделях и образах будущей России. Результаты будут полезны специалистам в сфере социогуманитарных и идентитарных исследований в полиэтнических регионах. Изучение путей и моделей реализации социально-политических основ образа российского государства, привлекательных для представителей поколения Z, может проводиться в других полиэтнических макрорегионах страны.

Ключевые слова: молодежь, студенты, ценности, социально-политический образ России, личность, общество, государство, Северный Кавказ, полиэтничность, поликонфессиональность

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтнического российского общества» (FSRN-2023-0025).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Авдеев Е.А., Бредихин С.Н., Воробьев С.М. Социально-политический образ современной России в представлениях студенческой молодежи Северного Кавказа. *Регионоведение*. 2025;33(3):549–565. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.549-565>

The Socio-Political Image of Modern Russia in the Perceptions of Student Youth in the North Caucasus

E. A. Avdeev ✉ S. N. Bredikhin S. M. Vorobiev
North-Caucasus Federal University
(Stavropol, Russian Federation)
✉ ewg.avdeev@yandex.ru

Abstract

Introduction. The significance of values inherent in the socio-political image of modern Russia is becoming increasingly relevant in light of the need for nationwide consolidation against the backdrop of growing hybrid threats and heightened international tensions. The consciousness of the younger generation reflects both general cultural trends characteristic of youth and the regional specifics of the North Caucasus. The purpose of this article is to identify generational commonalities and ethnocultural differences in the perception of the socio-political image of Russia by student youth in the North Caucasus.

Materials and Methods. Socio-cultural and generational approaches served the theoretical and methodological basis. Empirical data were obtained through an online survey among students of North Caucasian universities (May–June 2024, $n = 1,500$, aged 18–24 years). The sample covered six North Caucasian regions: Stavropol, North Ossetia–Alania, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia, Chechnya and Ingushetia. Representativeness by gender, nationality and religion was ensured by observing quotas. Respondents' assessments were measured on a 5-point scale. Data processing was carried out in SPSS. To determine the influence of the ethno-confessional factor, ANOVA and post-hoc analysis were used.

Results. The study revealed the prevalence of common perceptions and evaluative approaches to the image of Russia. According to most empirical indicators, no statistically significant differences were found in students' self-identification based on ethnic and religious affiliation. The similarity in perceptions of basic socio-political values and understanding of Russia's image among Orthodox Christians and Muslims can be explained by the common traditional foundations of Orthodox and Islamic identity among young people. Respondents' religious affiliation has a greater influence on their assessments than their nationality. The influence of religious self-identification on the choice of a particular model of the state and the nature of its relations with the individual and society was also revealed. The image of a state that ensures sovereignty, security, and the preservation of civilizational identity is of the greatest importance. At the same time, its attractiveness decreases among non-religious respondents.

Discussion and Conclusion. The results of the study allow us to conclude that there is a prevailing generational community in the assessments of student youth of a number of values and socio-political foundations that determine the vector of the country's socio-cultural development. Young people focus on Russia's value-based civilizational identity. Studying how young people in the North Caucasus see Russia's social and political image will help form “assembly points” for Russian identity in this multi-ethnic region. Its practical significance lies in the introduction of new empirical material into scientific circula-

tion: the assessments and perceptions of North Caucasian youth about the models and images of the future Russia. The results will be useful to specialists in the field of social, humanitarian, and identity studies in multinational regions. Research into ways and models of implementing the socio-political foundations of Russia's image that are attractive to Generation Z can also be conducted in other multi-ethnic macro-regions of the country.

Keywords: youth, students, values, socio-political image of Russia, personality, society, state, North Caucasus, polyethnicity, polyconfessionality

Funding. The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation "Patriotism as an Integrating Value of a Multi-Ethnic Russian Society" (FSRN-2023-0025).

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Avdeev E.A., Bredikhin S.N., Vorobiev S.M. The Socio-Political Image of Modern Russia in the Perceptions of Student Youth in the North Caucasus. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(3):549–565. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202503.549-565>

Введение. Поиск и уточнение векторов интерпретации социально-политического образа России и его ценностного наполнения, способного обеспечить общенациональную консолидацию, сотрудничество молодых людей разных национальностей и конфессий, актуализируются в связи с ростом гибридных угроз и обострением международной напряженности. Северный Кавказ исторически формировался как территория фронта, где происходило взаимодействие различных народов. Социокультурная специфика северокавказского сообщества заключается в сочетании традиционных этнокультурных, конфессиональных и современных универсалистских ценностей. Их приоритетность и выраженность в сознании разнообразных поколенческих, национальных и религиозных групп может существенно варьироваться.

Цель статьи состоит в выявлении поколенческой общности и этнокультурной вариативности в представлениях студенческой молодежи Северо-Кавказского региона о социально-политическом образе России.

Гипотезой исследования послужило положение о сохранении значимости для молодого поколения базовых российских цивилизационных ценностей и ориентиров: самобытности и суверенитета, общенациональной консолидации и единства народов страны, уважения других ценностей и культур, патриотизма.

Предполагалось также, что значимость установок на уважение ценностей других народов и конфессий, общенациональное единство слабо зависит от национальности и вероисповедания. Общность социально-политических условий, в которых проходила социализация русской и северокавказской молодежи, обуславливает снижение роли этнического фактора в подобных оценках и представлениях об идеальных моделях, определяющих характер отношений между личностью, обществом и государством. Религиозный фактор видится взаимосвязанным с различными цивилизационными основаниями идентичности; его влияние на сознание молодежи может реализовываться как вариативность оценок основных конфессиональных групп.

Объектом эмпирического исследования стала студенческая молодежь в возрасте 18–24 года – представители поколения Z (фиджитал-поколения). На ее социализацию и ценностные приоритеты большое влияние оказывают развитие

цифровых технологий, глубокая медиатизация информационного пространства и связанные с этим социокультурные трансформации. Это молодые люди, получающие в настоящее время высшее образование и начинающие самостоятельную жизнь. Они демонстрируют ценности индивидуализма и самовыражения¹ [1–3].

Молодые поколения вовлечены в современные модернизационные процессы, что выводит их за рамки традиционных образцов социальных отношений и ставит перед выбором ценностей и моделей организации государственной и общественной жизни. Студенты вузов в силу образованности, информированности и социальной активности идут в авангарде перемен. Их представления выступают своеобразным социальным барометром. В связи с этим анализ представлений студенческой молодежи о социально-политическом образе России позволит выявить общность взглядов поколения Z, установить этноконфессиональную вариативность, а также оценить интегративный потенциал российских цивилизационных ценностей для дальнейшего социального развития.

Обзор литературы. Сложность современных социальных трансформаций предполагает опору на социокультурный и поколенческий подходы. Социокультурные изменения в модернизирующихся социумах подробно изучались Р. Инглхарт и К. Вельцелем. Они обосновали зависимость между достижением высокого уровня социально-экономического развития и наличием межпоколенческой разницы в ценностной сфере, которая выражается в сдвиге «...от традиционных ценностей к секулярно-рациональным и от ценностей выживания к ценностям самовыражения»².

Теоретическим ресурсом, объясняющим социокультурную вариативность модернизационных процессов, выступает предложенная Ш. Эйзенштадтом, Й. Арнасоном и другими исследователями концепция цивилизационного анализа и множественности модерна, обосновывающая влияние социокультурных факторов на характер и направленность социальных изменений³ [1; 2].

Базовые традиционные ценности и ориентиры обладают устойчивостью, задают приоритет определенных форм социальной самоорганизации, основанной на характере взаимоотношений личности, общества и государства, а также на представлениях о значимости индивидуализма и коллективизма. Важными среди них являются установки на межэтнический и межконфессиональный диалог.

Один из способов изучения общественных трансформаций в социальных науках – их рассмотрение сквозь призму межпоколенческой динамики. Поколенческая теория основывается на воззрениях К. Мангейма, считавшего, что «...быть современниками – значит подвергаться одинаковым влияниям, а не просто проживать в том же хронологическом периоде», участвуя в тех же событиях⁴.

¹ Мамина Р.И., Толстикова И.И. Поколение Z или поколение фиджитал в условиях деловой среды. *Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего*. 2019;(3):149–159.

² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство; 2011. С. 143.

³ Gaonkar D.P. *Alternative Modernities*. Durham: Duke University Press; 2001. 376 p.; Eisenstadt S.N. Multiple Modernities in an Age of Globalization. *The Canadian Journal of Sociology*. 1999;24(2):283–295; Arnason J. Domains and Perspectives of Civilizational Analysis. *European Journal of Social Theory*. 2010;13(1):5–13.

⁴ Мангейм К. *Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции*. М.: ИНИОН РАН; 2000. С. 14.

Под поколением понимается группа людей, совместно переживших значимые исторические и социальные события⁵. Именно они, по мнению В. В. Радаева, формируют «...важную часть условий взросления и социализации данного поколения... В свою очередь, эти условия конституируют специфические способы восприятия и практики поведения», отличающие одно поколение от другого⁶. Так, последствия масштабного социокультурного перелома конца 1990-х – начала 2000-х гг. привели к формированию поколения, значительно отличающегося от старших возрастных групп [4].

Характерные для молодого поколения представления о значимых социально-политических ценностях и ориентирах, желаемых моделях взаимоотношений личности и государства стали предметом изучения отечественных социальных наук. В частности, результаты масштабного (охватившего молодое и старшее поколения) общероссийского социологического исследования представлений о будущем России и образах страны, поколенческой общности и различиях отражены в коллективной монографии⁷. Многоаспектный анализ, опирающийся на многолетние социологические исследования динамики массового сознания и поведенческих практик молодых поколений, был проведен М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги⁸.

Связь смысловых компонентов образа страны с социально-демографическими характеристиками молодых людей и особенностями культурного пространства анализировали Ю. А. Зубок и Н. А. Селиверстова [5; 6]. Ими же изучалось влияние религиозной самоидентификации на воспроизводство различных элементов социокультурной саморегуляции [7].

А. В. Селезнева и Д. Д. Тулегенова, опираясь на материалы всероссийского опроса людей 14–30 лет, проведенного в 2022 г., отметили противоречивый характер ценностных основ мировоззрения российской молодежи. При сохранении значимости единства и консолидации была обнаружена приверженность индивидуалистическим и прагматическим установкам [8, с. 351–352].

В большинстве случаев современное российское государство вызывает положительные ассоциации, базирующиеся на понятиях земли, народа и культуры [9, с. 246]. Ряд работ посвящен выявлению различных аспектов социокультурной специфики молодых поколений, раскрытию конфессиональных, этнических и региональных факторов, влияющих на их идентификацию, ценностные установки и поведенческие практики [10; 11].

Отдельные региональные социологические исследования освещают проблематику становления и укрепления общероссийской идентичности молодых поколений в контексте их представлений об образах будущего и желаемых ориентирах развития страны [12; 13]. Формирование ценностных основ идентичности полиэтничной северокавказской молодежи и риски социокультурной конфликтности рассматриваются в [14–16].

⁵ Семенова В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение». В кн.: Россия реформирующаяся: ежегодник [сб. ст.]. Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН; 2003. С. 213–237.

⁶ Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2019. С. 35.

⁷ Горшков М.К., Тихонова Н.Е., Андреев А.Л. и др. Молодежь и Россия будущего. Под общ. ред. Горшкова М.К., Фрадкова М.Е., Тихоновой Н.Е. М.: Весь Мир; 2023. 394 с.

⁸ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН; 2020. 688 с.

Северный Кавказ – регион, переживающий масштабную трансформацию от традиционного к современному обществу, которая продолжается и в настоящее время⁹. Последствия постсоветской социально-экономической дестабилизации, череда этнонациональных конфликтов – это, по мнению И. В. Стародубровской, привело к разрушению прежних социальных норм и оформилось в «потребность осмыслить мир заново и изменить его в соответствии с ранее недостижимыми идеалами»¹⁰.

Особенностью модернизационных процессов в регионе является тенденция к реисламизации. Для местной молодежи характерны ярко выраженная религиозная идентичность и вовлеченность в исламские культовые практики [17, с. 265].

Социально значимые события (геополитические, социокультурные и экономические) оказывают серьезное влияние на формирование аксиологических доминант личности [18, с. 28]. Так, поколение Z подвержено влиянию процессов глобализации, унификации и интеграции многих сторон общественной жизни [19, с. 159].

Представителям этого поколения присущи определенные черты: общая система ценностей и однотипные социальные практики [1], ослабленные межэтнические барьеры в общении [2, с. 148], приоритет «мира повседневности» и потребительства. Снижается субъективное чувство социально-политической ответственности. Проявляется тренд «...на пролонгацию транзиции во взрослость», т. е. отсрочку обязательств взрослой жизни [3, с. 106].

Кроме того, общими для данного поколения российской молодежи, независимо от региона проживания, ценностно-мировоззренческими факторами, которые влияют на формирование базовых социальных ценностей и способствуют наполнению их новыми смыслами, выступают цифровизация социальной жизни, санкционное давление и международная напряженность (резкое обострение в 2022 г. и специальная военная операция).

Таким образом, большинство исследований рассматривают отдельные аспекты проблематики. Недостаточно внимания уделено установлению корреляции между конфессиональными идентичностями и представлениями о социально-политическом образе России, общероссийских ценностях и желаемых траекториях развития.

Материалы и методы. Для выявления количественных оценок полиэтнической студенческой молодежи Северо-Кавказского федерального округа по изучаемой проблематике в мае–июне 2024 г. был проведен онлайн-опрос – анкетирование на платформе Yandex Forms. Полученные данные обрабатывались в программе SPSS Statistics.

Описание выборки. Выборочную совокупность составили 1 500 респондентов в возрасте 18–24 года. Применялся квотный отбор единиц наблюдения по полу, профилю обучения, национальности и вероисповеданию. Репрезентативность обеспечивалась соблюдением следующих пропорций:

- 56 % девушек (837) и 44 % юношей (663);
- 57 % (849 чел.) опрошенных в возрасте 18–19 лет и 43 % (651) – 20–24 года;
- 47 % (710 чел.) русских, 43 (640) – представителей северокавказских народов, 10 % (150 чел.) – отнесли себя к другим народностям;

⁹ Стародубровская И.В. Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному. *Pro et Contra*. 2014;(1/2):96–105.

¹⁰ Стародубровская И.В. Радикализация и конфликт (на примере Северного Кавказа). *Социодиггер*. 2022;3(7):37–44. С. 38.

– 41 % (614 чел.) – православных, 38 (574) – мусульман, 17 (255) – нерелигиозных, т. е. не относящих себя ни к какому вероисповеданию, и 4 % (57 чел.) указали на принадлежность к другой религии;

– 50 % (747 чел.) обучающихся на естественно-научных и технических специальностях, 50 % (753 чел.) – на социогуманитарных.

Опрос проводился в основных вузах Северного Кавказа: Северо-Кавказском федеральном университете, Ставропольском государственном аграрном университете, Ставропольском государственном медицинском университете, Пятигорском государственном университете, Северо-Осетинском государственном университете им. К. Л. Хетагурова, Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х. М. Бербекова, Карачаево-Черкесском государственном университете им. У. Д. Алиева, Чеченском государственном педагогическом университете, Ингушском государственном университете. Все респонденты были проинформированы о целях и задачах исследования; в онлайн-опросе приняли участие только молодые люди, выразившие согласие к сотрудничеству.

Инструментарий и анализ данных. Инструментарий исследования составили вопросы, направленные на выявление основных социально-политических ценностей и ориентиров, представлений о желаемых базовых социально-политических институтах и на определение характера отношений между личностью, государством и обществом. Отдельный блок образовали вопросы, позволяющие оценить уровень вовлеченности молодежи в общественно-политическую повестку, а также степень ее беспокойности актуальными социальными проблемами.

Полученные данные анализировались с учетом распределения по квотам (национальность и вероисповедание). Выделение основных для региона этноконфессиональных групп дало возможность выявить и сравнить общее и различное в представлениях молодых людей из числа русского и северокавказских народов, православных, мусульман и нерелигиозных.

Для определения влияния этноконфессионального фактора на результирующие оценки был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA); для выявления наличия/отсутствия статистически значимых различий между средними оценками исследуемых этноконфессиональных групп – post-hoc анализ (апостериорный тест Тьюки).

Результаты исследования. В оценках молодых людей отдельные базовые характеристики социально-политического образа России являются значимыми эмпирическими индикаторами поколенческой общности и этноконфессиональной вариативности их представлений.

Ценностные ориентации. Для замера ценностных профилей выделенных этноконфессиональных групп респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале ряд российских ценностей и установок, имеющих надэтнический характер (5 баллов – максимальная оценка, 1 балл – минимальная).

Наиболее значимой ценностью оказалась любовь к Родине (4,3 балла). Большое значение имеют установки на уважение культуры других народов и сохранение русского культурного наследия (4,2 балла).

Среди ориентиров социально-политического характера, обеспечивающих общенациональную консолидацию и сплочение, высокий балл получило общена-

циональное единство народов России (4,1 балла). Важность общенациональных целей, самобытности и суверенитета России была оценена в среднем на 4,0 балла.

Средняя оценка консолидации перед лицом внешних угроз несколько снижена (3,7 балла), что может объясняться меньшей очевидностью для молодых людей таких угроз и сохраняющейся в регионе социально-политической стабильностью.

ANOVA подтверждает гипотезу об отсутствии статистически значимых различий в оценках наблюдаемых групп: русские, северокавказские и другие народы ($F - 0,6 < F\text{-крит.} - 3,6$); православные, мусульмане и нерелигиозные ($F - 3,5 < F\text{-крит.} - 3,6$). При этом влияние на оценки фактора вероисповедания выше влияния параметра национальности. Тест Тьюки выявил различия при парных сравнениях только в группах православных и нерелигиозных респондентов ($Q - 3,7 > Q\text{-крит.} - 3,0$) (табл. 1). Эти результаты свидетельствуют о преобладании поколенческой общности. Есть незначительная вариативность в зависимости от вероисповедания, ярче всего проявляющаяся при сравнении оценок православной и нерелигиозной молодежи.

Таблица 1. Различия ценностных профилей религиозных и нерелигиозных респондентов, средний балл

Table 1. Differences in the value profiles of religious and non-religious respondents, average score

Ценности и ориентиры / Values and guidelines	Оценка респондентами / Respondents' assessment			Всего, n = 1 500 / Total, n = 1 500
	православны- ми / Orthodox	мусульманами / Muslims	нерелигиозны- ми / Non-Reli- gious	
Любовь к Родине / Love for the Motherland	4,5	4,2	4,0	4,3
Уважение культуры и цен- ностей других народов / Respect for the culture and values of other peoples	4,3	4,2	4,2	4,2
Российское культурное наследие / Russian cultural heritage	4,4	4,0	4,2	4,2
Общенациональное един- ство народов России / National unity of the peoples of Russia	4,2	4,1	4,0	4,1
Значимость общенацио- нальных целей / Importance of national goals	4,1	4,0	3,7	3,9
Самобытность и сувере- нитет России / Identity and sovereignty of Russia	4,1	3,8	3,7	4,0
Консолидация перед лицом внешних угроз / Consolidation in the face of external threats	3,8	3,7	3,5	3,7

Примечание / Note. Таблицы 1–3 составлены авторами по результатам эмпирического исследования 2024 г. / Tables 1–3 were compiled by the authors based on the results of an empirical study in 2024.

Представления о значимости базовых институтов формируют в сознании молодежи волонтеративное пространство характеристик социально-политического образа России. Респондентам было предложено выбрать предпочтительные на их взгляд модели-образы российского государства (не более двух). Наиболее значимой является модель сильного государства, обеспечивающего суверенитет, безопасность и сохранение цивилизационной самобытности (56 %). Его ценность снижается в представлениях нерелигиозных (42 %) и возрастает для православных (66 %) участников исследования.

На государство, обеспечивающее удовлетворение базовых потребностей граждан и определяющее нормы жизни и поведения, указала четверть опрошенных (26 %); занятое повышением качества жизни граждан и не претендующее на статус великой державы – почти 14 %. При этом в группе нерелигиозных молодых людей предпочла последнюю модель большая доля респондентов (20 %).

Две остальные модели, предполагающие безусловные гарантии прав и свобод граждан и обеспечение равенства перед законом, выбрали немногим больше 10 % участников опроса. Образ государства, гарантирующего равноправие и не вмешивающегося в реальную жизнь людей, оказался привлекателен для нерелигиозных (17 %) людей (табл. 2). Можно говорить о влиянии религиозной самоидентификации на выбор модельных образов государства.

Таблица 2. Социально-политический образ современной России в представлениях религиозных и нерелигиозных респондентов, %

Table 2. The socio-political image of modern Russia in the views of the religious and non-religious respondents, %

Характеристика образа России / Characteristics of the image of Russia	Оценка респондентами / Respondents' assessment			Всего, n = 1 500 / Total, n = 1 500
	православными / Orthodox	мусульманами / Muslims	нерелигиозными / Non-religious	
1	2	3	4	5

Сильное государство, обеспечивающее суверенитет, безопасность и сохранение цивилизационной самобытности / A strong state that ensures sovereignty, security and the preservation of civilizational identity

66 53 42 56

Государство, которое занято повышением качества жизни граждан и не претендует на статус великой державы / A state that is busy improving the quality of life of its citizens and does not claim the status of a great power

12 11 20 14

Окончание табл. 2 / End of the table 2

1	2	3	4	5
Государство, обеспечивающее равноправие, равную защиту законом и не вмешивающееся в реальную жизнь людей / A state that provides equality, equal protection of the law and does not interfere in the real lives of people	12	11	17	12

В группе нерелигиозных респондентов снижена привлекательность сильного и суверенного государства. Для них большее значение имеет модель государства с высоким качеством жизни, равенством прав и автономностью личности, не претендующего на роль великой державы.

Модели отношений государства и личности. Важной социально-политической чертой образа России служит характер отношений личности и государства. Больше трети опрошенных считают, что интересы государства и личности равнозначны (36 %). Альтернативные варианты, предполагающие приоритет интересов государства (16 %) или личности (13 %) менее значимы. Данные результаты говорят о преобладании поколенческой общности и несущественном влиянии этноконфессиональной самоидентификации на представления студенчества.

Основы общенационального единства и выбор ориентиров социально-политического развития выступают предметом дискуссий. Молодежь в силу возраста не является их активным участником, однако ее представления во многом сформированы под влиянием этого дискурса, а также характера и динамики современных социально-политических событий. В будущем ей предстоит сделать выбор, который определит судьбу страны.

Респондентам предлагалось выразить согласие или несогласие с альтернативными суждениями, опирающимися на разные основы общенационального единства. Консолидация на базе общих ценностей и целей, единство на основе равноправия, равной защиты законом и обязанности его соблюдения получили одинаковое число баллов (3,7). При этом степень согласия/несогласия с альтернативами социально-политического развития значительно различалась. Выявлен приоритет восприятия России в качестве самодостаточной державы, имеющей отличные от европейских нормы и ценности (3,6 балла). Частью современного Запада, которой следует жить согласно его ценностям, воспринимает страну меньшая часть студентов (2,6 балла).

Статистически значимые различия в оценках русских, северокавказских и других народов ($F - 0,1 < F\text{-крит.} - 4,3$), православных, мусульман и нерелигиозных ($F - 0,2 < F\text{-крит.} - 4,3$) отсутствуют. Влияние факторов вероисповедания и национальности несущественно. Тест Тьюки не определил отличия при парных сравнениях оценок этих групп. При оценках альтернативных основ, обеспечивающих общенациональное единство и задающих вектор социально-политического развития России, преобладают поколенческая общность и ориентированность на ценностно-цивилизационную самодостаточность.

Оценка альтернатив, касающихся отношений государства и личности, показала примерную равнозначность приоритетов защиты целостности и единства страны (3,9 балла) и значимости обеспечения личных интересов (3,8 балла) в восприятии молодежи. Близки оценки суждения, постулирующего примат общественных интересов над личными (3,2 балла), и обратного ему утверждения (3,1 балла). ANOVA не выявил значимого влияния национальности ($F - 0,2 < F\text{-крит.} - 4,3$) и вероисповедания ($F - 0,4 < F\text{-крит.} - 4,3$) на оценки этих суждений в наблюдаемых группах.

В ходе попарных сравнений оценок в этих группах значимые различия также отсутствовали. Иначе говоря, на представления о моделях отношений личности, общества и государства этноконфессиональная самоидентификация не оказывает практически никакого влияния. Не выявлено предпочтений общественных или личных интересов. Таким образом, среди студенческой северокавказской молодежи разных национальностей и вероисповеданий сформировались общие представления, характерные для данной поколенческой общности.

Основные угрозы безопасности. Обеспокоенность молодежи актуальными социальными проблемами дает возможность оценить степень ее вовлеченности в общественно-политическую повестку. Респондентам было предложено дать оценки основным угрозам российскому обществу и государству (табл. 3). Наиболее значимыми выступили террористические угрозы: терроризм (4,2 балла), распространение национализма и экстремизма (4,0), межнациональные конфликты (4,0 балла).

Таблица 3. Степень обеспокоенности террористическими угрозами религиозных и нерелигиозных респондентов, средний балл

Table 3. Level of concern about terrorist threats among religious and non-religious respondents, average score

Террористические угрозы / Terrorist threats	Оценка респондентами / Respondents' assessment			Всего, n = 1500 / Total, n = 1500
	православными / Orthodox	мусульманами / Muslims	нерелигиозными / Non-religious	
Угроза терроризма (взрывы, поджоги, террор) / Threat of terrorism (explosions, arson, terror)	4,4	4,1	4,1	4,2
Распространение национализма и экстремизма / Spread of nationalism and extremism	4,2	4,0	3,8	4,0
Межнациональные конфликты / Interethnic conflicts	4,1	4,0	3,8	4,0

ANOVA не подтвердил значимых различий в группах по фактору национальности ($F - 3,9 < F\text{-крит.} - 5,1$), но выявил различия по вероисповеданию ($F - 5,5 > F\text{-крит.} - 5,1$): в ходе попарных сравнений между православными и нерелигиозными ($Q - 4,6 > Q\text{-крит.} - 3,5$) участниками.

Можно предположить, что отсутствие конфессиональной самоидентификации для атеистически настроенных молодых людей приводит к снижению роли национальной и гражданской идентичности, что делает их менее вовлеченными

в актуальную российскую общественно-политическую повестку. Геополитические угрозы беспокоят молодежь в меньшей степени: специальная военная операция на Украине (3,6 балла), возможность нападения других государств (3,4) и растущая международная конфронтация (3,3 балла). Не выявлено существенных различий в оценках русских, северокавказских и других народов ($F - 2,7 < F\text{-крит.} - 5,1$), православных, мусульман и нерелигиозных ($F - 2,7 < F\text{-крит.} - 5,1$).

Парные сравнения также не подтвердили значимых различий в представлениях участников исследования. Среди социально-политических угроз наибольшую обеспокоенность вызывает утрата традиционных российских ценностей (3,5 балла). В меньшей степени беспокоят респондентов частичная изоляция России (3,2 балла) и усиление зарубежного дестабилизирующего информационного влияния (3,1 балла). Воздействие факторов национальности ($F - 1,1 < F\text{-крит.} - 5,1$) и вероисповедания ($F - 1,4 < F\text{-крит.} - 5,1$) статистически незначимо. Различий в оценках в ходе парных сравнений также не было выявлено.

Несмотря на резкое снижение количества актов терроризма и экстремизма на Северном Кавказе по сравнению с 1990–2000-ми гг., эта проблема сохраняет актуальность в восприятии студенчества. Меньшая включенность молодых людей, независимо от их этноконфессиональной самоидентификации, в геополитическую повестку снижает их обеспокоенность угрозами, связанными с негативными эффектами международной конфронтации и попыток изоляции России. Также на уровень обеспокоенности этой проблематикой оказывает влияние религиозная самоидентификация.

Обсуждение и заключение. Исследование социально-политических ценностей и представлений об образе современной России в сознании полиэтнической студенческой молодежи Северного Кавказа выявило консолидирующую роль данных воззрений. Отсутствие значимых различий в представлениях о ценностном наполнении образа России в зависимости от национальности и вероисповедания свидетельствует о формировании у названной категории населения поколенческой общности. Близость оценок базовых социально-политических ценностей и ориентиров православных и мусульман может быть объяснена общностью традиционных основ православной и исламской идентичности, опирающейся на единство ядерных областей аксиосфер авраамических религий.

Для нерелигиозных респондентов характерна меньшая выраженность традиционных аксиологических основ, что определяет снижение значимости обусловленных ими мировоззренческих ориентиров. Это отличает их от религиозных (православных и мусульман) участников. В целом отношение к религии – единственный выявленный значимый маркер ценностных различий. Меньшая значимость российских социально-политических ценностей в нерелигиозной группе, вероятно, объясняется большей индивидуалистической и прагматической направленностью взглядов ее представителей.

Наиболее значимыми для респондентов являются образ России как самодостаточной страны, имеющей самобытные, отличные от европейских нормы и ценности, а также ориентация на сильное государство, обеспечивающее суверенитет, безопасность и сохранение цивилизационной самобытности. Для нерелигиозных участников более привлекательной выступает модель государства, обеспечивающего высокое качество жизни, равенство прав и автономность личности. Гипотеза исследования

о сохранении значимости для молодого поколения базовых российских социально-политических ценностей и ориентиров получила эмпирическое подтверждение.

Проекция образа современной России в сознании молодого поколения были предметом исследований неоднократно. Так, В. С. Комаровский, опираясь на результаты фокус-групповых интервью, проведенных в 10 российских региональных вузах в 2019–2020-м гг., сделал вывод о противоречивости студенческих представлений. У многих Россия ассоциировалась с европейской цивилизацией, другие считали, что это уникальное государство, с отличными от европейских ценностями: «ЕС живет своей жизнью, а Россия живет своей жизнью» [20, с. 193].

Исследование образа страны и ориентиров молодежи Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Краснодарского края показало, что преобладает личностная траектория. При этом люди хотят жить в суверенной стране, являющейся мировым лидером, гарантом сохранения традиционных ценностей и историко-культурного наследия [21, с. 77].

Н. М. Великая и А. В. Дорошина, проанализировав политическую идентификацию молодежи Московского региона, отмечают эклектичность и некоторую противоречивость их аксиологических установок на фоне лояльности государству [22, с. 38].

Некоторая противоречивость и эклектичность представлений молодых людей требуют внимательного осмысления цивилизационной специфики России, конструирования российской идентичности с порой на традиционные аксиологические доминанты.

В условиях обострившейся военно-политической конфронтации и нестабильности современного мира, возросших угроз общественной безопасности существенно увеличивается значимость представлений молодежи о будущем России. Среди общественно-политических угроз наибольшую обеспокоенность у нее вызывают терроризм, национализм и межнациональные конфликты. Наряду с поколенческой общностью в смысловом наполнении приоритетного образа страны имеют место и ценностные различия, обусловленные конфессиональной идентичностью.

Подобные тенденции характерны для полиэтничных регионов России, что определяет необходимость дальнейших региональных мониторинговых исследований ценностных основ мировоззрения молодых людей, общих для них, разделяемых всеми базовых ценностей, а также этноконфессиональных различий. Кроме того, нужно искать пути и модели реализации социально-политических основ образа страны, привлекательные для представителей поколения Z, способы репрезентации актуальных российских ценностей в сетевом пространстве.

Исследование представлений полиэтничной и поликонфессиональной северокавказской студенческой молодежи о социально-политическом наполнении образа России станет вкладом в формирование «точек сборки» российской идентичности, актуализацию ее социально-политических основ, интеграцию множественных этноконфессиональных идентичностей на платформе общих представлений о стране и желаемых траекториях ее развития. В научный оборот вводится новый эмпирический материал; изучаются пути и модели реализации социально-политических основ образа России, привлекательных для представителей поколения Z.

Ограничением исследования является его возрастной и географический охват, направленность на определенную категорию населения. Перспективным видится изучение оценок и воззрений как учащейся, так и работающей молодежи Северного Кавказа и других макрорегионов России со сложной этнокультурной структурой населения: Поволжья, Крыма, Урала и Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зинурова Р.И. Формирование «сетевого сознания» поколения Z в виртуальном пространстве. *Управление устойчивым развитием*. 2021;(4):48–53. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46615445>
2. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования). *Вестник Томского государственного университета*. 2022;(476):146–158. <https://doi.org/10.17223/15617793/476/16>
3. Андреева А.С. Три измерения взрослости в XXI веке: ответственность, свобода и забота. *Социологические исследования*. 2023;(7):105–116. <https://elibrary.ru/item.asp?id=54611245>
4. Ядова М.А. Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи. *Полит. Политические исследования*. 2020;(6):181–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.14>
5. Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи. *Наука. Культура. Общество*. 2022;28(4):56–74. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5>
6. Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры. *Наука. Культура. Общество*. 2023;29(3):39–52. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1>
7. Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Религиозная самоидентификация молодежи в воспроизводстве социокультурного механизма саморегуляции. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2023;26(2):135–174. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.7>
8. Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д. «В слове „МЫ“ сто тысяч „Я“»: коллективное и индивидуальное в мировоззрении российской молодежи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2024;26(2):341–356. <https://elibrary.ru/item.asp?id=68477168>
9. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д. Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2023;25(1):233–251. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251>
10. Кублицкая Е.А. Основные ценности консолидации российского общества в представлениях религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи. *Научный результат. Социология и управление*. 2023;9(2):21–42. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3>
11. Левашов В.К., Гребняк О.В., Новоженина О.П. Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2021;14(2):104–120. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120>
12. Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В. Образ России настоящего и будущего в представлениях юношества: смысловые в условиях новых вызовов и возможностей. *Society and Security Insights*. 2023;6(1):13–31. URL: <https://clck.ru/3NtSEk> (дата обращения: 06.05.2025).
13. Вилков А.А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2022;22(1):101–107. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107>
14. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет. *Социологические исследования*. 2022;(7):76–87. <https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2>
15. Денисова Г.С., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Конфликтогенные риски этнокультурных оснований идентичности студенческой молодежи: случай фронтального северокавказского региона. *Регионоведение*. 2024;32(2):198–216. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216>

16. Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Традиционные ценностные основы общероссийской идентичности: на примере молодежи Северного Кавказа. *Социологическая наука и социальная практика*. 2023;11(3):37–54. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.2>
17. Шахбанова М.М. Общественно-политические установки молодого поколения дагестанцев: через призму исламского вероучения (по результатам социологического опроса). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2024;24(3):256–266. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-256-266>
18. Зинурова Р.И. Социокультурные параметры гражданского активизма поколения зет. *Управление устойчивым развитием*. 2022;(2):24–29. https://doi.org/10.55421/2499992X_2022_2_24
19. Милехин А.В., Сидорина А.В. Поколенческий классификатор современного российского общества. *Вестник университета*. 2021;(1):156–163. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-1-156-163>
20. Комаровский В.С. Видение будущего страны российской молодежью: надежды и опасения. *Власть*. 2021;29(5):187–194. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8556>
21. Самаркина И.В., Башмаков И.С., Колозов Д.П., Кузьменко Н.П. Образ будущего как компонент субъективного пространства политики: концептуальная модель и опыт ее апробации. *Полис. Политические исследования*. 2024;(5):66–81. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.05>
22. Великая Н.М., Дорошина А.В. Самоидентификация молодежи Московского региона как фактор конструирования образа будущего России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2022;22(1):31–38. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38>

REFERENCES

1. Zinurova R.I. Formation of “Network Consciousness” of Generation Z in Virtual Space. *Sustainable Development Management*. 2021;(4):48–53. (In Russ., abstract in Eng.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=46615445>
2. Zinurova R.I., Nikitina T.N., Fatkhullina L.Z. Social Practices and Socio-Psychological Characteristics of Generation Z (Based on the Results of Focus Group Research). *Tomsk State University Journal*. 2022;(476):146–158. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.17223/15617793/476/16>
3. Andreeva A.S. Three Dimensions of Adulthood: Freedom, Responsibility, and Care. *Sotsiologicheskoe issledovaniya*. 2023;(7):105–116. (In Russ., abstract in Eng.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=54611245>
4. Jadova M.A. Generation of Millennials in Russian Society: In Search of Another Youth. *Polis. Political Studies*. 2020;(6):181–188. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.14>
5. Zubok Y.A., Seliverstova N.A. Essential Components of the Image of the Future of the Country in the Representations of the Youth. *Science. Culture. Society*. 2022;28(4):56–74. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5>
6. Zubok Y.A., Seliverstova N.A. Youth Views about the Future of the Country in the Projection of Culture. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):39–52. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1>
7. Seliverstova N.A., Zubok Y.A. Religious Self-Identification of Youth: a Socio-Cultural Mechanism of Reproduction. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2023;26(2):135–174. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.7>
8. Selezneva A.V., Tulegenova D.D. A Hundred Thousand “Me” in one “We”: Collective and Individual in the Russian Youth Worldview. *RUDN Journal of Political Science*. 2024;26(2):341–356. (In Russ., abstract in Eng.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=68477168>
9. Evgenyeva T.V., Selezneva A.V., Skipin N.S., Tulegenova D.D. Request for Paternalism: The Concept and Value of State in the Minds of Russian Youth. *RUDN Journal of Political Science*. 2023;25(1):233–251. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251>
10. Kublitskaya E.A. The Main Values of the Consolidation of Russian Society in the Views of Religious and Non-Religious Student Youth. *Research Result. Sociology and Management*. 2023;9(2):21–42. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3>

11. Levashov V.K., Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. Images of the Future in the Consciousness of Russian Youth: Value Orientations, Digital Innovation and Socio-Political Expectations. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. 2021;14(2):104–120. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-104-120>
12. Shaikhislamov R.B., Asadullina G.R., Sadretdinova E.V. The Image of Russia Present and Future in the Ideas of Youth: Semantic Hemes in the Context of New Challenges and Opportunities. *Society and Security Insights*. 2023;6(1):13–31. (In Russ., abstract in Eng.). Available at: <https://clck.ru/3NtSEk> (accessed 06.05.2025).
13. Vilkov A.A. The Value-Ideological Factor in Shaping the Image of the Future of Russia among Modern Youth (Regional Case). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(1):101–107. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107>
14. Avksentiev V.A., Aksiumov B.V. “Identities Portfolio” of the Youth of the Southern Russia after 12 Years. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(7):76–87. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2>
15. Denisova G.S., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Conflict-Generating Risks of the Ethnocultural Foundations of the Student Youth Identity: The Case of the Frontier North Caucasus Region. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):198–216. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216>
16. Avdeev E.A., Vorob'ev S.M. Traditional Value Foundations of All-Russian Identity: Case Study of the Northern Caucasus Youth. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*. 2023;11(3):37–54. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.2>
17. Shahbanova M.M. Socio-Political Attitudes of the Young Generation of Dagestanis: Through the Prism of Islamic Doctrine (Based on the Results of the Sociological Survey). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2024;24(3):256–266. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-256-266>
18. Zinurova R.I. Socio-Cultural Features of Generation Zet Civic Activism. *Sustainable Development Management*. 2022;(2):24–29. (In Russ., abstract in Eng.). https://doi.org/10.55421/2499992X_2022_2_24
19. Milekhin A.V., Sidorina A.V. Generational Classifier of Modern Russian Society. *Vestnik universiteta*. 2021;(1):156–163. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-1-156-163>
20. Komarovskiy V.S. Vision of the Future of the Country by Russian Youth: Hopes and Fears. *Vlast'*. 2021;29(5):187–194. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8556>
21. Samarkina I.V., Bashmakov I.S., Kolozov D.P., Kuzmenko N.P. The Future Image as a Component of Political Subjective Space: Testing the Conceptual Model. *Polis. Political Studies*. 2024;(5):66–81. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.05>
22. Velikaya N.M., Doroshina A.V. Self-Identification of Youth in the Moscow Region as a Factor of Constructing the Image of the Russia's Future. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(1):31–38. (In Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38>

Об авторах:

Авдеев Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета (355017, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>, Researcher ID: [ABA-9634-2021](https://orcid.org/0000-0003-4004-9610), Scopus ID: [57217380810](https://orcid.org/0000-0003-4004-9610), ewg.avdeev@yandex.ru

Бредихин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента лингвистики факультета международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (355017, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>, Researcher ID: [Q-5512-2016](https://orcid.org/0000-0002-2191-4982), Scopus ID: [56642547700](https://orcid.org/0000-0002-2191-4982), bredichinsergey@yandex.ru

Воробьев Сергей Михайлович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета (355017, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>, Researcher ID: [ABB-4151-2021](https://orcid.org/0000-0002-8893-2595), Scopus ID: [57217390630](https://orcid.org/0000-0002-8893-2595), SPIN-код: [4483-1431](https://orcid.org/0000-0002-8893-2595), sergey_vorobev_54@mail.ru

Вклад авторов:

Е. А. Авдеев – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка методологии исследования; применение статистических методов для анализа данных исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: визуализация результатов исследования и полученных данных.

С. Н. Бредихин – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи.

С. М. Воробьев – формулирование идеи исследования, целей и задач; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.03.2025; одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

About the authors:

Evgenii A. Avdeev, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor of the Chair of Philosophy and Ethnology, North Caucasus Federal University (1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>, Researcher ID: [ABA-9634-2021](#), Scopus ID: [57217380810](#), ewg.avdeev@yandex.ru

Sergey N. Bredikhin, Dr.Sci. (Philol.), Professor of the Chair of Linguistics, Faculty of International Relations of the North Caucasus Federal University (1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>, Researcher ID: [Q-5512-2016](#), Scopus ID: [56642547700](#), bredichinsergey@yandex.ru

Sergey M. Vorobiev, Cand.Sci. (Polit.), Associate Professor of the Chair of Philosophy and Ethnology of the North Caucasus Federal University (1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>, Researcher ID: [ABB-4151-2021](#), Scopus ID: [57217390630](#), SPIN-code: [4483-1431](#), sergey_vorobev_54@mail.ru

Contribution of the authors:

E. A. Avdeev – formulation of overarching research goals and aims; development of methodology; application of statistical techniques to analyse or synthesize study data; conducting a research and investigation process, specifically data collection; preparation, creation and presentation of the published work, specifically visualization.

S. N. Bredikhin – conducting a research and investigation process, specifically data collection; preparation, creation and presentation of the published work, specifically critical review.

S. M. Vorobiev – formulation or evolution of overarching research goals and aims; conducting a research and investigation process, specifically data collection; preparation, creation and presentation of the published work, specifically critical review.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 27.03.2025; revised 30.04.2025; accepted 06.05.2025.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* system.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should

be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the Vancouver Citation Style. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10×15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Natalya V. Shumkova – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 32 86 14.

Регионология

Редактор *Н. В. Чернышова.*

Компьютерная верстка *О. С. Дроздова.*

Перевод *С. В. Голованова.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС 77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 17.09.2025. Дата выхода в свет 30.09.2025. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 15,6. Тираж 1 000 экз. I завод – 100 экз. Заказ № 417. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *N. V. Chernushova.*

Desktop publishing by *O. S. Drozdova.*

Translation by *S. V. Golovanov.*

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov.*

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 17.09.2025. Date of publishing 30.09.2025. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 15.6. Number of copies: 1,000. 1st edition – 100 copies. Order No. 417. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

Научный журнал Scholarly Journal

Издается с октября 1992 года
Published since October 1992

<http://regionsar.ru>